

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История

№ 2 (66), 2023

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст.науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, доц. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
акад. РАН Ю.С. Пивоваров (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкин (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Ё. Икэда (Токийский университет, Япония);
проф. филологии П. Карагёзов (университет св. Климента Охридского,
г. София, Болгария);
проф. истории Д. Орловски (Южный методистский университет, г. Даллас, США);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США);
проф. истории Л. Штайндорф (университет им. Христиана Альбрехта,
г. Киль, Германия)

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть reproduced без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2023

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: History

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

- D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva (*editor-in-chief*);
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov (*executive secretary*);
D. Sc. in History, V.B. Aksenov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
Acad. of RAS Yu.S. Pivovarov (Moscow);
D. Sc. in History N.L. Pushkareva (IEA RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.S. Khodnev;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev (IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of Philology P. Karagozov (University of St. Kliment Ohridski,
Sofia, Bulgaria);
Prof. of History D. Orlowsky (Southern Methodist University, Dallas, USA);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA);
Prof. of History L. Steindorff (Cristian-Albrechts-Universität, Kiel, Germany)

Editorial Office:

Office 201, 16/31, Trehsvyatskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.: +7(4822)34-16-85

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Белова А.В. Социальный оптимизм как интенция в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели»: практики самоанализа академика П.Я. Кочиной	5
Булдаков В.П. От революции к диктатуре: политико-идентификационные процессы по материалам эго-документов	21
Леонтьева Т.Г. Русская православная церковь и духовенство в годы Гражданской войны	42

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Степанова Ю.В. Опыт изучения расселения в Торопецком уезде XVI–XVII вв. с применением геоинформационных технологий: возможности, ограничения, результаты.....	60
Усенко О.Г. Булавинское восстание в русскоязычной историографии (системный анализ)	76

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

Гаврилов П.В. Историография изучения Бежецкой пятины Новгородской земли периода позднего Средневековья и раннего Нового времени	93
Егоров П.Е. Рабство и религиозный вопрос в публицистике и художественной литературе США 20–50 гг. XIX века	105
Потворов А.И. «Мобилизация спорта» в средних учебных заведениях Российской империи в годы Первой мировой войны	113

СООБЩЕНИЯ

Дробот А.Н. Восстановление и техническое перевооружение материально-технической базы МЧС ЛНР (2014 – 2022 гг.): исторический аспект	123
--	-----

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Булдаков В.П. [Рец.] Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 414 с. (Эпоха войн и революций; вып. 15).....	134
--	-----

Зеленская Ю.Н. [Рец.] Леонтьева Т.Г., Беговатов Д.А., Дмитриев Н.А., Леонтьева О.Г. «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: Религиозные практики населения Калининской области по воспоминаниям "детей войны"». Тверь: СФК-ОФИС, 2022. – 240 с.	141
--	-----

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	146
-----------------------------------	-----

CONTENTS

THE HISTORY OF RUSSIA

A. V. Belova Social Optimism as an Intention in Women's Autobiographical Memory of the Age of Khrushchev's «Thaw: The Practices of Self-Analysis of Academician P.Ya. Kocchina	5
Vladimir P. Buldakov From Revolution to Dictatorship: Political and Identification Processes on the Materials of Ego-Documents	21
T.G. Leontieva The Russian Orthodox Church and clergy during the Civil War	42

HISTORIOGRAPHY. SOURCE STUDY. METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Yu.V. Stepanova The study of the resettlement in Toropetsky uezd of the 16th-17th centuries using geoinformation technologies: possibilities, limitations, results	60
O.G. Usenko Bulanin Uprising in the Russian-Language Historiography (System Analysis)	76

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

P.V. Gavrilov Historiographical context of the historical and geographical study of the Bezhetskaya Pyatina	93
P.E. Egorov Slavery and the religious question in publicism and fiction in the USA in 20–50 years XIX century	105
A.I. Potvorov «Sports Mobilization» in Secondary Educational Institutions Russian Empire During the First World War	113

THE REPORT

A.N. Drobot Restoration and Technical Re-Equipment of the Material and Technical Base of the Ministry of Emergency Situations of LPR (2014–2022): Historical Aspect	123
--	-----

THE CRITICISM. THE BIBLIOGRAPHY. THE SCIENTIFIC LIFE

Vladimir P. Buldakov [Rev.] <i>Gurhy M.</i> The Great War of Professors. Humanitarian Sciences. 1912–1923. SPB.: Publishing House of the European University in ST. Petersburg, 2021. 414 S. (Age of Wars and Revolutions; Issue 15). (<i>Gurnyj M.</i> Velikay vojna professorov. Gumanitarnye nauki. 1912–1923. SpB.: Izdatel'stvo Evropejskogo Universiteta v Sankt-Peterburge, 2021. – 414 S. (Epokha vojn i revolyutcij; Vyp. 15))	134
---	-----

Yu. N. Zelenskaya [Rev.] <i>Leontieva T.G., Begovatov D.A., Dmitriev N.A., Leont'eva O.G.</i> «Church Life in Soviet Society in 1940–1950: Religious Practices of the Population of the Kalinin Region According to the Memoirs of «children of War». Tver: SFK-OFFICE, 2022. – 240 p. (<i>Leont'eva T.G., Begovatov D.A., Dmitriev N.A., Leont'eva O.G.</i> «Cerkovnaya zhizn' v sovetskem obshchestve v 1940–1950 gg.: Religioznye praktiki naseleniya Kalinskoy oblasti po vospominaniyam "detej vojny"». Tver: SFK-OFIS, 2022. – 240 s.)	141
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	146
-------------------------------	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084.9

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.005–020

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ КАК ИНТЕНЦИЯ В ЖЕНСКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЭПОХИ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»: ПРАКТИКИ САМОАНАЛИЗА АКАДЕМИКА П.Я. КОЧИНОЙ¹

А.В. Белова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена концепту социального оптимизма как ведущей интенции в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели». На основе исследования опубликованных мемуаров третьей женщины-академика в СССР П.Я. Kochinой выявляются черты социального оптимизма в самоанализе повседневной жизни и мировоззренческих установок, анализируются некоторые вехи профессионального и общественного пути учёной, выясняется сопряженность индивидуальных и коллективных ценностных ориентаций. В заключении делается вывод о том, что позитивные жизненные установки, которые содержали колоссальный преобразовательный потенциал, характеризовали и ее собственное мировоззрение, и своеобразный «женский голос» эпохи, озвучивший коллективную автобиографическую память женщин и воплотивший опыты их повседневности, устремленной к созданию социально-го проекта «лучшего будущего».

Ключевые слова: академик Пелагея Яковлевна Kochина, повседневная жизнь, женская повседневность, женская автобиографическая память, социальный оптимизм, женская история, хрущевская «оттепель».

Интенция социального оптимизма стала одним из ключевых ресурсов развития советского общества в условиях хрущевской «оттепели». Это отчетливо проявилось в женской автобиографической памяти участниц событий, для которых двадцатое столетие стало не только временем кардинальных общественных трансформаций, но и не возможных в рамках прежней социальной системы личных траекторий мобильности и эмансипации.

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)» (№ 22-28-01428).

пации. В этом смысле наиболее характерный пример – судьба академика Пелагеи Яковлевны Кочиной (Полубариновой) (1899–1999), которая была одной из видных представительниц советской науки, крупным ученым в области гидродинамики и прикладной математики². Она внесла большой вклад в реализацию женской истории XX века: собственной биографией третья женщина-академик (1958) в СССР воплотила «новую судьбу» советской женщины, совершив социальное восхождение из крестьянской среды до Академии наук. Подобная социальная мобильность, выступая одним из проявлений женской эмансипации в советском обществе, служила вместе с тем важным связующим звеном с дореволюционными достижениями в области высшего образования для женщин и доступа их к профессиональной самореализации.

Будучи одной из представительниц первых поколений россиянок, получивших высшее образование, и являясь его апологетом, П. Я. Кочина стала исследовательницей³ жизненного и научного пути другой «знаменитой» русской женщины – Софьи Васильевны Ковалевской⁴ (для которой в XIX в. таких возможностей внутри страны еще не существовало), взглянула на коллективную работу по переводу, публикации, изучению ее мемуарного, художественного и эпистолярного наследия⁵. Начиная с первых детских воспоминаний в автобиографической памяти П. Я. Кочиной истории разных женщин тесно переплетаются с ее «личной» женской историей.

Наряду с признанной в советское время и отмеченной высокими государственными наградами⁶ научной деятельностью ученая активно занималась общественной. П. Я. Кочина награждена четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями, удостоена Государственной премии СССР⁷. Разнообразная научная и общественная активность была запечатлена ею в опубликованных в 1974 г. воспоминаниях о пережитом, пронизанных в целом, социальным оптимизмом. Цель статьи –

² Кочина Пелагея Яковлевна // Российская академия наук. [Электронный ресурс] URL: https://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-800.ln-ru.dl-pr-inf.uk-12 (дата обращения: 19.02.2023); Кочина Пелагея Яковлевна // Российская академия наук. URL: <https://new.ras.ru/staff/akademiki/kochina-pelageya-yakovlevna/> (дата обращения: 19.02.2023).

³ Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская, 1850–1891 / отв. ред. А. Ю. Ишлинский, З. К. Соколовская. М., 1981; Кочина П. Я., Зенкевич И. Г. С. В. Ковалевская. М., 1986. (Люди науки).

⁴ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания. М., 1974. С. 146.

⁵ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести / отв. ред. П. Я. Кочина. М., 1974. (Литературные памятники АН СССР); Переписка С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера / сост. П. Я. Кочина и Е. П. Ожигова. М., 1984.

⁶ Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина // Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева Сибирского отделения Российской академии наук. История Института. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hydro.nsc.ru/institute/history/person/Kochina.php> (дата обращения: 19.02.2023).

⁷ Кочина П. Я., Зенкевич И. Г. Указ. соч. С. 3.

выявить черты социального оптимизма в самоанализе повседневной жизни и мировоззренческих установок в контексте автобиографической памяти академика Пелагеи Яковлевны Кочиной. Для этого выбраны три значительных эпизода в ретроспективном осмыслении ею собственной общественной и профессиональной деятельности, имевших особое социально-политическое и народно-хозяйственное значение: участия в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг., в открытии Сибирского отделения Академии наук СССР и создании Академгородка, в среднеазиатской научной экспедиции в 1950 г.

Частью эмансипационного проекта советской государственности являлись женские общественные организации в СССР. Среди вовлеченных в их деятельность широких слоев женщин были и наиболее видные представительницы науки, такие как академик П.Я. Кочина. Одну из важных тем в ее автобиографической памяти составляет участие в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг. С этим были связаны заграничные поездки, в ходе которых делегация советских женщин выполняла общественно значимую миссию в послевоенной Европе.

П.Я. Кочина отмечала, что Первый международный конгресс женщин проходил в Париже в 1945 г., и на нём была основана Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ)⁸. В эту организацию вошел Антифашистский комитет советских женщин (1941–1956), переименованный затем в Комитет советских женщин (1956–1992), документы о деятельности которого хранятся в Государственном архиве Российской Федерации⁹.

Академик П.Я. Кочина подробно описала свои впечатления от участия во Втором международном конгрессе женщин в Будапеште в ноябре 1948 г., организованном Международной демократической федерацией женщин, в которую входил тогда Антифашистский комитет советских женщин¹⁰. В составе советской делегации, возглавляемой Н. В. Поповой (председателем Антифашистского комитета / Комитета советских женщин в 1945–1968, вице-председателем Международной демократической федерации женщин), она оказалась в центре исторически значимых событий в один из ключевых моментов обустройства Европы после Второй мировой войны.

Важно отметить непредвзятость восприятия и оценок происходящего П. Я. Кочиной, отсутствие нарочитой идеологизированности, напротив, – неожиданную эстетизацию наблюдаемого. Это прослеживается в вербальной характеристике и столицы Венгрии, и зала заседаний, и отдельных участниц – представительниц других стран¹¹. Обращая внимание на меж-

⁸ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

⁹ Путеводители по российским архивам. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР. Путеводитель. Том 3. 1997. Общественно-политические организации. Комитет советских женщин (1941–1992). [Электронный ресурс] URL: <https://guides.rusarchives.ru/funds/6/komitet-sovetskikh-zhenshchin-1941-1992> (дата обращения: 16.03.2022).

¹⁰ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

¹¹ Там же. С. 244.

дународный статус женского форума, разнообразие расового и национального состава собравшихся, П.Я. Кочина подчеркивает общность антивоенного настроя женщин, их единство в этой ключевой общественной повестке послевоенных лет: «Особое чувство общности народов мира охватывало нас при виде женщин, таких разных, по внешности и вместе с тем имеющих столько общего. У всех было общее стремление к миру, к спокойной, достойной человека жизни»¹². Созданный на начальном этапе Великой Отечественной войны, 7 сентября 1941 г., на I Всесоюзном антифашистском митинге, проходившем в Москве, с целью «установления связей с женскими зарубежными организациями, сплочения женщин всех стран мира в борьбе против фашизма, за мир и права женщин, улучшение положения детей, вовлечения советских женщин в решение социально-экономических задач»¹³ Антифашистский комитет советских женщин и после ее окончания продолжал играть активную роль в антивоенной борьбе в условиях новых вызовов и наметившегося противостояния бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

Среди тем Второго международного конгресса женщин П.Я. Кочиной вспоминались вопросы «улучшения ухода за детьми, их воспитания и образования, подъема благосостояния семьи и помощи женщинам в их домашней работе»¹⁴, поднимаемые преимущественно представительницами социалистических стран. Также в памяти советской ученои сохранились впечатления от отсутствия политического равноправия в некоторых капиталистических странах, таких как Швейцария или Сан-Марино («права входить в состав парламента» будут предоставлены в 1971 г. и 1973 г. соответственно¹⁵). П.Я. Кочиной «оказалось особенно странным, что в Швейцарии, которая в прошлом веке была передовой страной и первая впустила женщин в стены своих университетов, всё ещё не было полного равноправия»¹⁶. Показательно, что она связывала предоставление избирательных прав женщинам и достигнутую возможность получения ими высшего образования как последовательные шаги по пути женской эмансипации.

Дух женской солидарности проявился в международном общении и поддержании общественных и научных взаимодействий женщин из разных стран. К представительницам советской делегации, по словам П.Я. Кочиной, «часто подходила» вдова убитого нацистами в 1944 г. в концентрационном лагере Бухенвальд лидера германских коммунистов Э. Тельмана, Р. Тельман (1890–1962), также бывшая узница женского концентрационного лагеря Равенсбрюк, спасенная от истощения после освобождения советскими женщинами-врачами (Л.А. Петровой и еще одной, имя которой П.Я. Кочина не приводит). Факт того, что советские врачи, имевшие опыт выхаживания больных дистрофией из блокадного Ленинграда, спасали

¹² Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

¹³ Путеводители по российским архивам...

¹⁴ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

¹⁵ Там же. С. 245.

¹⁶ Там же. С. 244.

бывших узников нацистских концлагерей, широко известен. Знаком дружеского внимания стали подаренные Розой Тельман советским женщинам фотографии её мужа с собственным автографом. Она и впоследствии, бывая в Москве, «поддерживала дружбу с Комитетом советских женщин»¹⁷.

Ещё одним значимым контактом П.Я. Кочина считала знакомство с «женщинами шведской делегации» и напоминание им о приближающемся в начале 1950 г. столетнем юбилее С.В. Ковалевской, который впоследствии был «широко отмечен в Швеции». Из написанного П.Я. Кочиной и отправленного «общественной деятельнице Швеции Андреа Андреен» биографического очерка «русской ученой» шведы узнали «точную дату рождения Ковалевской»¹⁸.

В апреле 1950 г. П.Я. Кочина стала членом советской делегации на Третьем женском конгрессе в ГДР. Возглавляла делегацию М.Д. Ковригина (1910–1995), в отношении должности которой П.Я. Кочина допустила неточность, назвав её «министром здравоохранения СССР»¹⁹, хотя в то время она была заместителем министра, а до марта 1946 г. наркома (1942–1950), затем министром здравоохранения РСФСР (1950–1953). Министром здравоохранения СССР она станет в 1954–1959 гг., войдя в историю не только как первая женщина-министр в СССР, но и как автор прогрессивных реформ в области репродуктивной политики, в том числе легализовавшая аборты в 1955 г. и увеличившая отпуск по беременности²⁰. В составе делегации П.Я. Кочина «помнила» профессии ещё нескольких участниц («народной артистки», «врача», «инженера») из разных городов страны.

Волнение П.Я. Кочиной вызвало размещение советской делегации в гостинице у Бранденбургских ворот, из окон которой были видны развалины имперской канцелярии. Пять лет, прошедшие с окончания войны, позволяли испытывать сопричастность к историческим событиям. Она отмечала гигантские размеры здания, упоминала о бомбоубежище и бункере на глубине 16 м.

Заседания конгресса проходили в одном из театров Берлина, на них «выступали представительницы различных земель ГДР» и «обсуждались местные вопросы женских и детских организаций и общие вопросы мира»²¹. В перерывах происходили встречи отдельных групп женщин, на которых звучал актуальный вопрос «немецкой вины». П.Я. Кочиной запомнилась и культурная программа по окончании работы конгресса, включавшая в себя посещение Дрездена и Веймара, и заключительный приём для женских делегаций, устроенный премьер-министром ГДР Отто Гrotewo-

¹⁷ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 245.

¹⁸ Там же. С. 246.

¹⁹ Там же.

²⁰ Соколенко О. Спасение детей и право на аборт: история первой советской женщины-министра // Forbes Woman. 11 февраля 2022 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/455351-spasenie-detej-i-pravo-na-abort-istoria-pervoj-sovetskoy-zensiny-ministra> (дата обращения: 16.03.2022).

²¹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 246.

лем. Как и в Будапеште, где она побывала на «горе Геллерт с памятником советским воинам»²², в Берлине она посетила Трептов-парк с Памятником советскому воину-освободителю²³.

В мае 1959 г. в качестве приглашённого гостя П.Я. Кочина стала делегаткой конгресса Союза итальянских женщин в Риме. Вспоминая мельчайшие подробности о несвоевременном оформлении визы, ночном прибытии в Рим и встрече «с букетами роз», трансфере «от аэропорта до города» на частном автомобиле, управляемом М. Родано, «одной из руководительниц женского союза, сенатором от компартии»²⁴ и при этом многодетной матерью пятерых детей, она не забывает подробно изложить женскую повестку конгресса. По словам П.Я. Кочиной, «Союз итальянских женщин имеет основной своей целью борьбу за фактическую эмансипацию женщин Италии»²⁵. Она отмечала отсутствие фактического равноправия итальянок, несмотря на формальное его достижение в 1947 г. П.Я. Кочина называла основные дефициты в этой связи, такие как разрыв в оплате труда, первоочередное увольнение женщин при сокращении штата, лишение девушек работы при выходе замуж, отсутствие трудового соглашения с батраками, социальная депривация которых дополнялась гендерной в отношении батрачек²⁶. Конгресс, собравший 800 женщин из разных регионов Италии, сочетал женскую повестку с актуальной общественной. По замечанию П.Я. Кочиной, «женский вопрос теснейшим образом связан с острыми проблемами современности, поэтому выступавшие говорили и об атомной опасности, и о расположении ракетных баз в Италии, и об общей безработице, и о забастовочных движениях в Италии»²⁷. Также советскую ученую вдохновили вопросы «воспитания современной молодежи» и специальные издания по вопросам женщин и родительства, некоторые статьи из которых публиковались в русском переводе в известном советском журнале «Семья и школа».

В конгрессе Союза итальянских женщин, «самой крупной и активной женской организации среди секций МДФЖ», принимали участие, помимо советской, делегации женщин из Польши, Чехословакии, Югославии, Швейцарии, Греции, Франции, ГДР, Индонезии. В ходе дискуссий, в культурах конгресса и после его окончания завязывалось женское международное сотрудничество, способствовавшее решению насущных вопросов конца 1950-х гг. Инициативной группой была начата подготовка к созыву в 1959 г. «совещания женщин европейских стран по вопросу об ответственности за атомную опасность»²⁸. Именно женщины стали первыми, кто зажег тревогу «об опасности испытаний атомных бомб и радиоактивных из-

---

²² Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

²³ Там же. С. 248.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 249.

²⁸ Там же. С. 249–250.

лучений»²⁹. Отвечая на вопросы корреспондента одной из итальянских газет, академик П.Я. Кочина поделилась своими оптимистичными пожеланиями о том, что «хотела бы видеть итальянских женщин счастливыми, добившимися осуществления своих требований, общих для женщин всех стран, да и не только для женщин, но и для всего человечества»³⁰. В автобиографической памяти «третьей женщины – академика Советского Союза»³¹ участие в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг. стало значимым опытом интернационального сотрудничества в рамках женской и гуманистической повестки.

Вектор социального оптимизма в СССР в конце 1950 – начале 1960-х гг. был задан не только идеологическими иллюзиями построения коммунизма, но и вполне pragматическими опорами ввиду улучшения качества жизни и повышения уровня общественного благосостояния в сравнении с довоенным. Реалии советской бытовой повседневности позволяли дифференцировать жизненные запросы людей разного социального статуса и интеллектуального уровня.

Женская автобиографическая память эпохи хрущевской «оттепели» сохранила представления о противоположности временно претерпеваемой неустроенности индивидуального быта социальному оптимизму научной карьеры (см.: Белова А.В. Бытовая неустроенность vs социальный оптимизм научной карьеры в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели» // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Пенза, 29 сент. – 2 окт. 2022 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2022. Ч. 1. 426 с. С. 275–280). Академик П.Я. Кочина была одной из тех, кто откликнулся на призыв Академии наук СССР поддержать «проект организации науки в Сибири»³² в соответствии с принятым в 1957 г. решением открыть «Сибирское отделение Академии наук СССР и построить для него близ города Новосибирска научный городок с помещениями для институтов и благоустроеными жилыми домами для сотрудников»³³. Став в 1958 г. «третьей женщиной – академиком Советского Союза»³⁴, она согласилась сменить жизненный комфорт столицы на малоустроенный быт первопроходца «в экспедиционном бараке»³⁵, который зимой «было очень трудно натопить»³⁶. По словам Пелагеи Яковлевны, «придя домой поздно вечером, одинокие золотодолинцы находили своё помещение промерзшим. Они должны были лопатой набирать каменный уголь вместе со снегом, бросать

²⁹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 250.

³⁰ Там же. С. 253.

³¹ Там же. С. 164.

³² Там же. С. 162.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 164.

³⁵ Там же. С. 169.

³⁶ Там же.

его в печку, которая растапливала мелкими дровами»³⁷. Иногда, если «не хватало энергии на топку», приходилось «спать в холодном помещении»³⁸. Однако первоначальная бытовая неустроенность компенсировалась жизнью-утверждающим осознанием благоприятных условий для продолжения научной деятельности: «А ведь как интересно поехать в Сибирь, какие широкие перспективы для работы!»³⁹. Важно отметить, что столь экспрессивное отношение выражено не молодым специалистом в начале профессиональной карьеры, а 59-летней женщиной-академиком, к тому времени сложившимся и признанным ученым.

Социальный оптимизм, пронизывавший в целом воспоминания П.Я. Kochinой о пережитом, сквозил и в её повествовании о сибирском этапе (1958–1970)⁴⁰ научной карьеры: «Все мы были воодушевлены стремлением приложить наши теоретические знания к практическим задачам.... Я проявляла даже некоторую самонадеянность, когда думала о том, сколько полезных вещей мы сможем сделать в Сибири»⁴¹. Её кипучая научная и общественная деятельность сочеталась с обыденными административными поручениями, например «побеседовать с женами сотрудников, согласившихся ехать в Сибирь», «убеждать их, что в Новосибирске... у них будет интересная жизнь»⁴². Как полагает П.Я. Kochина, для большинства её «предсказание оправдалось»⁴³. Подобного рода позитивные жизненные установки, которые содержали колossalный преобразовательный потенциал, характеризовали и ее собственное мировоззрение, и своеобразный «женский голос» эпохи, озвучивший коллективную автобиографическую память женщин и воплотивший опыты их повседневности, устремлённой к реализации социального проекту «лучшего будущего».

Статус академика предполагал неоднократное улучшение жилищных условий: скорый переезд из «экспедиционного барака»⁴⁴ в «малогабаритную квартиру»⁴⁵ в «новом кирпичном доме»⁴⁶, а из него в «большой двухэтажный коттедж»⁴⁷ и «полукоттедж»⁴⁸. Разумеется, переселение представителей советской научной элиты из «опустевших столиц» в Академгородок исключал «вещевую» переполненность и захламленность «нового» домашнего пространства. Её «своеобразный быт и нравы» описала в стилизо-

³⁷ Академик П. Я. Kochина. Воспоминания... С. 169–170.

³⁸ Там же. С. 170.

³⁹ Там же. С. 164.

⁴⁰ Большая жизнь: к 100-летию академика Пелагеи Яковлевны Kochиной // Наука в Сибири. 1999. № 18 (2204) от 7 мая. С. 1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sbras.ru/ru/HBC-1999> (дата обращения: 16.03.2022).

⁴¹ Академик П. Я. Kochина. Воспоминания... С. 165.

⁴² Там же. С. 164.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 169.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 170.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 171.

ванной под «Евгения Онегина» поэме «Долиниада» Н.А. Притвиц, коллега П.Я. Kochinой, приводящей выдержки «с разрешения автора»⁴⁹. Вместе с тем социальный оптимизм женской части академического сообщества⁵⁰ был обусловлен вовсе не материальным бытом, отличавшимся повышенной комфортностью от коммунального образа жизни «среднего» советского человека. И жилищные условия в отдельном доме в два этажа, и подобие домашней прислуги в лице «помогавшей по хозяйству»⁵¹ соседки содержат в себе аллюзию на дворянский привилегированный быт новой интеллектуальной элиты советского общества. Однако, подобно жёнам представителей мятежного дворянства XIX в., отправившимся в Сибирь по своей воле, женщины-учёные в конце 1950-х гг. с готовностью претерпевали бытовые неудобства и сложности начального этапа жизни на необжитом месте во имя высоких идеалов общественного служения и достижения новых рубежей отечественной наукой.

Об этом свидетельствовали коллеги-мужчины: «Ни возраст, ни суровые условия не остановили Пелагею Яковлевну в её стремлении помочь освоить природные богатства восточных областей страны. В 1959 году, когда ещё в помине не было замечательных коттеджей Золотой долины, Kochina уже развернула первые исследования. В её щитовом домике разместились и лаборатория, и общежитие молодых сотрудниц института. Гарнитур полированной мебели причудливым образом дополнили ящики из под химических реактивов. На них были установлены приборы. Но главная работа выполнялась под открытым небом. Каждое лето во главе экспедиции П.Я. Kochina отправлялась в Кулуундинские степи, чтобы оказать помощь хозяйствам, заложить новые эксперименты, на практике проверить теоретические выводы»⁵². Преданность делу и профессиональному долгу ученого не только перевешивала бытовой дискомфорт повседневной жизни в определенные периоды, но и еще больше укрепляла в ценностях неизменно оптимистического сценария общественного развития.

Как крупный учёный в области гидродинамики академик П.Я. Kochina внесла большой вклад в развитие мелиорации и создание оросительных систем в Узбекистане. Социальный оптимизм сквозил и в ее повествовании о поездке в Узбекистан⁵³, содержащем ценную профессиональную информацию наряду с этнологическими подробностями быта и повседневных обычаев узбекских женщин и мужчин. П.Я. Kochina поясняла, что, побывав

⁴⁹ Академик П. Я. Kochina. Воспоминания... С. 171.

⁵⁰ Pushkareva N., Zhidchenko A. Women Scholars of Akademgorodok: Everyday Life in a Soviet University Town during the Thaw // The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present. 2022. Vol. 81. № 2. P. 302–324.

⁵¹ Академик П. Я. Kochina. Воспоминания... С. 170.

⁵² Евладов Б.В., Мокшин С.И. Золотая долина, Академгородок: (Репортаж из Новосибирского научного центра). М., 1966. [Электронный ресурс] URL: <http://prometeus.nsc.ru/akademgorodok/texts/valley2.ssi#voda> (дата обращения: 16.03.2022).

⁵³ Академик П. Я. Kochina. Воспоминания... С. 205–214.

в 1950–1952 гг. «на имеющихся уже оросительных системах – в Узбекистане, Таджикистане и Азербайджане, и на строящейся системе Волго-Дона, и на местах запроектированного, но неосуществленного строительства гидростанций Главного Туркменского канала», на «некоторых интересных объектах Армении и Грузии», а позже и в «других местах гидромелиоративного строительства», она интересовалась прежде всего «вопросами преобразования и охраны природы»⁵⁴. Выполняемые под её руководством теоретические исследования, по её оценке, «всё более начали склоняться в сторону приложений к вопросам орошения»⁵⁵. Сбор этнографического материала, разумеется, не входил в её задачи, тем ценнее становятся наблюдения за повседневной жизнью узбеков, особенностями их семейного и бытового поведения, наиболее контрастировавшими с привычными для жительницы РСФСР.

В среднеазиатскую научную экспедицию в 1950 г. академик П.Я. Коchina направилась совместно с сотрудниками Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР для того, чтобы побывать на объектах «орошаемого Узбекистана», связанных с ее теоретическими исследованиями⁵⁶. Наряду с видами Ташкента, внимание Kochиной привлекает то, что «на улицах встречались женщины в парандже – плотной длинной накидке, причем лицо покрывалось чачваном из конского волоса»⁵⁷. Традиционная мусульманская женская одежда в столице союзной республики послевоенного СССР воспринималась ею как архаическая черта, выступавшая, с одной стороны, маркером этнической культуры узбеков, с другой, – противоположностью образа советской женщины. Пелагея Яковлевна отмечала противоречивое сочетание элементов «традиционной» и «современной» культуры, связанное с необходимостью соблюдения узбекскими девушками обычая ношения паранджи в частном домашнем пространстве, и возможностью игнорировать его при нахождении в публичных общественных местах. Особое впечатление на неё произвел эпизод, когда «в парке на скамье сидела молодая девушка с солдатом, рядом с нею лежала паранджа: вероятно, девушка надевала её, приближаясь к дому»⁵⁸. Собственно, вряд ли, традиционная узбекская семья могла бы одобрить и само спонтанное свидание молодых людей, которое также выражало конфликт этнической традиции и женской эмансипации, не ставшей всеобъемлющей установкой в республиках Средней Азии. Сохранение традиционного внешнего облика женщин Узбекистана неожиданным образом контрастировало с более чем тридцатилетней практикой атеистического советского стиля жизни. Наряду с этим Kochина передавала и сведения «традиции», явно, советского происхождения о новых вариантах использования этнической женской одежды. Как она вспоминала, «рассказывали, что иногда мужчины надевали паран-

⁵⁴ Академик П. Я. Kochина. Воспоминания... С. 204–205.

⁵⁵ Там же. С. 205.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

джу для сокрытия своих неблаговидных дел»⁵⁹. Автор не поясняла, идёт ли речь о прелюбодеяниях, махинациях или противоправных действиях, тем не менее упоминание ею о подобных уловках свидетельствует об акцентировании внимания на эксплуатации этнических аспектов повседневной жизни в условиях официального советского быта.

Ещё одним характерным с этнологической точки зрения сюжетом становится воспроизведение П.Я. Кочиной услышанных историй о небезопасном пребывании девочек и девушек в степях Средней Азии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. из-за разбойных действий отрядов басмачей. Чтобы обезопасить девочку, её могли одеть «в костюм мальчика», о чём сообщала одна из коллег, доктор геолого-минералогических наук Н.М. Решеткина, «рассказывая о своем детстве»⁶⁰. Уже став гидрогеологом и «занимаясь обследованием колодцев в Кашкадарьинской степи», она вместе «с другой девушкой-гидрогеологом» выполняла «обычную свою работу» так же, «одетой по-мужски»⁶¹. Предосторожность в виде вынужденного женско-мужского travestирования характеризуется вместе с тем и как более «удобная»⁶² одежда для верховой езды. Наряду с этим защитную функцию выполняли традиционные обычаи, о которых П.Я. Кочина вспоминала со слов коллеги: «по закону пустыни тот, кто тебя напоил, твой друг, и ты должен защищать его»⁶³. Утолив жажду незнакомцев, можно было сохранить неуязвимость в непредсказуемых обстоятельствах. В автобиографической памяти П.Я. Кочиной акцентируются свидетельства женской эмансипации – выбор рядом её коллег и сотрудниц-женщин профессии гидрогеолога, прохождение студенческой практики или выполнение профессиональных обязанностей в потенциально рискованных условиях, нахождение самостоятельных решений в сложных жизненных ситуациях. Это в равной степени применимо и к концу 1920-х – началу 1930-х гг., о которых шла речь в историях «стихийных респонденток», и к 1950-м, когда будущая женщина-академик собирала «полевой материал», и к 1970-м гг., когда она его «обрабатывала» и осмыслияла в виде записанных воспоминаний.

Маршрут среднеазиатской научной экспедиции пролегал из Ташкента в Ферганскую долину, на станцию Ново-Алексеевская⁶⁴. П.Я. Кочина вспоминала, как, проходя по поселку в сопровождении гидрогеолога А.Ф. Сляднева, она обратила внимание на то, что «он часто останавливался, встречая знакомых узбеков и разговаривая с ними по-узбекски», но «заметила, что ни с одной из встречных женщин он не поздоровался»⁶⁵. Спустя двадцать лет память учёной сохранила тот факт, что её тогда заинтересовал вопрос различного поведения коллеги с узбекскими мужчинами

⁵⁹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 205.

⁶⁰ Там же. С. 205–206.

⁶¹ Там же. С. 206.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 206–207.

⁶⁴ Там же. С. 207.

⁶⁵ Там же. С. 208.

и женщинами, и в ответ она узнала, что «обычай не позволяет здороваться с женщиной, он может этим вызвать враждебное отношение её семьи»⁶⁶. Следование этнически обусловленным правилам межполового взаимодействия среди узбеков оставалось по-прежнему обязательным и не отменялось универсальными нормами общения советских людей. Этнокультурная традиция в Узбекистане оказывалась влиятельнее одобряемых образцов социального поведения и формируемой общей идентичности в масштабах СССР. Посещение семьи «знакомых узбеков» заставило П.Я. Кочину осведомиться о правилах межкультурного взаимодействия в данном случае. Узнав о том, что как женщина она «могла здороваться и с мужчинами, и с женщинами», она «всем подала руку», приняв предложение об угожении этнической пищей в виде «чая в пиалах и лепешек»⁶⁷. П.Я. Кочина особо отметила, что среди членов узбекской семьи были «молодые женщины, весело смеявшись»⁶⁸. Тем самым она как бы всё время пыталась подчеркнуть, что элементы советской эмансипации и открытости проникали в середине XX в. и в повседневную жизнь узбеков, а женский быт, хотя и связанный в большей степени с домом, уже не был полностью замкнутым, исключавшим общение с гостями, представителями иных этнических групп.

В Коканде П.Я. Кочина по совету сотрудников Гидрогеологического управления останавливалась в «типично узбекском» доме У. Ходжаева с закрытым внутренним двором, ограждённым «дувалом – высокой глиняной стеной»⁶⁹. Она подметила важные этнографические черты, связанные с традиционным бытом узбекской семьи того времени. В частности, вспоминала, что «внутри было несколько домов, в которых жила многочисленная семья»⁷⁰. Судя по ее наблюдению, узбеки продолжали жить неразделенными большими семьями, одним из отличительных признаков которых была многодетность. Наличие «детей разного возраста, вплоть до грудного»⁷¹, указывает на полную включенность жены и матери в домашнюю повседневность, отсутствие у неё трудовой занятости вне семьи, что может свидетельствовать об отсутствии профессии и образования. Репродуктивная активность на протяжении всего периода фертильности приводила к существенной разнице в возрасте между детьми, в частности к тому, что старшая дочь «немолодой женщины» уже достигла трудоспособного возраста и, в отличие от матери, «работала медицинской сестрой», в то время как младший ребенок был новорожденным. Материнское воспитание в узбекской семье допускало «громкое покрикивание на детей» и отдавание им «распоряжений»⁷². Отношения матери и детей были иерархизированными и не горизонтальными.

⁶⁶ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 208.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 210.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

П.Я. Коцина принадлежала к поколению эмансипированных женщин, чьи взгляды были сформированы и обучением на Бестужевских курсах, и новой послереволюционной половой моралью, отрицавшей косность и лицемерие семейного быта, была матерью двух дочерей-близнецов. Совместная, благодаря помощи близких, материность с успешной научной карьерой, она не могла не заметить отличий патриархального уклада узбекской семьи и традиционного положения женщины в ней, где той вменялись этнически обусловленные стереотипно-феминные роли, от привычного ей стандарта жизни. Наибольшее удивление П.Я. Кочиной было связано с открытием того, что «говорившая по-узбекски» и «свыкшаяся с узбекскими обычаями» мать семейства оказалась этнической «русской»⁷³. Этот факт был установлен при переходе в разговоре с ней на русский язык. Данный случай не только свидетельствует о межэтнических браках в советском Узбекистане, о женщинах-билингвах, состоящих в таких браках, но и выявляет неравнозначность культурных компонентов, составляющих ценностную основу смешанной семьи, в которой наблюдалось преобладание узбекских повседневных обычаем и этнических традиций. Для П.Я. Кочиной важно было отметить данную асимметрию, подчеркнув, что мать узбекского семейства – «русская, зовут её Любовь Степановна», и она «скучала, как она сказала, по своей русской деревне, в которую давно собирается съездить, но никак не может оторваться от семьи»⁷⁴. Поглощённость семейными обязанностями жены и матери препятствовала удовлетворению ее собственной эмоциональной потребности в том, чтобы посетить «малую родину». Продолжившей много времени в разъездах, деловых поездках и частных путешествиях П.Я. Кочиной это могло восприниматься неприемлемым для образа жизни современной советской женщины. Обстоятельства межэтнического брака, что было нередким явлением в многонациональном СССР, не раскрывались.

П.Я. Коцина была одной из тех учёных, которые внесли непосредственный вклад в создание и совершенствование оросительных систем в Узбекистане, способствовали внедрению вертикального и закрытого горизонтального дренажа, лотковой системы орошения, научно решали вопрос о борьбе с засолением почв, благодаря чему, по словам академика, «хлопковые поля в хорошем состоянии и дают высокие урожаи»⁷⁵. Теоретические исследования П.Я. Кочиной были направлены на изучение «моделей движения грунтовых вод»⁷⁶ в условиях степных зон и постановку задач об «оптимальном планировании площадей орошения»⁷⁷. В 1950-е гг. она присутствовала с коллегами из Узбекской академии наук на испытаниях в полевых условиях первых опытных образцов хлопкоуборочных машин, не забывая впоследствии не только уточнить, что «советские машины лучше

⁷³ Академик П. Я. Коцина. Воспоминания... С. 210.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 212.

⁷⁶ Там же. С. 189.

⁷⁷ Там же. С. 190.

американских»⁷⁸, но и привести результаты сравнения машинного и ручного сбора хлопка женщинами. По словам П.Я. Кочиной, на опытном поле узбекские женщины показали «свой чистый хлопок и подсмеивались над машинным, загрязненным», то есть «недостатком машин являлась неполная очистка коробочек»⁷⁹. Это означало необходимость дальнейшего конструкторского усовершенствования хлопкоуборочной техники с целью повышения процента сбора и последующего длительного её внедрения. Однако механизация так и не компенсировала полностью традиционную деятельность узбекских женщин по сбору хлопка.

Несмотря на сложности и лишения, необходимость в разные годы преодолевать бытовой дискомфорт, как и многим советским людям, академику П.Я. Кочиной были присущи позитивные жизненные установки, содержащие колоссальный преобразовательный потенциал, и в целом жизнеутверждающее мироощущение, которое характеризовалось социальным оптимизмом. Такое мировоззрение включало, с одной стороны, осознанную готовность к профессиональной деятельности во имя общественного блага и «высокой» цели, с другой, – непоколебимую уверенность в неизменной положительной динамике в развитии общества в направлении реализации социального проекта «лучшего будущего». Умение замечать «большие достижения в осуществлении идей», позитивные изменения и улучшения, придавая им большее значение в оценке происходящего, чем негативу и явным упущениям, являлось личностным качеством и самой П.Я. Кочиной, и её профессионального окружения, в том числе коллег-женщин. Н.М. Решеткина, «гид» по Узбекистану в экспедиции 1950 г., вернувшись из поездки по тем же местам спустя двадцать лет, сообщала о том, что «все стали более образованными, многие деятели, партийные и хозяйствственные, имеют высшее образование»; «дети хорошо одеты, не бегают босиком, и уже не встречаются женщины в парандже»⁸⁰. Последнее наблюдение было особенно важным для П.Я. Кочиной, сумевшей тем самым не только подтвердить собственные ожидания общественного прогресса, но и констатироватьнейтрализацию к 1970-м гг. обычая ношения традиционной мусульманской женской одежды нормами светского эмансипированного стиля, характеризующего универсальную советскую идентичность.

Воспоминания академика Пелагеи Яковлевны Кочиной о пережитом характеризовали одновременно и ее собственное мировоззрение, и своеобразный «женский голос» эпохи,озвучивший коллективную автобиографическую память женщин об опытах их повседневности в условиях советского проекта эмансипации. В отношении женщин из союзных республик внешние результаты данного проекта визуализировались как демонстративный отказ от следования многовековым устоям этнокультурной традиции.

⁷⁸ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 213.

⁷⁹ Там же. С. 212.

⁸⁰ Там же. С. 213.

Нarrативы советских женщин о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий, в сочетании с актуальными «повседневными заботами и переживаниями» не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о мире, но и по особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти. Выявленные черты непреднамеренного этнографического описания в ретроспективном осмыслении Пелагеей Яковлевной Кочиной своего участия в среднеазиатской научной экспедиции в 1950 г. позволяют судить о том, какие из событий подлежали запоминанию, какими были особенности женской памяти об общественно-значимых событиях, породивших в прошлом личные опыты эмоционального восприятия, как трансформировались нетипичные жизненные практики в приемлемые воспоминания. Исследование этих вопросов на примере переживания и осмысления коллизий советского XX в., заполненного масштабными изменениями социального, этнического, эмансипационного характера, существенно отразившимися на трансформации истории женщин и женского самосознания, позволяет раскрыть новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти. Если исходить из ранее выявленных основных функций автобиографической памяти, таких как идентификационная (ресурсная), коммуникативная, транслирующая, мифологизирующая, смыслообразующая, то в воспоминаниях П.Я. Кочиной все они так или иначе проявлены. При этом текст был доступен как заинтересованному кругу профессионального сообщества, так и широкой аудитории, будучи опубликованным в серии научно-популярных изданий Академии наук СССР в издательстве «Наука» тиражом 26 000 экземпляров. Высокий социальный статус академика и официальное признание, обеспечивающие ей возможность публичного нарратива, в данном случае выступали способом легитимизации женской автобиографической памяти как проявления коллективной советской идентичности.

Список литературы:

1. Соколенко О. Спасение детей и право на аборт: история первой советской женщины-министра // Forbes Woman. 11 февраля 2022 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/455351-spasenie-detej-i-pravo-na-abort-istoria-pervoj-sovetskoy-zensiny-ministra> (дата обращения: 16.03.2022).
2. Pushkareva N., Zhidchenko A. Women Scholars of Akademgorodok: Every-day Life in a Soviet University Town during the Thaw // The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present. 2022. Vol. 81. № 2. P. 302–324.

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

SOCIAL OPTIMISM AS AN INTENTION IN WOMEN'S AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY OF THE AGE OF KHRUSHCHEV'S «THAW»: THE PRACTICES OF SELF-ANALYSIS OF ACADEMICIAN P. YA. KOCHINA

A.V. Belova

Tver State University, Tver', Russia

The article is devoted to the concept of social optimism as the leading intention in women's autobiographical memory of the era of the Khrushchev "thaw". On the basis of a study of the published memoirs of the third woman-academician in the USSR, P. Ya. Kochina, the author reconstructs the elements of reflection of everyday life and worldview, analyzes some milestones of the professional and social path of the scientist, finds out the conjugation of individual and collective value orientations. In conclusion the author claims that positive life attitudes, which contained a colossal transformative potential, characterized both her own worldview and the peculiar "women's voice" of the era, which voiced the collective autobiographical memory of women and embodied the experiences of their everyday life, striving to create a social project of "a better future".

Keywords: Academician Pelageya Yakovlevna Kochina, everyday life, women's everyday life, women's autobiographical memory, social optimism, women's history, Khrushchev's "thaw".

About the author:

BELOVA Anna Valeryevna – the Doctor of History, the Head of the Department of World History, the Tver' State University (170100, Tver', Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

References:

Sokolenko O., *Spasenie detej i pravo na abort: istoriya pervoj sovetskoy zhenshchiny-ministra*, Forbes Woman. 11 fevralya 2022 g. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/455351-spasenie-detej-i-pravo-na-abort-istoria-pervoj-sovetskoy-zenshchiny-ministra> (data obrashcheniya: 16.03.2022)

Статья поступила в редакцию 15.04.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084.3

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.021–041

ОТ РЕВОЛЮЦИИ К ДИКТАТУРЕ: ПОЛИТИКО- ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Автор отвергает сложившиеся представления о конструктивном характере нэпа. Со стороны власти это был период вынужденного экспериментаторства, со стороны низов – отчаянных надежд на «сильную» власть. Революционная охлократия подавила ростки гражданского сознания. В этих условиях получили преобладание эмоциональные интенции, а не взвешенные политические решения. Всякие новации носили вынужденный характер, революционный порыв иссякал, авангардизм приобретал вымученный характер. Люди, сами того не замечая, тянулись к «спасительной» авторитарной традиции, которая в конечном счете и возобладала в новом, коммунистическом обличье. В целом это было обычным постреволюционным «бегством от свободы». Однако в России всеобщая тенденция обернулась устойчивым симулякром, надолго затормозившим реальное обновление страны.

Ключевые слова: Россия, революция, постреволюционная ситуация, большевизм, общественные разочарования, ложные представления, социальная мимикия, угасание субъектности, социальная репрессивность.

Некогда история воспринималась как деяния богов и героев, затем превратилась в историю правителей и политиков, наконец, стала переосмысливаться как бытие народов. Сегодня подошла очередь истории Человека – его субъективных устремлений и ощущений в контексте течения и, особенно, изломов большого исторического времени.

Понятие индивидуальности исторично – человек реализует себя в той мере, в какой позволяет окружение. Этим и определяется значение документов личного происхождения: именно они помогают уловить особенности «тонкой» связи человека с эпохой. В силу этого история субъектности времён революции и становления сталинизма может дать ключ к пониманию не только природы советского строя, но и последующих жесточайших кризисов XX в.

Возникает вопрос: что понимать под эго-документами? Только ли письма, дневники, воспоминания, релевантность которых меняется с течением времени? А как быть с «безгласными» источниками самовыражения: от анонимного вандализма до произведений живописи? Лично для меня элементы эго-источника содержат в себе *любой* документ, позволяющий понять человека и его время.

Разумеется, эго-документы подчас концентрируют в себе негативные эмоции и социальные девиации, складывающиеся в *психопатологическое восприятие происходящего*. Наблюдатели отмечали, что «неотвратимые ужасы» революционного времени «вызывали к жизни пошлое и глупое муссирование полуфантастических пустяков … неумный и неумеренный гиперболизм в отношении фактов отрицательных… истеричность, граничащая с массовым психозом…»¹. В наибольшей степени это касалось интеллигенции, чье непонимание произошедшего заставляло ощущать себя перед лицом большевистской власти кроликом перед удавом. Разумеется, такие представления захватывают и историков – естественная эмпатия обрачивается конспирологической паранойей.

Как бы то ни было, современное понимание «неуходящего» прошлого требует не только анализа действий «сильных мира сего», но и эфемерных ощущений «маленького человека», агрегированное воздействие которых особенно мощно оказывается в периоды информационных и демографических пертурбаций. Именно эго-документы *in corpore* способны представить картину динамики «коллективного разума» (или его подобия) эпохи «больших потрясений». В конечном счете, через личные переживания, сливающиеся в эмоциональный метаарратив своего времени, можно уловить глубинный и долговременный результат тех или иных поступков и действий верхов, элит, масс. Так возникнет – внешне *сюрреалистичная* – картина прошлого, что позволяет, проникнуть в «большие смыслы» истории.

Российская революционность неотделима от европейской истории. В сущности весь XX век ознаменовался прорывами и взрывами неадекватных эмоций, вызвавших серию малых и больших потрясений – покушений, войн, переворотов. Писали, что «мир сошел с ума» (См.: Булдаков В.П. Революция и эмоции: К реинтерпретации политических событий 1914–1917 гг. // Эпоха войн и революций. СПб., 2017. С. 460–475).

На деле произошедшее было обусловлено тем духом внутренней агрессии, который накопился за десятилетия «мирной жизни», не находя своего выхода в повседневных практиках. При этом сказывались сдержки «своей» культуры. Далеко не все люди, ставшие *massami*, приближались к утрате инстинкт видового самосохранения. Но, так или иначе, эмоции рано или поздно «остыдают», обрачиваясь социальной апатией. В результате история превращается в волнообразный процесс, сказывающийся как на поведении власти, так на субъектности её подданных.

¹ Белов В. По новым вехам. Ревель, 1922. С. 8.

Разумеется, это не исключает предпочтительного внимания к той или иной группе источников личного происхождения для решения конкретных исследовательских задач. В данном случае, особое значение приобретают людские реакции на «неустойчивую» власть. Они ибо «помогают» властям, либо дезориентируют их – это зависит от интенсивности обратной связи. Как известно, в 1917 г. необычайную популярность приобрели социалистические лозунги. Из этого не отнюдь не следует, что массы сознательно взяли курс на построение социализма. Они лишь использовали популярные слова-лозунги, чтобы как-то маркировать тогдашнее социально-политическое пространство. Естественно, доходило до использования классово-антагонистической риторики большевиков². В сущности это была «защитная» форма адаптации к «обессмыслившейся» действительности, ведущая к наиболее привычному авторитаризму.

Не меньшее значение для постреволюционного времени имеют «письма во власть» – послания простых людей, адресованные непосредственно Ленину, а затем Сталину (или подобранные для него). Этот источник использован в ряде сборников документов. Однако их составление, как правило, производилась в соответствии с запросами *политической* (а не психосоциальной) истории³. Проблема субъектности «простого советского человека», его становления в качестве вольной или невольной опоры власти, оставалась на заднем плане. А потому остаётся открытым вопрос о происхождении и утверждении советского типа конформизма. Единственным автором, который поставил этот вопрос, был С. Яров⁴.

Далеко не все авторы способны вникнуть в эту проблематику. Известны попытки связать всякую социальную мобильность с гражданской активностью. Доказывается, к примеру, что обилие «общественных организаций» в предреволюционной России, – свидетельство существования развитого гражданского общества. Трудно сказать, чего в этом больше, политической сервильности или непрофессионализма: разрешительная система общественности – это знак управляемости социального пространства государством.

Каждая эпоха имеет в своем арсенале активный и пассивный тип субъектности. В сущности, их соотношение определяет её коллективное социально-психологическое лицо, сказывающее на облике соответствующего поколения. Способность людей к совместному бунту, как и впадение в коллек-

² Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006. С. 209–211.

³ См.: Письма во власть. 1917 – 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры в советское время / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998; Письма во власть. 1928 – 1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры в советское время / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002; Суровцева Е.В. Жанр «писем вождю» в тоталитарную эпоху (1920 – 1950-е гг.). М., 2008; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917 – 1932 гг. М., 2010.

⁴ См.: Яров С.В. Конформизм в советской России.

тивную апатию, – явление не случайное. И потому историку важно разглядеть те заложенные прошлой эпохой «мины замедленного действия», которые почему-то не смогла разглядеть «близорукая» современность.

Историю можно представить как своеобразную эстафету поколений – и не только в смысле последовательной передачи знаний, навыков, практик, но и их психоэмоционального опыта. Даже отвергая опыт «отцов», люди инстинктивно, особенно в экстремальных ситуациях, воспроизводят их социальные привычки. А в долговременной перспективе повзрослевшее поколение не довольствуется близким, перестающим впечатлять прошлым. Ему нужен пафос «судьбоносного» исторического бытия (что лишь провоцирует очередные пертурбации).

К началу XX в. произошёл эмоциональный перегрев всей европейской культурной среды – относительно «сытой», старающейся мыслить «рационально», но остающейся социально и психически неустойчивой. «Одной из наиболее опасных черт современной мысли является неврастеническая импульсивность, которая делает её жертвой меняющихся настроений и предположений», – писал известный историк (позитивист-западник!) П.Г. Виноградов⁵. Внешне это вылилось в противоборство между авангардистским и традиционалистским типами субъектности. Примечательно к России это отнюдь не было столкновением «революционного» и «консервативного», городского и сельского типов сознания. Скорее это влияние следует отнести к пассионарным девиациям «имперского» архетипа (на деле способствующему поддержанию, в том числе и через кризисность, пониженного уровня субъектности).

Между тем большевистская революция породила представление, что сама история задаёт коллективистские стандарты личной жизни – последняя важна лишь постольку, поскольку отдана её «прогрессивному» движению⁶. Ощущение, человек словно подключился к некоей неодолимой внешней силе, завораживало. На смену иссякающему имперскому воодушевлению приходила вера в тотальное обновление всего мира. Разумеется, такое психоментальное состояние не могло удержаться дольше смены трёх поколений.

Попытки обретения субъектности в революционные времена были противоречивыми. Так, тогдашний авангардизм включал в себя как утопизм и творческую фантазийность, так и «новую» и «старую» (индивидуалистическую и охлократическую) формы протesta. В свою очередь, попытные движения и в городе, и в деревне продуцировались как старыми формами консерватизма, так и неприятием крайностей и побочных последствий революционного экспериментаторства. Примечательно, что некоторые симптомы этого явления можно было разглядеть еще до большевистского переворота. В сентябре 1916 г. во время пребывания в германском лагере для военнопленных генерал-лейтенант русской армии А.Н. Розен-

⁵ Виноградов П.Г. Избранные труды. С. 438.

⁶ Hellbeck J. Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge (MA), London. 2006. P. 349.

шильд фон Паулин составил крайне негативный отчёт о поведении русских офицеров. В отличие от пленных французов, они имели «невыразимо грязный и неряшливый наружных вид», потеряли всякое представление о дисциплине, обнаруживали «сплошное наружное и внутреннее хамство». Со своими генералами русские офицеры вели себя вызывающе, между собой конфликтовали. В их среде обнаруживались «не офицерские, мальчишеские и даже хулиганские поступки: площадная ругань, битье по лицу друг друга и пр.». Заметно было также нежелание занимать какую бы то ни было должность для поддержания внутреннего порядка. Многие офицеры «пресмыкались перед немцами», своих собственных генералов, напротив, готовы были оклеветать, а Николая II подчас называли преступником⁷. Утрата привычной властной иерархии лишала людей общепринятых моральных ориентиров и эмоциональных сдержек.

Конечно, на воспоминания этого генерала, нетерпимого и желчного, можно было бы не обращать внимания, если бы не одно примечательное обстоятельство. Пленные русские офицеры вели себя точно так же, как солдаты в России после падения самодержавия. Получалось, что даже образованного россиянина отличал крайне низкий уровень «естественной» (без давления сверху) социализации и гражданского чувства. Некоторые авторы поняли это вскоре после революции. ...Деспотическое государство создает тип бунтующего раба, стремящегося к неограниченной свободе для себя и готового попирать свободу других, тип деспотичный и анархический одновременно...»⁸.

К тому же традиционная культура перенасыщена страхами (несмотря на то, что обычай предписывает скрывать их), а бытование нашего первобытного пращура складывалась из серии непосредственных реакций (а не рефлексии) на внешние обстоятельства. Вдобавок патернализм – особенно в его российском «крепостническом» воплощении – усиливал «инфантилизацию» сознания. Прочие культурно-исторические факторы также консервировали психоэмоциональную архаику: нельзя забывать, что российская урбанизация обернулась «рурализацией» городского культурного пространства. Всякая революция, вопреки своей устремленности в будущее, высовчивает «груз прошлого» в сознании людей.

В отличие от Европы Россия не знала разделения власти на светскую и духовную. Это препятствовало формированию области собственно политического (отчужденного от сакрального). «Расчетливая» и «предусмотрительная» (в европейском смысле слова) политика замещалась эмоциональными реакциями на задуманное и содеянное властью (вопреки реальным намерениям и действиям последней). И этому тоже были свои причины.

Российская история не знала планомерно дисциплинирующего насилия в лице Инквизиции – процесс формирования социальной среды затя-

⁷ Розенишльд фон Паулин А.Н. Дневник: Воспоминания о кампании 1914 – 1915 годов. М., 1914. С. 346–349.

⁸ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. М., 2016. Том. 2. Генезис максимализма. Два мира. С. 111.

нулся. Отсутствие в российской средневековой культуре университетов с их непременной латынью препятствовало формированию универсальной сферы логического, трансформирующего эмоции низов в собственно политику. «Обделена» была Россия и дисциплинирующей сознание школой средневековой схоластики – отсюда запоздалое следование «непререкаемым» принципам и despoticным авторитетам. Можно вспомнить и о том, что в отличие от европейца россиянин, отчужденный от традиций римского права, не умел мыслить категориями формального закона, предпочитая максимы «справедливости». Попросту говоря, *homo rossicus* не был отформатирован для демократии, закрепляющей субъектность индивидов.

Неудивительно, что революционный процесс в России вопреки партийному многообразию протекал на *дополитической* основе. Доктрины и лозунги лишь микшировали рессентиментный накал социального пространства. В значительной степени это определялось относительной неизменностью психоэмоциональных реакций *homo rossicus*'a на ситуацию *во власти*. К этому добавлялась повышенная эмоциональность. Подданный «абсолютной» власти не принимал условности – в онтологическом смысле – политики. Отсюда и постоянная подмена политического расчета спонтанными – часто противоречивыми – реакциями. Обычно они приобретали характер перверсий: между «Да здравствует!» и «Долой!» не находилось места для диалоговых усреднений.

Демократический Февраль неслучайно оказался лишен объединяющей идеи — туманный идеал Свободы не мог его заменить. А поскольку свершившийся переворот был культурно многослойным — революцией образованных элит и бунтом городского плебса, — самое представление о свободе как антитезе старому порядку превращалось в фактор социокультурной дезинтеграции⁹. «Отказываюсь понимать два сорта людей: монархистов и анархистов», – писала 24 мая 1917 г. студентка Одесской консерватории в своем дневнике (представлявшем скорее калейдоскоп эмоций, нежели хронику событий). (После победы большевиков она же призналась: «Я все правею и правею и, наверно, доправею до монархистки»¹⁰). Тогдашние эмоциональные порывы носили «стадный» характер, захватывающий даже рассудительных людей. С августа 1917 г. многие академики стали презрительно высказываться о существующей власти¹¹. В общем, движение в политическом пространстве осуществлялось в манере «шаг вперед, два шага назад».

В авторитарных системах человек склонен бояться власти, в демократии ему приходится опасаться себе подобных. Внезапно наступившая

⁹ Reiman M. Spontaneity and Planning in the Plebeian Revolution // Reconsiderations on the Russian Revolution. Ed. by R. C. Elwood. Cambridge (MA). 1976, C. 82.

¹⁰ Лакиер Е.И. Отрывки из дневника – 1917 – 1920 // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 146.

¹¹ Колчинский Э.И. Академия Наук и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 199–201.

воля может вызвать чувство всеобщей паники. Страхи, явные, и еще более скрытые, заставляют либо бросаться на поиски новых-старых форм солидаризма (Советы), либо откатываться к привычному смирению перед Властью. Нечто подобное наблюдалось во времена Великой французской революции, когда возникали новые дискурсы взаимоотношений между социумами и внутри них¹². В России ситуация оказалась сложнее: средний класс в социокультурном отношении был слаб, противостояние «барской» и «крестьянской» культур гипертрофировалось эмоциями. После падения самодержавия эта конфликтная ситуация особенно ощутимо проявила себя внутри творческой среды.

Необходимо учитывать, что после Февраля фактически был узаконен «классовый принцип». Пролетариату было предписано считать себя не только «гегемоном революции» (на что рассчитывали социал-демократы), но и единственной силой, правомерной навязывать свои претензии власти (которая все основательнее маркировалась в качестве «буржуазной»¹³). При этом рабочий мог реализовать свои устремления только через коллектив, который, однако, идеологически был зависим от социалистических политиков. Последние, в свою очередь, находились в пленах «антибуржуазной» риторики.

Примечательно, что в 1917 г. кадеты предпочитали слово «гражданин», вольно или невольно противопоставляя его термину «товарищ», (хотя некоторые из них готовы были перейти на «пролетарский» язык). Так или иначе, исследователи отмечают, что уже в апреле 1917 г. эти слова использовались «как маркеры противостоящих миров»¹⁴. Действительно, со временем это противопоставление усилилось. Потенции индивидуализма, базирующиеся на гражданском равенстве, окончательно элиминировались в связи с разгулом охлократии. Отсюда характерные интеллигентские впечатления: «Если правительство бывает по народу, то нынешние большевистские негодяи и неумелые тушицы – вполне нами заслужены»¹⁵.

Как известно, и патерналистский авторитаризм, и сталинский коммунизм в принципе отрицали субъектность (суверенность) человеческого Я, будучи убеждены, что человек – лишь средство для достижения благостной стабильности или «высокой» цели. Такая установка в сущности представляла собой парофраз архаичных идеалов, включая христианские. Отсюда вопрос: мог ли человек, вдохновленный «раскрепощающей» революцией, достичь хотя бы видимости творческой субъектности? И на кого в

¹² Baker K.M. Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in Eighteenth Century. Cambridge UK, 1990. P. 18.

¹³ См.: Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.

¹⁴ Икэда Ё. «Гражданин» в революционном дискурсе, февраль 1917 – июль 1918 г. // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России СПб., 2022. С. 191.

¹⁵ Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1915 – 1920. СПб., 2016. С. 238.

действительно надеялся большевистский режим: на разъяренного марксизмом пасынка империи или на действительного «нового человека»?

В 1920-е годы художник Редько признавался: «Когда я писал плакаты, то был заражен коллективной волей. Мои непосредственные впечатления тут же на месте получали окончательное осуществление»¹⁶. Некоторым такого рода экзистенциональная стадность некоторым казалась спасительной. Литератор Н.М. Мендельсон в мае 1919 г. высказался не менее показательно: «В идеалах большевиков много ценного; больше того: они уже сделали много такого, что останется на благо будущих поколений, – надо же смотреть на вещи не только с точки зрения личных переживаний! Например, ценно вовлечение (пусть нелепое иногда) масс в культурную работу». Правда, к этому он добавил: «Но одного я им никогда не прощу: удушения свободы слова». Выступление В.И. Ленина на VIII съезде Советов он комментировал так: «Перспективы работы такие, что дух захватывает. Верит, что одолеем. Чует, что последнее слово скажет мужик. Что же, быть может, большевики разгадают загадку “сфинкса”, хотя веры в это у меня нет»¹⁷.

Принято считать, что адаптация личности к большевистскому режиму происходила преимущественно в русле конформистского использования официальной риторики. В этом приоритет принадлежит С. Коткину, разглядевшего в жизнедеятельности жителей индустриального Магнитогорска своего рода микрокосм советской цивилизации¹⁸. Однако ему возражали¹⁹, указывая на необходимость обратить внимание на роль идеологии при расшифровке «герменевтики коммунистической души»²⁰. На деле энтузиазму «советского строительства» сопутствовал скорее социальный конформизм, связанный с фрустрионным «остыванием» социальной среды. В связи с этим возникает вопрос: а существовал ли собственно советский человек с его «коммунистической» душой? Может быть, мы имеем дело скорее со стадным сознанием, спровоцированным коммунистическим экспериментом?

Примечательно, что некоторые российские культурологи, на основании образов советской культуры утверждают, что в результате большевистской революции возникла некая новая субъектность, сравнимая с культурно-антропологическим прорывом эпохи Ренессанса. При этом особо отмечается нацеленность левой пробольшевистской культуры на буду-

¹⁶ Редько К. Дневники. Воспоминания. Статьи. М., 1974. С. 54.

¹⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее - НИОР РГБ). Ф. 165. Карт. 1. Д. 3. Л. 109; Д. 6. Л. 22 об.–23.

¹⁸ Коткин С. Говорить по-большевистски (из книги «Магнитная гора: Стalinизм как цивилизация // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 252–296.

¹⁹ Тихомиров А.А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 138–158.

²⁰ См.: Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000; Hellbeck J. Revolution in my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge (MA), 2006.

щее²¹. Несомненно, в это время воображение людей «избыточно эмоциональных» особенно активно подменяло действительность вопреки очевидно нацеленности большевистских вождей на социальную стабильность, неслучайно прикрываемую фразеологией инновационности. При этом большевики не скрывали, что индивидуальность должна быть редуцирована до минимума. Г.Е. Зиновьев в ответ на вопрос об облике «нового человечества» заявлял, что «оно будет жить действительностью, а не обманами, создаваемыми его воображением», а индивидуальность допустима лишь постольку, «поскольку она не будет помехой общему»²².

Несомненно, часть населения в экстремальных обстоятельствах готова согласиться на роль «сознательного» (в большевистском понимании) стада. Сложнее было людям творчества, которым приходилось разрываться между идеалом и прозой дня: достаточно вспомнить В. Маяковского. О последнем вскоре после его гибели Б. Пастернак писал, что тот оставался «единственным гражданином» нового времени на фоне «туземцев истекшей эпохи». Только у него «новизна времен была климатически в крови», «весь он был странен странностями эпохи, наполовину еще не осуществленными»²³. Увы, подобная одержимость утопией (как искренняя, так искусственно нагнетаемая) становилась самоубийственной. «Люди будущего» попросту гибли в нэповской среде, переполненной ретроспективными преференциями.

Культурное противостояние модерна и традиции, «культурных» верхов и «косных» низов с победой революции не только не ослабло, но и стало приобретать взрывоопасное состояние. Вместе с тем, нельзя игнорировать индоктринации «простого советского человека» эмоционально-образными средствами – особенно кино. Сказывался и фактор социальной мимикрии, порождавшей, однако, аккумуляцию агрессивности, направленной «вовнутрь». Неслучайно поднявшуюся в середине 1920-х гг. волну самоубийств психиатры связывали с тем, что души людей «опустошены материализмом»²⁴. Случались «знаковые» трагедии: в 1930 г. некий Вейт, сын помещика, после того, как выяснилось его происхождение и он был исключен из партии, убил своего отца²⁵.

В России социально активному человеку приходилось домогаться символического доверия некоей иллюзорно-возвышенной сущности в лице центральной власти и одновременно вырабатывать оптимальную стратегию поведения по отношению к её малопривлекательным проводникам.

²¹ Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: сравнительный социофилософский анализ // Фундаментальные проблемы культурологии: Том VI: Культурное наследие: от прошлого к будущему. М.; СПб., 2009. С. 256.

²² Аничкова С.И. Загадка Ленина. Из воспоминаний редактора. М., 2016. С. 115, 116.

²³ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 239.

²⁴ Аничкова С.И. Загадка Ленина. С. 157.

²⁵ Фишпатрик Ш. Срывают маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 81, 83.

Отсюда масса доносов на «ближнего», заметно возросшая к концу 1920-х гг. Этот феномен исследователи не без оснований связывают с ревитализацией средневековых практик²⁶. Если так, то насколько основательным оказалось влияние на «передовой класс» крестьянского окружения? Как при этом сказывалось, к примеру, влияние слухов о том, что какой-то начальник приближен к Сталину или, напротив, отчуждён от «вождя»²⁷? Какова, наконец, релевантность эго-источников, характеризующих феномен советской субъектности?

Анализ массива писем от коммунистов, беспартийных, молодежи, сомнительных анонимов и даже сумасшедших, адресованных непосредственно И. Сталину в 1920-е гг., а также некоторые материалы партийных чисток на местах, подводят к выводу, что некогда распространённый политico-идеологический подход к изучению советской субъектности является недостаточным. Поэтому изучение «простого советского человека» практичеснее начинать именно с этой группы эго-документов, разумеется, дополнения и корректируя их с помощью источников иного рода.

Насколько письма во власть способны дать представления о ходе идентификационного процесса? Ведь нельзя забывать, что во власть в России чаще писали ее «обиженные» подданные. Однако, стоит заметить, что в 1920-е гг. этим активно занялись не только люди, ущемлённые местным начальством (хотя их письма преобладали), но и личности, «вдохновленные» открывшимися перед ними при новой власти возможностями. При этом социально-психологический спектр авторов (включая анонимов), а равно их мнений был необыкновенно широк, а уровень искренности весьма высок. Люди *ещё* не боялись раскрывать свой облик перед лицом власти. Порой это делалось даже угрожающе демонстративно. Однако не исчез и однородный набор «слезниц». При этом «исповедальный» стиль порой выливался в литературную графоманию, ставшую, как считают некоторые авторы, «всенародной» болезнью²⁸.

Данный тип источника подтверждает, что в 1920-е гг. идентификационные процессы развивались преимущественно стихийно, под мощным давлением «косной» или враждебной окружающей среды. Основу их составляло нарастание лояльности «вождю», с одной стороны, самоопределение относительно ближайшего начальства – с другой. Но это делалось с непременной оглядкой на «своих». Вместе с тем, авторы писем вынуждены были, хотя бы формально, демонстрировать свое отношение к господствующей идеологии (а равно к её «непредсказуемым» инверсиям). Зато у них появилась возможность откровенно высказаться по поводу насаждаемого «образа врага» (присовокупляя к нему врагов персональных). В общем

²⁶ Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928 – 1941). М., 2011. С. 25–31.

²⁷ Мейendorf М.Ф., баронесса. Воспоминания. М., 2017. С. 195.

²⁸ Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge (MA). 1994. P. 200–205.

идентификационные процессы носили не продуманный (рациональный), а скорее болезненно-противоречивый (эмоциональный) характер.

Конечно, охотнее всего раскрывались перед властью «леваки» настроенные молодые люди. Так, комсомолец Буянов (хочется думать, что это был псевдоним) из Брянской губернии, передав «привет всем вождям революции», сообщал, что он вступает на «платформу поэзии», а свои мысли собирается «выливать среди трудящихся масс... ибо в нашей стране есть свобода нашим талантам». Вместе с тем, он напоминал, что в партии «накопилось много всякого мусору»²⁹. Были и «идейно-холуйские» письма. Так, некий Хавин из Института народного хозяйства им. Маркса 24 ноября 1924 г. писал Сталину: «Я желаю работать под Вашим идейным руководством, чтобы Вы были путеводителем в моих работах... Вы один из признанных вождей Октября, которому история отведет одно из первых мест»³⁰. Автор то ли угадал, то ли накликал будущего деспота. Но до тотальной сервильности было еще далеко. Другие авторы отмечали, что молодые рабочие «никого не уважают, чересчур самонадеяны и не подчиняются коллективной дисциплине». Парадоксально, но именно из их среды зазвучали ставшие стереотипными выкрики: «За что боролись?»³¹

Оставалось немало постреволюционных нон-комформистов – главным образом в городе. Однако чаще встречались люди, ухитрившиеся совместить искреннее выражение преданности партии с жалобами на социальную и бытовую униженность. Так, член партии Т.А. Бухарин 8 августа 1924 г. слал «коммунистический привет» товарищу Сталину (обращаясь к нему при этом на «ты») и спешил уведомить его «о всех ненормальных явлениях», начав с собственного бедственного положения³². Данное послание примечательно еще и тем, что его автор словно подчёркивал существование некой интимной связи между ним и «вождём». Такой стиль обращения характерен для писем со стороны лиц, «посвященных» в магию власти. Но обычно к Сталину обращались более официально: «Тов. Сталин» или «Дорогой Иосиф Виссарионович», хотя встречалось и обращение «братишка», а некоторые школьники называли его на ты, словно взывая о помощи к отцу или Господу³³ (См.: Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920 – 1930 гг. М., 2012. С. 145).

Вероятно, повсюду ощущалась нужда в пророках и пророчествах. Не случайно появились своего рода подражания Ф. Ницше: «Зангези» В. Хлебникова и «Приключения Хулио Хуренито» И. Эренбурга. Напротив, многие интеллигентные обыватели не знали, к кому обратиться: вторым человеком по-

²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 36–37.

³⁰ Там же. Д. 647. Л. 114.

³¹ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! С. 71.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 43.

³³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002. Т. 1. С. 71).

сле умершего Ленина считали Троцкого³⁴. Для них было характерно как фрустрационное отчуждение от власти, так и упование на нее, связанное с недоумением относительно социальных результатов революции³⁵.

Впрочем, появились лица, оптимистично просчитывающие меняющуюся конъюнктуру. «Современность перевалила через рубеж, – заявляли они. – Расчистка кончилась, начинается стройка. Революция подходит к своим целям... Революция входит в линию традиции, но уже традиция обновлена революцией. Необходимость, Насилие – слабеют, отходят. И мы ждем: Милосердие и Человечность возвратятся в мир. Людские массы, общее тело социума, единственное, с чем хотела зваться и чем умела действовать и война и революция, – опять дают пропустить отдельной человеческой душе...»³⁶. Насчет насилия эти «знатоки человеческих душ» ошибались. Но они уловили, что большевистское насилие прикрывалось фиговым листком гуманизма.

Характерно, что в 1922–1924 гг. некоторые меньшевики заявляли о необходимости «прекратить политическую борьбу и превратиться в общество для пропаганды идей научного социализма (марксизма)». Это мотивировалось тем, что «борьба за формальную демократию с советской властью» объективно является «содействием реакции» в условиях, когда государству предстоит «позаботится о насаждении и развитии русского машиностроения» – в том числе и с помощью частного капитала. При этом автор письма искренне недоумевал, почему он, озабоченный «спасением революции и социализма», после освобождения из тюрьмы был отправлен в ссылку³⁷.

В ссылку то и дело отправлялись известные дореволюционные историки, вроде М.М. Богословского. Это не мешало им со временем становиться советскими академиками. Получали одобрение (хотя бы на время) и «перековавшиеся» (чаще внешне) литераторы. Власть делала это – беспринципность и притворство становились взаимным. На этом фоне символично появление особого рода авантюристов – политических оборотней. Литературные образ Остапа Бендера и «детей лейтенанта Шмидта» бледнеют на фоне реальных «27-го бакинского комиссара» и «братьев Луначарских»³⁸.

Как не удивительно, в 1920-е гг. довольно легко адаптировались к действительности некоторые «бывшие», включая аристократов, привычно воспринимавшие существующую власть как некую данность, лишь внешне менявшую окраску, но непременно содержащую элемент репрессивности. Иные из них продолжали учёбу в университете, отнюдь не скрывая своего

³⁴ Абрагам А. Время вспять, или физик, физик, где ты был. М., 1991. С. 22.

³⁵ См.: «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1–8. М., Т. 5. М., 2003. С. 65; Т. 8. Ч. 1. М., 2008. С. 77–78; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 103; Д. 484. Л. 7.

³⁶ От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. М., 1924. С. 243.

³⁷ В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. М., 2008. С. 183, 189, 199, 200.

³⁸ Фицпатрик Ш. Срывают маски! С. 311.

происхождения (что, должно быть, служило доказательством искренней лояльности), другие устраивались там, где требовались образованные исполнители. Бывший офицер князь Владимир Николаевич Долгоруков (человек «большого ума и культуры», но «холодный эгоист») даже стал... детским писателем В.Н. Владимировым³⁹. Люди такого склада уловили, что «классово-репрессивная» власть терпит людей, искренних в своем конформизме. Пусть было сомнительно, что «бывшие» способны на «перековку», но идентификационного усердия от них не требовалось.

Власть теперь инстинктивно опасалась людей непредсказуемо пассивонарных (словно учитывая рост неотреагированной агрессивности). И, разумеется, наибольшая опасность виделась в искателях социальной справедливости на революционный манер. Дело в том, что еще не перевелись лица, которые считали себя «подлинными представителями рабочего класса и охотно рассуждали о необходимости выпустить кишки всем буржуям»⁴⁰. При этом, «классовое» недовольство вызывали не столько «недорезанные буржуи», сколько интеллигентные «спецы». «Нэповский» рабочий словно колебался между навязанным ему образом гегемона и собственным униженным положением. Так, некий З. Темкин из Киева писал Сталину, что после 10 лет революции он, «истрепанный, измученный, больной», готов вновь броситься на буржуазный класс, «разорвать, уничтожить на кусочки его». «Злоба кипит...»⁴¹, – признавался он. Ресентимент такого накала был достаточно распространен. И.И. Попов, житель с. Подкущевка (Кубанского окр.), в прошлом красный партизан, писал: «... Ничего не пойму и остаюсь в тупике. Душа пыхтит от напряжения мятежных чувств, как котел, переполненный паром...»⁴². Были и такие заявления: «Подождем еще немного, а потом возьмем винтовки и пойдем в горсовет»; Нужно работу бросить и пойти взять кого следует за глотку». Впрочем, значение таких заявлений не следует преувеличивать. Наряду с ними заметно было нарастание среди рабочих апатии, в значительной степени связанных с физическим истощением. Сказывалось и разочарование: «Власть мы завоевали, и опять же у нас равноправия нет, как оно было при царе Николае, так оно и есть в настоящее время»; «сулили золотые горы, но ничего не дали»⁴³.

В деревне также было предостаточно сельских «пролетариев», готовых расправиться с «кулаками» и их прихвостнями из коммунистических

³⁹ Голицын С. Записки уцелевшего // Дружба народов. 1990. № 3. С. 107; Каптерева-Шамбина Т.П. Арбат, дом 4. М., 2006. С. 127, 129–130.

⁴⁰ Абрагам А. Время вспять, или физик, физик, где ты был. С. 15.

⁴¹ Орлов И.Б., Пахомов С.А. «Ряженые капиталисты» на нэповском празднике жизни. М., 2007. С. 87.

⁴² Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послереволюционная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2010. С. 240.

⁴³ Надеждина В.А. «...Все к социализму иду и никак не могу дойти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа. Уфа, 2005. С. 141, 145, 122, 132, 133.

управленцев (См.: Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. С. 43, 54, 79, 81, 93, 157, 181, 257, 262, 263, 265, 271–273, 278).

Похоже, что разочарование крестьян в «плодах революции» было особенно сильным. В значительной степени оно стимулировалось наблюдениями за ближайшим начальством: «... Протаскивают чужих, неведомо откуда прибывших; выборы не проводят...», однако «все старые на местах, а все говорят: у нас выбрана власть, а кто выбирал – никто, сами друг друга вытаскивают на хорошие места»; «нам остается, по-видимому, не выбирать, а только сидеть, да поднимать руки»⁴⁴. Были заметны и комсомольские активисты, ненавидимые сельским большинством. В свою очередь, пылкие комсомольцы также не выдерживали разочарований, связанных с неповской действительностью. Именно молодежь давала наибольший процент самоубийств (см.: Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. С. 101, 104, 357, 366) – авангардная субъектность не выдерживала «перерождения» власти, с одной стороны, усиливавшегося давления косной среды – с другой.

Впрочем, идентификационные процессы порой носили чисто ритуальный характер. «Победители буржуазии» могли обрести достойную самоидентификацию, только задвинув культурные символы своих противников – прежде всего на бытовом уровне. Отсюда рефлекторное неприятие всевозможных «классовых» маркеров прошлого, вроде «буржуазных» галстуков⁴⁵. Сходный характер могла носить и борьба с религией – она была лишена идейного обоснования. Порой происходила невидимая трансформация революционной ритуалистики: демонстрации все больше походили на крестные ходы, всё большее распространение получали всевозможные «красные крестины». «Новая» культура не могла обойтись без привычной семиотической подпитки.

На фоне интернационалистской риторики большевиков особое место занимают представления о реальном положении дел в так называемом национальном вопросе. Так, 7 марта 1927 г. некий И.И. Кацман из Киева, познакомившись со статьей о современной жизни якутов, писал: «Если мы действительно оставили позади себя полосу революционной болтовни (которая, кстати, всем уже надоела), то надо перейти к делу, не брезгую такими мелочами, как борьба с вырождением якутов»⁴⁶. А некий аноним взывал к Сталину как к самодержцу: «Вы обязаны вышибить шовинистический дух из зарвавшихся шовинистов-украинцев...»⁴⁷.

Впрочем, действия самого Сталина также «этнанизировались». В партийных низах говорили, что, если ранее в ЦК верховодили евреи, то Ста-

⁴⁴ Надеждина В.А. «... Все к социализму иду и никак не могу дойти». С. 190, 196–237.

⁴⁵ Федосюк Ю.А. Утро красит нежным светом... Воспоминания о Москве 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 37.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 4.

⁴⁷ Там же. Л. 163.

лин «тянет за собой кавказцев»⁴⁸. Люди интерпретировали происходящее в понятиях борьбы этнических кланов, а не интернационалистов с «буржуазными националистами». Это не случайно, советский федерализм, до сих пор вдохновляющий некоторых авторов, вполне укладывался в этнопатерналистскую парадигму властования.

Особенно хорошо прослеживается это на ситуации в восточных регионах⁴⁹. Характерно, что вновь поднялась волна антисемитизма, связанная с представлениями о том, что евреи «хорошо устроились» при социализме (См.: Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. С. 233, 241, 378, 401, 457, 582, 583, 588–596, 609, 638, 648). Вместе с тем, авторы некоторых писем подсказывали, что центральная власть должна использовать этнический (а не классовый) фактор в своих интересах. Писали, что необходимо учитывать, что культ личности играет на Востоке значительную роль⁵⁰.

Порой постреволюционный «интернационализм» принимал курьезные формы. Так, в 1929 г. в Северной Осетии коммунистка Смелянская выступила против 30-летней Е.А. Бараковой выдвинутой в прокуроры области. Оказывается, Баракова не годилась в прокуроры, поскольку была «несерьезная, кокетливая» и вообще «слишком красивая». В Средние века такие инвективы могли привести на костер. Вдобавок у мужа Бараковой обнаружились «перерожденческие» прегрешения⁵¹.

В общем, ситуация в партии вызывала характерные ассоциации. Еще в 1921 г. член Центральной комиссии по очистке партии П. Залуцкий в преамбуле к оставшемуся нереализованном проекте комиссии «по установлению партийной этики и пределов материальных благ для членов партии» писал: «Революция, дав могучий толчок развитию личности, способствовала росту потребностей, неудовлетворение которых значительно более остро ощущается». Характерно, что в объяснении ситуации автор следовал принципам «диалектики»: «Победа революции... понизила чувство самопожертвования и самоотречения, которые остро вспыхивают в моменты острых политических кризисов»⁵². В общем «человек революции» в тягаться в разбухавшей косной массе.

Кем мог ощущать себя при этом «простой советский человек»? Наследником революции, готовым воплотить её лозунги в жизнь? Сомнительно, они выветрились; вера в собственные силы понизилась. Человеком «обновлённой» империи? Возможно, но вряд ли он смог бы это самостоятельно атрибутировать. Представить себя полноправным гражданином демократического общества он не мог. В сущности, он остался наедине с «всемогущей» властью в агрессивном социальном окружении.

⁴⁸ Павлюченков А.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917 – 1929 гг. М., 2008. С. 380.

⁴⁹ См.: Баберовски Й. Враг есть везде. Стalinизм на Кавказе. М., 2010.

⁵⁰ ЦК РКП (б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн.1. 1918 – 1933 гг. Сост. Л.С. Гатарова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. С.179–182.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 44. Л. 146 об.–149, 154–158.

⁵² Павлюченков А.А. «Орден меченосцев». С. 262.

Из этого не следовало, что люди готовы были откровенно отказаться от «духа революции». Случилось другое: соответствующую риторику стала использовать масса всевозможных приспособленцев. Это и обусловило характерный парадокс: революцию стали представлять личности, смирившиеся перед властью. Последней в таких условиях оставалось лишь имитировать «революционную» решительность.

Вместе с тем, агрессивный утопизм захватывал детское воображение. В известном смысле большевики перевели естественный конфликт поколений в «классово антагонистический контекст». Приводились такие детские куплеты: «Маменька и папенька / Также есть у нас / Только нынче они стали / Нам враждебный класс». Новая детская «мораль» основывалась на максиме: «Вы, старики, только мешаете нам строить новую жизнь»⁵³.

Свою лепту в «разрушительно-соозидательный» пафос внес Пролеткульт. Поэтическая дерзость такого его представителя как В. Кириллов, обещавший «растоптать Рафаэля», несомненно, пленила молодые умы⁵⁴. Но насколько основательно? И в какой мере эстетика обновления упрочила представление о необходимости социального насилия?

На фоне послевоенной разрухи всякий социальный пафос захватывал. По-своему это сказывалось на левых умах разоренной Европы. «Надо сказать, что это сознание солидарности со всем человечеством составило вообще основу Великой русской революции...», – уверял анархиствующий литератор А. Голичер (Холичер). – Но революция наложила на современников особые обязательства. И те немногие, кто осознал это, своим революционным воодушевлением заражали и толкали вперед несознательных, а упорствующих в сопротивлении заставляли отступать и сдаваться»⁵⁵. Подобным иллюзиям чаще предавались на время люди повышенной эмоциональности. Но человек становится утопистом лишь в «безвыходных» ситуациях.

Историк Ю. Гольте недолго оставался в рядах ненавистников большевиков. Со временем он нашел оправдание их действиям, резонно сравнив события недавней революции с «революцией» XVII в. «Уклоняясь от правильного развития, жизнь народа может попасть в тупик, в противоречие с самой собою. Нормальным путем народ и созданное им государство не в силах выйти из исторических тупиков и противоречий; для этого нужны резкие, большей частью насильтственные сдвиги, – утверждал он. – Такие сдвиги, являющиеся последствиями исторических болезней страны и вместе с тем средством исцелиться от них, носят в жизни народа название *революций*»⁵⁶.

Любая субъектность связана с исторически сложившимися принципами социализации. При этом давление среды – преимущественно имплицитное – оказывается чрезвычайно мощным. Но не менее значительным оказывается и воображение, порожденное шоком от произошедших и

⁵³ Аничкова С.И. Загадка Ленина. С. 188–189.

⁵⁴ Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 335.

⁵⁵ Голичер А. Жизнь современника. М.; Л., 1929.

⁵⁶ Гольте Ю.В. Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М., 2010. С. 5.

свершающихся «исторических» событий. Особенно заметно это было у женщин: одни из них легко поддавались на патерналистские компоненты большевистской демагогии, другие, по известной привычке, склонны были превращать нужду в добродетель. Показательны записи в дневнике интеллигентной «новой женщины» З. Денисьевской, некогда настроенной антибольшевистски. После июльских событий 1917 г. она писала: «От всей нашей революции в конце концов веет таким же ужасом противоречий и чисто человеческой путаницы, как и от старого строя...». 4 ноября в адрес большевиков она высказалась так: Я им не верю. У них нет ни честности, ни ума... масса их темна и зла... Я думаю о социализме. В нем высшая справедливость и высшая любовь, но он может быть достигнут не путем большевистского бунта. Потому что сущность людей не меняется сразу...⁵⁷. 7 октября 1926 г. она же записала: «Не могу и не хочу читать газеты, так много в них болтовни, хвастовства, браны и лжи!.. А в жизни одна сплошная бесполковщина...». В марте 1929 г. в дневнике появилось нечто иное: «И за весь последний год я бессознательно становилась “социалисткой”, я начинаю понимать коммунизм». Очевидно, начавшаяся коллективизация воспринималась в городе совсем не так, как в деревне. Через месяц Денисьевская призналась: «Я сердцем чувствую правду на стороне идеинных коммунистов... Они – преемники того, что я ценила и любила в русской интеллигенции...»⁵⁸. Похоже, что безжалостное социальное насилие в определенной социальной среде возрождает склонность выдавать желаемое за действительное.

Итак, что же определяло *mainstream* советской субъектности? Представляется, что пониженная субъектность способствовала теперь размытию даже прошлых (в том числе общинных) идентичностей, причем это происходило вопреки усилиям власти по «классовой» стратификации общественной среды. Роль собственно идеологии при этом была невелика. Превалировало и нарастало пассивное признание власти как факта, что немногим отличалось от дореволюционного типа авторитарно-патерналистской псевдосубъектности. В связи с этим не удивительно, что Советский Союз, подобно Российской империи, скорее разваливался сам по себе, нежели кем-то «подрывался».

Список литературы:

1. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. – 854 с.
2. Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: сравнительный социо-философский анализ // Фундаментальные проблемы культурологии: Том

⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 752. К. 2. Д. 2. Л. 73, 105.

⁵⁸ Из дневников Зинаиды Денисьевской (1900–1933 гг.) // Август, ХХ век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. Т. 1. М., 2014. С. 395, 397, 399.

- VI: Культурное наследие: от прошлого к будущему. М.: Новый хроно-граф; СПб.: Эйдос, 2009.
3. Гольте Ю.В. Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. – 185 с.
  4. Икэда Ё. «Гражданин» в революционном дискурсе, февраль 1917 – июль 1918 г. // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. – 327 с.
  5. Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.
  6. Коткин С. Говорить по-большевистски (из книги «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский ун-т, 2001. С. 252–296.
  7. Колчинский Э.И. Академия Наук и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2007. – 502 с.
  8. Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Том. 2. Генезис максимализма. Два мира. М.: Человек, 2016. – 455 с.
  9. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. – 341 с.
  10. Надеждина В.А. «... Все к социализму иду и никак не могу дойти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа. Уфа: БашГУ, 2005. – 266 с.
  11. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. – 397 с.
  12. Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послереволюционная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 349 с.
  13. Орлов И.Б., Пахомов С.А. «Ряженые капиталисты» на нэповском празднике жизни. М.: Собрание, 2007. – 159 с.
  14. Павлюченков А.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. – 463 с.
  15. Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар: Перспективы образования, 2002. Т. 1. – 404 с.
  16. Суровцева Е.В. Жанр «писем вождю» в тоталитарную эпоху (1920 – 1950-е гг.). М.: АИРО-XXI, 2008. – 147 с.
  17. Тихомиров А.А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 138–158.
  18. Фишпатрик Ш. Срывают маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. – 373 с.
  19. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917 – 1920-х годов. СПб.: Европейский дом, 2006. – 570 с.

20. Baker K.M. Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in Eighteen Century. Cambridge UK: 1990. – 372 p.
21. Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge (MA): Harvard univ. press. 1994. – 356 p.
22. Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh (PA): Univ. of Pittsburgh press, 2000. – 474 p.
23. Hellbeck J. Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge (MA): Harvard university press. 2006. – 436 p.
24. Reiman M. Spontaneity and Planning in the Plebeian Revolution // Reconsiderations on the Russian Revolution // Ed. by R. C. Elwood. Cambridge (MA). 1976. – 289 p

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

**FROM REVOLUTION TO DICTATORY: POLITICAL AND
IDENTIFICATION PROCESSES ON THE MATERIALS OF EGO-
DOCUMENTS**

V.P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The author rejects the prevailing ideas about the constructive nature of the NEP. On the authorities, it was mainly a period of forced experimentation, on the part of the grassroots – time of desperate hopes for a “strong” government. The revolutionary ochlocracy suppressed the germs of civic consciousness. Under these conditions, emotional intentions prevailed under the balanced political decisions. All sorts of innovations were forced by circumstances the revolutionary impulse dried up, avant-gardism acquired a tortured character. People, without noticing it, were drawn to the “saving” authoritarian tradition, which eventually prevailed in a new, communist guise. In general, it was a common post-revolutionary “escape from freedom”. However, in Russia, the general trend turned into a stable simulacrum, which slowed down the real renewal of the country for a long time.

Keywords: *Russia, revolution, post-revolutionary situation, Bolshevism, public disappointments, false imaginations, social mimicry, extinction of subjectivity, social repression.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References:

- Baberovski J., *Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze*, M., ROSSPEN, 2010. – 854 s.
- Bulavka L.A., *Sovetskaya kul'tura i Renessans: sravnitel'nyj socio-filosofskij analiz*, Fundamental'nye problemy kul'turologii, Tom VI, Kul'turnoe nasledie: ot proshloga k budushchemu, M., Novyj hronograf; SPb., Ejdos, 2009.
- Got'e Yu.V., *Smutnoe vremya: ocherk istorii revolyucionnyh dvizhenij nachala XVII stolietiya*, M., Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2010. – 185 s.
- Ikeda Yo., «*Grazhdanin» v revolyucionnom diskurse, fevral' 1917 – iyul' 1918 gg.*, Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalaciya grazhdanskoy vojny v Rossii, SPb., Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2022. – 327 s.
- Kolonickij B.I., *Antiburzhuaznaya propaganda i «antiburzhujskoe» soznanie*, Otechestvennaya istoriya, 1994, № 1, S. 17–27.
- Kotkin S., *Govorit' po-bol'shevistski (iz knigi «Magnitnaya gora: Stalinizm kak civilizaciya»)*, Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednih let. Sovetskij period, Antologiya, Sost. M. Devid-Foks, Samara, Samarskij un-t, 2001, S. 252–296.
- Kolchinskij E.I., *Akademija Nauk i Pervaya mirovaya vojna*, Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervojo mirovoj vojny, SPb., Nestor-Istoriya, 2007. – 502 s.
- Kuhazhevskij Ya., *Ot belogo do krasnogo carizma*, Tom. 2, Genezis maksimalizma. Dva mira, M., Chelovek, 2016. – 455 s.
- Livshin A.Ya., *Nastroeniya i politicheskie emocii v Sovetskoj Rossii: 1917–1932 gg.*, M., ROSSPEN, 2010. – 341 s.
- Nadezhdina V.A., «... *Vse k socializmu idu i nikak ne mogu dojti*»: *rabochie i krest'yane Yuzhnogo Urala i social'naya politika Sovetskogo gosudarstva v gody NEPa*, Ufa, BashGU, 2005. – 266 s.
- Nerar F.-K., *Pyat' procentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928 – 1941)*, M., ROSSPEN, 2011. – 397 s.
- Morozova O.M., *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslerevolucionnaya povsednevnost' veteranov Grazhdanskoy vojny*, Rostov-na-Donu, Izd-vo YUNC RAN, 2010. – 349 s.
- Orlov I.B., Pahomov S.A., «*Ryazhenye kapitalisty*» na nepovskom prazdниke zhizni, M., Sobranie, 2007. – 159 s.
- Pavlyuchenkov A.A., «*Orden mechenoscev*»: *Partiya i vlast' posle revolyucii. 1917 – 1929 gg.*, M., Sobranie, 2008. – 463 s.
- Rozhkov A.Yu., *V krugu sverstnikov. Zhiznennyj mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov*, V 2 t., Krasnodar:, Perspektivy obrazovaniya, 2002. T. 1. – 404 s.

- Surovceva E.V., *Zhanr «pisem vozhdyu» v totalitarniyu epohu (1920 – 1950-e gg.)*, M., AIRO-XXI, 2008. – 147 s.
- Tihomirov A.A., *Zasluzhit', opravdat' i vernut' doverie partii: sovetskoe «ya» v pis'mah vo vlast' v rannej sovetskoj Rossii*, Novejshaya istoriya Rossii, 2016, № 3(17), S. 138–158.
- Ficpatrick Sh., *Sryvajte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XXveka*, M., ROSSPEN, 2011. – 373 s.
- Yarov S.V., *Konformizm v Sovetskoy Rossii: Petrograd 1917 – 1920-h godov*, SPb., Evropejskij dom, 2006. – 570 s.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)“1918/1920”+281.93
DOI 10.26456/vthistory/2023.2.042–059

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ДУХОВЕНСТВО В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Т.Г. Леонтьева

ФГБОУ «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье представлен обзор событий 1918–1922 гг., которые характеризуют положение Русской православной церкви (РПЦ) и стратегии выживания православного духовенства в условиях Гражданской войны. В силу территориального распада империи РПЦ оказалась на грани потери канонического иерархического управления. Как взаимодействовали советская власть и православная церковь, какие перемены произошли внутри этого некогда «идеологического» института на территории «белых», как влиял на события «православный мир», разделившийся на «красных» и «белых» – эти вопросы освещаются в данной статье. Процессы самоопределения в «православном мире» анализируются на основе широкого круга источников, которые убеждают, что природа «расслоения» духовенства, мировоззренческие трансформации православной паствы таилась не только в отношении к «красным» или «белым», но и определялась отношением к каноническим основам православия, поисками «новой религиозности», вероисповедной политикой советской власти.

Ключевые слова: Русская православная церковь, священнослужители, Гражданская война, советская власть, антицерковная деятельность большевиков.

После прихода к власти большевиков и последующие годы Гражданской войны положение и статус православного духовенства резко изменились. Мощный, казавшийся незыблемым институт церкви оказался расколот изнутри, духовенство не только попало под беспощадные удары революционных масс, но и оказалось на «передовой» всех фронтов, включая «антирелигиозный».

В начале XX в. в России действовали 48 375 православных храмов, где служили (включая низший клир) 103 437 чел., и 475 мужских и женских мо-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ИРИ РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

настырей с 20 199 населенными². После революции 1917 г. духовенство продолжало сохранять черты сословия, хотя под воздействием быстро меняющихся событий наблюдалось движение контингента: одни – снимали сан, другие стремились его обрести. При наличии вакансий в состав сословия попадали псаломщики и дьяконы по результатам специального экзамена³. Несмотря на преследование духовенства священниками становились бывшие учителя и адвокаты, офицеры и мелкие чиновники⁴. Отмечалось формирование узкой, но заметной прослойки «лжебратии» – различного рода интриганов и авантюристов, лиц, ранее отстраненных от служения, которые используя «действенные» обвинения, пытались получить приговоры приходских общин и прогнать с мест «законных» настоятелей⁵.

Конституция 1918 г. лишила священников и монашествующих права голоса как «нетрудящихся элементов», что запускало цепную реакцию распада привычных мировоззренческих взаимосвязей. Постановление Наркомата юстиции от 24 августа 1918 г. лишало белое духовенство статуса «первого лица» в приходе: для «отправления культа» вводилась система приходских «двадцаток» («местных жителей соответствующей религии» численностью не менее 20-ти), получавших право взять в аренду от местных Советов «культовое имущество» и «молитвенные помещения». Надзор за той частью их деятельности, которая «выходила за пределы религиозного культа», возлагался на местные парторганизации. Духовная жизнь оказывалась в кабале у безбожников, стремившихся вырвать верующих из лона «одряхлевшей» церкви. Смысль подобной вероисповедной политики сводился к вытеснению веры и религии из массового сознания и консолидации советского общества на общегражданских правовых и моральных основах.

Уже первый постреволюционный год показал, что авторитет духовенства как духовного руководителя народа стремительно снижается. Приходское духовенство не только не могло указать нравственные ориентиры народу, деморализованному войной и революцией, но и обнаружило собственную дезориентированность. Тяготы военного времени провоцировали нескончаемый разлад внутри причтов из-за доходов и политических разногласий.

Усугубляя конфликтность в церковной среде и тот факт, что к началу XX в. существенно изменился социальный состав духовенства, и служение церкви «сделалось привилегией для детей церковных причетников, зажиточных крестьян и мещан» поскольку дети приходского духовенства предпочитали светские учебные заведения и профессии. В связи с этим и епископат пополнялся «представителями преимущественно мало тронутого

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. С. 71, 100. Приложения. С. 5, 7, 9.

³ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р–1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 60; Ф. Р–641. Оп. 1. Д. 1456. Л. 13–14.

⁴ Дамаскин (Орловский), иг. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2002. С. 60, 113, 132, 140, 153, 236, 244.

⁵ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. 1 (14 мая). № 15–16. С. 530.

культурой русского простонародья»⁶. «Мирская зараза» проникла и в монастыри, братия которых превратилась в «сборище людей, чуждых культуре, живущих интересами желудка, зачастую эксплуатировавших веру простого народа»⁷. Примечательно, что подобные «нестроения» замечали прихожане. Они апеллировали к власти, пытаясь скорректировать поведение духовных наставников: «Я скорблю о церкви и религии, последняя стала падать не от молящихся, а от служителей алтаря»; «дайте нам другого священника... Тогда мы действительно осуществим социализм» – утверждали верующие из Тверской губернии⁸.

Свообразным проявлением расцерковления прежних «учителей жизни» стал феномен «красных попов»⁹. Отдельные служители церкви демонстративно отрекались от сана, призывали к поддержке большевиков и вступали в партию¹⁰. Ещё в марте 1917 г. Поместным Собором была создана комиссия для рассмотрения дел «о большевистующих клириках», чтобы подвергнуть их «соответствующему наказанию, а в апреле 1918 г. принято Определение «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни»¹¹, явно свидетельствующее о расколе православного духовенства по политическому признаку. Кризисная ситуация внутри сословия характеризовалась размытостью интересов, сложным осмыслением происходящего: положение казалось шатким, будущее – неопределенным. Обстоятельства подталкивали нестойких духом священников к расцерковлению: «уж очень много неприятностей и в будущем хорошего ничего не предвидится» – заявил один из расстриг¹².

Одним из первых и нашумевших примеров стало снятие сана и переход на службу к большевикам в Наркомат юстиции священника Михаила Галкина – «одного из самых лютых атеистов в отечественной истории»¹³. Прецедент Галкина повторился в ряде губерний, где нашлись служители культа, поменявшие православие на большевизм. Священник Андрей Горюхов (Пермская епархия) в 1918 г. в открытом письме провозгласил: «Да здравствует Советская власть! Да здравствуют коммунисты!»¹⁴. Случай не

⁶ Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. СПб., 2014. С. 871.

⁷ Там же. С. 875–876.

⁸ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 370. Л. 4; Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 115. Л. 3.

⁹ *Peris D. Comissars in Red Cossacks: Former Priests in the League of the Militant Godless // Slavic Review. 1995. Vol. 54. № 2; Roslof E. The Heresy of «Bolshevik» Christianity: Orthodox Rejection of Religious Reform during NEP // Slavic Review. 1996. Vol. 55. № 3.*

¹⁰ Памятник борцам революции, погибшим в 1917 – 1922 гг. Л., 1925. С. 220.

¹¹ Рогозный П.Г. Генезис термина «большевизм» в церковной среде. К изучению языка Российской революции // Источник. Историк. История. СПб., 2002. Вып. 2. С. 294, 296.

¹² ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 811. Л. 1.

¹³ Рогозный П.Г. Духовенство против церкви в 1917–1918 гг. («Церковный большевизм» и церковные большевики) // Эпоха войн и революций. 1914–1922. СПб., 2017. С. 386.

¹⁴ Известия Пермского губернского исполкома. 1918. 19 окт.

единичный – в годовщину революции публично отреклись от Бога и стали коммунистами ещё несколько священников той же епархии¹⁵. Иные батюшки, используя искусство церковной проповеди, не только заставляли слушателей «рыдать и клясться быть всегда защитниками Совдепа», но и личным примером увлекали крестьян в ряды Красной гвардии¹⁶. В Томской губернии против Колчака сражался партизанский отряд, возглавляемый священником Никольским¹⁷. Похожие явления зафиксированы на Алтае¹⁸, в Омской губернии¹⁹. В Тверской губернии священник из прихода Весьегонского района открыто агитировал против советской власти, распространял воззвания патриарха, хранил у себя оружие²⁰. К очередной годовщине Октябрьской революции дьякон Носов, пожелав стать «честным гражданином РСФСР», провозгласил: «Долой... попов! Да здравствует диктатура пролетариата!»²¹. Известия о публичном ренегатстве большевистская пропаганда охотно тиражировала в прессе. Подобное поведение не могло не повлиять на интенсивность протестных акций верующих, недовольных вероисповедной политикой большевиков: в 1918–1922 гг. только в центральной России произошло 1414 выступления на религиозной почве (по преимуществу в Тамбовской, Воронежской, Курской, Костромской и Московской губерниях)²².

Изменения, порой неоднократно, политическую ориентацию, вчерашие пастыри при участии «рядовых большевиков и низшего молодого духовенства» то выдвигали планы создания «красной церкви» на основе «коммунистического христианства»²³, то навсегда оставляли церковную службу²⁴, вступали в РКП (б) и помогали устанавливать советскую власть.

¹⁵ См.: Вяткин В.В. Церковь на Урале и вооруженные силы России в XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. Вып. 7 (23). 2003. С. 80; Агафонов П.Н. Духовенство Пермской епархии в годы Гражданской войны. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostok-rossii/p-n-agafonov-duhovenstvo-permskoj-eparhii-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html> (дата обращения: 15.05.2023 г.).

¹⁶ Цит. по: Партизанское движение в Сибири. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 105; Северная Коммуна. 1918. 28 июня. С. 5; Сивков В.Ф. В армейском тылу. Разгром Колчака. М., 1969. С. 195–196; Сибирская жизнь. 1919. 26 апр.

¹⁷ См.: Известия Петроградского совета. 1919. 9 окт.

¹⁸ См.: Егоров Г. Солона ты, земля. Барнаул, 1963.

¹⁹ Ступаков М.И. За правое дело. Воспоминания. Новосибирск, 1977. С. 116–117.

²⁰ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 36 об.

²¹ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 71.

²² Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 128.

²³ Нечаев М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений. 1917–1922. Пермь, 2004, С. 258.

²⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. Р-2961. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 90, 130.

Впрочем, в рядах «красных» иные священники оказывались поневоле будучи мобилизованными в ополчение²⁵. Иные прельщались жалованьем в советских учреждениях и уходили на службу в милицию, волостные и уездные исполкомы. Показательно, что даже мелкие канцелярские должности порождали у их обладателей чувство превосходства над гонимыми вчерашними собратьями. Известны случаи откровенных издевательств: бывший дьякон одного из приходов Тверской губернии, сменивший рясу на красноармейскую форму третировал своего бывшего духовного «начальника», ругался матом в церкви, потешался над святыми мощами. По словам наблюдателей, из-за «нравственного угнетения» со стороны обольщевичившихся клириков «жизнь священника превратилась в мученический подвиг»²⁶. Количество таких случаев не следует преувеличивать, но сам по себе феномен «красных попов» многозначителен.

В годы Гражданской войны остро напомнила о себе ещё одна застарелая болевая точка церковной жизни – соотношение прав монашествующего и приходского духовенства. Монашествующие, некогда имевшие привилегии, теперь сами потребовали наделить всех равными правами со священниками – в первую очередь применительно к возможности приходского богослужения. В роли инициаторов борьбы за равноправие выступили насельники тверских монастырей, за ними последовали петроградские²⁷. Регулярное служение гарантировало хоть какой-то доход. Появление этого вопроса в «советской» церковной повестке восходило к «Декрету о земле» 1917 г., который лишил монастыри земельных владений. Последовавший за ним в 1918 г. «Основной закон о социализации земли» разрешал открывать на этих землях сельскохозяйственные артели, коммуны, товарищества, что на некоторое время продлило существование монастырей. Послушники (в отличие от монашествующих и рукоположенных священнослужителей) обладали гражданскими правами (в первую очередь – избирательным правом) и поддерживали жизнь монастырей²⁸. Однако уже с начала 1920-х гг. началось их повсеместное закрытие. Требуется подчеркнуть, что точечные закрытия «черных гнезд» начались со второй половины 1918 г., когда «упразднили» большинство монастырей в Олонецкой, Вятской, Костромской губерниях²⁹. В конце того же года в Калужской губернии приняли решение закрыть все монастыри и выселить 4 тыс. монахов³⁰. В Тверской, как и в Тульской, губернии решение губисполкома о закрытии монастырей

²⁵ Дамаскин (Орловский), иж. Указ. соч. С. 216.

²⁶ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 658. Л. 4–5; Д. 649. Л. 1–11; Д. 794. Л. 26 об.

²⁷ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22403. Л. 1–2.

²⁸ Свице Я.С., Сергеев Ю.Н. Бирский Свято-Троицкий женский монастырь после 1917 года // Христианство в Бирске: очерки истории. Бирск, 2015. С. 52.

²⁹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 55.

³⁰ Кащеваров А.Н. К вопросу о судьбе православных монастырей в первые годы Советской власти // Нестор. 2000. № 1. С. 340.

последовало только в 1920 г.³¹. Основанием обычно становились слухи о «нетрудовой» жизни наследников, помноженные на известного рода подозрительность. Соответствующие настроения всё глубже укоренялись в обществе, оказывая деморализующее влияние и на одних и побуждая к активному противодействию других. Действующие же монастыри переживали невиданные ранее трудности: лишённые источников существования, они вынужденно платили за землю и здания, облагались чрезвычайными налогами, поборами (например, на содержание милиции), штрафами³².

Не удивительно, что подавляющая часть православного духовенства отказывалась принимать советскую власть и упорно считала своим долгом поддержание у прихожан духовной верности «старому миру». В.Д. Бонч-Бруевич, руководитель петроградской комиссии по борьбе с погромами и контрреволюцией, признавал, что в церковных проповедях «повсюду в самых глухих закоулках... проклинается советская власть»³³. Уже в 1918 г. началось так называемое антидекретное движение, при этом священники подчёркивали его «еврейское» происхождение³⁴.

В уральских епархиях только за ноябрь 1917 – июнь 1918 г. были зафиксированы 52 случая сопротивления советской власти со стороны духовенства – от антисоветской агитации до забастовок³⁵. В Оренбурге священнослужители поддержали казаков, не пускавших большевиков в губернию³⁶. В ходе крупного крестьянского антисоветского восстания на Тамбовщине («Антоновщина») на стороне мятежников выступили около 30 сельских священников³⁷. Не уступали «воинствующему безбожию» и тверские батюшки: организовывали запрещенные властью крестные ходы, паломничества в святые места, объединялись в религиозные союзы³⁸. Вооруженные столкновения с местной властью при участии духовенства в 1918 г. произошли под Звенигородом, в Тамбовской губернии³⁹. Здесь осенью 1918 г. крестьянским восстанием в Моршанском уезде руководили четверо офицеров – детей священников, объявивших себя «диктаторами», а священники благо-

³¹ Козлов В. Судьбы мощей русских святых // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1991. Вып. 2. С. 148.

³² ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 22432.

³³ Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930. С. 217.

³⁴ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 641.

³⁵ Нечаев М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений. С. 169, 204 – 205.

³⁶ Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 12 нояб. № 47.

³⁷ Алленов А.Н. Власть и церковь. Тамбовская епархия в 1917–1927 гг. Тамбов, 2005. С. 148–151.

³⁸ Дамаскин (Орловский), иг. Указ. соч. С. 298–299.

³⁹ Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 14.

словляли повстанцев на борьбу с коммунистами⁴⁰. В Ставрополье местные священники собирали обозы с продуктами в пользу Белой армии⁴¹.

После убийства царской семьи Екатеринбургский архиепископ организовал демонстрацию, а в феврале 1919 г. приветствовал адмирала Колчака. В Уфе местные чекисты так и не смогли предотвратить организованный местным епископом митинг, где произносились националистические речи⁴².

Перед лицом «безбожников» не все монашествующие вели себя смело. В апреле 1918 г. в Нижнем Новгороде монахини Крестовоздвиженского монастыря не допустили на территорию комиссара. Когда в обитель прошли вооруженные красногвардейцы, то обнаружили в хранилищах припрятанную собственность местных купцов. Монахини стали созывать народ, чтобы не допустить большевистской «инвентаризации», возникла перестрелка. В Оранском монастыре при сходных обстоятельствах было найдено большое количество литературы монархического содержания⁴³. В Удмуртии сентябрь 1918 г. в большевистской газете приводилось письмо дьякона, который предлагал «организовать собор белого духовенства и отделиться от монахов, которые стоят за старую проклятую власть»⁴⁴. Разумеется, подобные случаи большевики всячески раздували, но, очевидно, что далеко не все наельники монастырей оставались безучастными.

Православный мир реагировал на происходящее неоднозначно. Не только в центральных районах⁴⁵, но и на северных окраинах во многих деревнях крестьяне перестали отмечать престольные праздники, «наблюдались отказы содержать священника, давать приношения в пользу храма»⁴⁶. Под предлогом «борьбы с контролью» местные Советы, где главенствовали бывшие «окопники», занялись «раскулачиванием» попов и монахов – отбирали причтовые земли и скот, вводили «чрезвычайные налоги» и «единовременные взносы», разграблялись приходские храмы и монастыри, осквернялись богослужебные предметы⁴⁷. При этом «творчество масс»

⁴⁰ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 268–269.

⁴¹ Морозова О. Священники – жертвы Гражданской войны. [Электронный ресурс]. URL: <https://tekstus.livejournal.com/730605.html> (дата обращения: 15.05.2023 г.).

⁴² Husband W.B. Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917–1932 // Journal Modern History. 1998. Vol. 70. No. 1. P. 80.

⁴³ Революция и церковь. 1919. № 1. С. 45.

⁴⁴ Известия Глазовского Совета Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов. 1918. 13 сент.

⁴⁵ Чельцов М. Воспоминания 1918 года // Вестник русского христианского движения. 1989. № 156. С. 229; Известия Тверского губернского исполнительного комитета. 1919. 11 февр.

⁴⁶ Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 35.

⁴⁷ Ианнуарий (Недачин), архим. Духовенство Смоленской епархии в гонениях конца 1917 – начала 1919 года. Архангельск, 2013. С. 14–20, 25, 30; Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 31, 33; ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 374. Л. 39; Нечаев М.Г. Указ. соч. С. 172–173; ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 790; Олонецкая епархия. Страницы истории.

опережало большевистское «законотворчество»: инструкция о порядке изъятия церковной собственности поступила «на места» к ноябрю 1918 г.⁴⁸, но уже с начала года помимо обычных «контрибуций» духовенству вменялось сдавать «церковные излишки» из храмов (которые уже находились в пользовании церковных общин). Превышая полномочия, тверские большевики реквизировали в уездном Бежецке в пользу местного Совета квартиру соборного протоиерея; в Ниловой пустыни конфисковали самовар; из Волговерховского Ольгинского монастыря вывезли запас дров на зиму⁴⁹.

Революционные активисты в храмах и монастырях ловили «контрь»: искали схроны оружия, денег, драгоценностей (порой успешно⁵⁰). Известия о насилиях в отношении духовенства приходили из Москвы и Тулы, Симферополя и Смоленска, Олонецкой и Архангельской, Орловской и Томской губерний⁵¹.

Большевизированные массы, не сумев ещё окончательно порвать с религией, по-прежнему почитали ритуалы: принуждали священников служить молебны по случаю годовщины революции, венчать «большевистские» браки, зачастую повторные с нерасторгнутыми предыдущими⁵². Повсеместно отмечались случаи ритуальных «расправ с символами» – расстрелы икон и крестов, кощунства над облачениями, осмеляния обрядов⁵³.

Случаи демонстративного богохульства принимали организованный характер. В монастырях устраивались казармы, в церквях – театры, склады, кооперативы, детские сады. Как в центре России, так и на периферии зафиксированы факты зверских расправ над священнослужителями разных рангов «руками народа»⁵⁴. Для полуязыческой традиционалистской массы

Петрозаводск, 2001. С. 35; Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 23–24. С. 684.

⁴⁸ ГАТО. Ф. Р-641, Оп. 1. Д. 1414. Л. 1–4.

⁴⁹ «Насколько дешево стала цениться жизнь». Дневник бежецкого священника И.Н. Постникова (далее: Дневник бежецкого священника И.Н. Постникова) // Источник. 1996. № 4. С. 14.

⁵⁰ Свице Я.С., Сергеев Ю.Н. Указ. соч. С. 54.

⁵¹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 23–24. С. 684; Революция и церковь. 1919. № 1. С. 26; Голос труда. Орган анархо-синдикалистов. 1918. 3 апр. № 2. Известия ВЦИК. 1918. № 163. 2 августа. (Из бюллетеня ВЧК о деятельности местных чрезвычайных комиссий № 32, от 2 августа 1918 года).

⁵² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 151; Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. 1(14) мая. № 15–16. С. 530.

⁵³ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия: Изд. 2, доп. М., 2010. С. 432–433.

⁵⁴ Перелыгин А.И. Русская православная церковь в Орловском крае (1917–1953). Орел, 2008. С. 28, 34–35, 42–44; Красный террор в годы Гражданской войны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eshatologia.org/1015-krasniy-terror-v-godigrazhdanskoiy-voyni.html?start=1> (дата обращения: 15.05.2023 г.); Нечаев М.Г. Указ. соч. С. 194–199; Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 23–24. С. 711; Карпов И.С. Из воспоминаний пережитого // Первая мировая война в устном и письмен-

и всевозможных маргиналов фигура священника ассоциировалась со всеми возможными ограничениями (прежде всего постами), поэтому не исключено, что в основе расправ лежало подсознательное стремление покончить с тягостными запретами, обрубить путы прежней несвободы.

Традиционные взаимосвязи между настоятелями и паствой повсеместно разрушались, приметой повседневности становились немотивированные расправы с членами приходов. Как отмечает американский историк Гр. Фриз, «выживание и будущее православия в те годы зависели не от клириков, а от мирян-активистов»⁵⁵. Организованные в общины – «двадцатки», они в массе своей оставались аккуратными требопотребителями, которым позволили назначать и смещать настоятелей, манипулировать ими в зависимости от общинных интересов⁵⁶. Служители церкви утратили право на 33 десятины земли (лишь кое-где постановлением общины священникам позволялось сохранять землю с запретом использовать наемный труд⁵⁷), на дополнительные заработки в учебных заведениях и стали полностью зависимыми от прихода, определявшего прежде всего размер добровольных выплат за религиозные трёбы. В результате и ранее небогатое в массе своей духовенство оказалось на грани нищеты⁵⁸.

Священникам приходилось обороняться и от богооборчества власти, и от разнуданности социальных отщепенцев. В мае 1918 г. белогвардейцами была составлена специальная анкета о взаимоотношениях большевиков и церкви в Кубанской епархии. Из 174 ответов следовало, что только в 10 (из 33) населенных пунктах религиозная жизнь продолжалась, как прежде. Было зафиксировано 13 арестов священников, в 9 случаях священники пострадали имущественно и финансово, состоялось 4 обыска, в одном случае священник был «отстранён от должности»⁵⁹.

По свидетельству протоиерея М. Чельцова в середине июля 1918 г. начались массовые аресты священников Петрограда, а через месяц в Нарвском районе, где он служил, остались на свободе он и два монаха⁶⁰. В сельской местности разуверившиеся крестьяне злорадно направляли в монастыри на постой красногвардейцев, но предварительно тащили оттуда все способное сгодиться в хозяйстве. Кое-где они демонстративно не пускали священников в продовольственные лавки⁶¹. Распространялись всевозможные формы бытового святотатства, участились случаи краж из церквей⁶². В

ном творчестве русского крестьянства. Новые материалы Пушкинского дома. СПб., 2014. С. 287, 293.

⁵⁵ Фриз Г. Вся власть приходит. Возрождение православия в 1920-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 88.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 483. Л. 5.

⁵⁷ Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 35.

⁵⁸ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. 1 (14 мая). № 15–16. С. 531.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 147–152.

⁶⁰ Чельцов М., прот. Воспоминания 1918 года // Вестник русского христианского движения. П.-Н.-М., № 156. 1989. С. 230–231.

⁶¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22408. Л. 3; Д. 22432. Л. 24 об.

⁶² Там же. Д. 22452. Л. 1–2; Ф. Р-163. Оп. 2. Д. 49. Л. 8.

июле 1918 г. в Москве из церкви Святой Троицы воры похитили 8 икон и богослужебные предметы. В сентябре 1918 г. был ограблен Казанский собор на Никольской улице. Бандиты ранили дьякона, похитили икону Казанской Божьей матери, украденную драгоценными камнями, среди которых было свыше 60 бриллиантов и 13 изумрудов⁶³.

Революционное «творчество масс» применительно к духовенству достигло такого накала, что большевики уверовали в готовность народа к «раскулачиванию» попов и монахов и скорую победу над всей «церковной контрреволюцией»⁶⁴.

Нападки на церковь не оставляли безучастными истинно верующих. В городах возникали объединения прихожан, союзы общин верующих и лиц духовного звания, возрождались церковные братства — только в Петрограде и Москве в них записалось до 70 тыс. человек. Эти союзы выделяли невооруженную охрану, защищавшую церкви от агентов 8-го отдела Комиссариата юстиции, призванного осуществлять ликвидацию церковного имущества. Братства и союзы заботились также о пропитании духовенства, помогали репрессированным и их семьям, участвовали в массовых крестных ходах. Подобные организации стали создаваться и в регионах. Так, в Тверской губернии открылись «Новоторжский центральный комитет советов общин верующих», «Союз приходских советов» в Твери, «Ржевский пастырско-приходской союз»⁶⁵. Но власти скоро запретили их деятельность под предлогом, что они теряют свой приходской характер и превращаются в политические организации.

Крестьяне Покровского прихода села Соколовское Тюменской губернии в сентябре 1920-го г. вынесли постановление: «коленопреклоненно просить Народную власть не допускать насилий над православным духовенством, которое нам необходимо»⁶⁶. Некоторые из крестьян готовы были даже «постоять за веру», хвастливо заявляя, что у них «много оружия на руках», которое при случае можно направить против обидчиков церкви⁶⁷.

Перед лицом угрозы духовенство пыталось консолидироваться. С начала 1918 г. в Москве одно за другим стали православные братства, кружки, союзы⁶⁸. В феврале 1918 г. в ставропольской епархиальной печати прозвучало предложение объединиться в «профессиональный союз духовенства», «общеепархиальный или даже Всероссийский союз приходских общин», который обязан «категорически протестовать против обречения духовенства на голодную смерть»⁶⁹. В марте 1918 г. протестовать против декрета в Совет народных комиссаров отправилась делегация Поместного собора во главе с А.Д. Самариным. «Ходоков» выслушали весьма любезно,

⁶³ Андреевский Г. Москва, 20–30-е годы. М., 1998. С. 51.

⁶⁴ Рынков В.М., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 31–33.

⁶⁵ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1588. Л. 94; Ф. Р-1698. Оп. 2. Д. 1. Л. 22; Д. 96. Л. 6, 46.

⁶⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 2000. С. 318.

⁶⁷ Дневник бежецкого священника И.Н. Постникова. С. 13.

⁶⁸ Цветочки Оптиной пустыни. М., 1995. С. 146.

⁶⁹ Ставропольские епархиальные ведомости. 1918. № 2. С. 69; № 3–4. С. 83, 89, 95.

но позиция власти оставалась бескомпромиссной: об отмене декрета не могло быть и речи⁷⁰. А в сентябре 1918 г. Собор как «штаб церковной контрреволюции» был вынужден прекратить работу. Тем самым надежды на конструктивный диалог с новой властью не оправдались.

В годы Гражданской войны, когда большевикам пришлось сосредоточить усилия на удержании власти, они стали смотреть на духовенство как на *политического* противника, которого, в соответствии с традицией межпартийной борьбы, следовало «разложить» изнутри. Это оказалось несложно – оперативный простор большевикам обеспечивало отсутствие единства паstryрей и паствы, а также наличие застарелых внутрипритчевых противоречий.

В 1919 г. большевики развернули так называемый идеологический фронт – запустили в действие мощный антирелигиозный проект. Несмотря на разруху и голод, большевики щедро финансировали издания антирелигиозной литературы⁷¹, не забывая при этом с высоких трибун напоминать о необходимости «заботливо избегать всякого оскорблении чувств верующих»⁷². Но подобная демагогия не находила отклика на местах, где всерьез намеревались вытеснить церковь из пространства «новой жизни». Периферийные лидеры получили уникальную возможность с революционным размахом запустить механизм борьбы с церковью, основанный на антиклерикальном насилии и вандализме.

На полях идеологического противостояния возникает ещё один советский антицерковный проект – «Живая церковь». Его контуры наметились ещё 1920–1921 гг., когда стала очевидной слабая эффективность антирелигиозной политики. Православная церковь и патриарх стойко справлялись с казалось бы сокрушительными ударами власти. Тогда было принято решение действовать через московский трибунал и привлечь «гражданина Беллавина» (патриарха Тихона) к суду за «сопротивление» изъятию церковных ценностей. Отсутствие прямых доказательств расценивалось как наличие «хорошо налаженных конспиративных связей». 19 мая 1922 г. патриарха арестовали. Стремясь направить церковь по «нужному пути», органы ГПУ инициировали временный захват церковной власти группой духовенства⁷³, которая представляла так называемое обновленческое движение в РПЦ, возникшее ещё в начале XX в. Примечательно, что учредительное собрание этой группы состоялось накануне ареста патриарха Тихона, а ее «церковно-революционная» программа призывала к радикальным преобразованиям⁷⁴. Под нажимом патриарх передал шестёрке лидеров

⁷⁰ Власть народа. Газета демократическая и социалистическая. 1918. № 45. 28(15) марта.

⁷¹ См.: Глан Я. Антирелигиозная литература за 12 лет (1917–1929). М., 1930.

⁷² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1954. С. 420–421.

⁷³ Савельев С.Н. Бог и комиссары // Религия и демократия. М., 1993. С. 193, 196–197.

⁷⁴ Живая церковь. 1922. № 3. С. 12.

этой группы временное управление. Новый орган – Временное церковное управление (ВЦУ) – объявляет патриарха государственным преступником, начинает замену на местах верных патриарху архиереев и священников, созывает съезд сторонников «Живой церкви» для консолидации сил в борьбе «контрреволюционной тихоновской церковью»⁷⁵. Таким образом, почти на два десятилетия православное духовенство оказалось расколотым на «тихоновцев» (староцерковников) и «живоцерковников». Однако, несмотря на появление сторонников «Живой церкви» практически во всех епархиях⁷⁶, окончательно расколоть духовенство «изнутри» и тем самым покончить с церковью и религией не удалось.

Происходившее подталкивало православных на поиски *новой религиозности*, как на концептуальном, так и на организационном уровне. Опасаясь полного запрета привычного культа, верующие иной раз утаивали свои конфессиональные предпочтения, а иногда устремлялись в иное религиозное пространство (в традиционной терминологии – секты). Проследить механизм становления этой разновидности обновленчества сложно: неофиты предпочитали не афишировать свои изменившиеся пристрастия – лишь крупные их объединения регистрировались в местных органах власти (к примеру, известно, что в Бирске и Уфе общины евангельских христиан открылись в 1920 г., «документальных следов» они не оставили и зарегистрировались официально лишь в 1929 г.⁷⁷). В Тверской губернии в Старицком уезде община Евангельских христиан в составе 32-х чел. зарегистрировалась в январе 1918 г., но наиболее активно присоединялись к ней верующие, в том числе и молодёжь, в 1919–1920 гг.⁷⁸. Старицкие евангелисты входили в состав Тверского отдела Всероссийского союза евангельских христиан. Кроме того, в уезде действовала секта Библейских христиан, несколько семей придерживались учения баптистов, сохранялись и очаги старообрядчества⁷⁹. Очаговая активизация сектантства (на языке власти – все неправославные номинации) отмечалась в Смоленской губернии⁸⁰, в Центральном Черноземье набирало силу катакомбное движение так называемых федоровцев, считавших, что в 1917 г. в Россию пришел антихрист, но царствовал он только до 1922 г.; «николаевцев», считавших, что Дух Божий воплотился в Николая II; «чердашников», активно выступавших за торжество «Царства

⁷⁵ Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999.

⁷⁶ Дамаскин (Орловский), иж. Указ. соч. С. 198, 298, 352, 359.

⁷⁷ Александров А.П. История Бирской евангельской церкви в 20-30-е гг. ХХ века // Христианство в Бирске. С. 74–75.

⁷⁸ ГАТО. Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–7об.

⁷⁹ Там же. Л. 14–44.

⁸⁰ Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: государственно-церковные отношений и внутриконфессиональные процессы. М., 2010. С. 127.

Божия на земле» и т.п.⁸¹. Большевикам приходилось иметь дело с людской массой, пропитанной «обновленными» предрассудками.

Таким образом, политические взгляды, позиции, настроения епископата и рядовых священников в годы Гражданской войны оказались неоднородными. Изменение статусов, столкновения с мирянами, разлад жизни и общая тревога за будущее России сопровождались беспощадными гонениями. В этой связи возникает закономерный вопрос: могли ли православные священники пассивно и равнодушно взирать на насилие, большевистское или чье-либо ещё? Следует признать, что вполне естественным в подобных условиях было возникновение у священнослужителей не только антисоветских, но и промонархических настроений. Но в таком случае остается признать и право власти, заботившейся о самосохранении, на ответные меры, которые, как известно, обернулись в годы Гражданской войны открытым противостоянием.

Так или иначе, но духовное сословие понесло в этой войне тяжёлые потери. До сегодняшнего дня историкам не удалось установить точное количество жертв⁸². Общепринятым и наиболее часто цитируемым остаётся утверждение о гибели в результате красного террора, белого бандитизма, стихийных конфликтов около 10 тыс. православных священно- и церковнослужителей (из них 23 архиерея)⁸³. Согласно данным кафедры информатики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, за 1917–1923 гг. их было репрессировано около 40 тыс., причём 16 тыс. расстреляно⁸⁴. Современник событий, некогда входивший в высшие церковные круги, князь Н.Д. Жевахов, ссылаясь на «официальные данные», сообщает о 1243 епископах и священниках, погибших к сентябрю 1920 г.⁸⁵

Непрозрачные методики подсчётов, размытость терминологии («церковники», «пострадавшие за веру иерархи», «клирики и миряне», «священнослужители – жертвы большевистского режима») и оставляют этот вопрос открытым для исследователей.

⁸¹ Журавский А.В. Светская и церковная историография о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского) // Нестор. 2001. С. 350.

⁸² Хмуркин Г.Г. Церковь и революционный террор. Очерки по статистике гонений в 1917–1926 гг. М., 2018.

⁸³ Митрофанов Г., прот. История Русской православной церкви. 1900–1927. СПб., 2002. С. 219; Лучшев Е.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР. 1917–1941 гг. СПб., 2016. С. 58.

⁸⁴ Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917 – 1952 годы) [Электронный ресурс]. URL: <http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/nmstat4.html?/ans> (дата обращения: 15.05.2023 г.).

⁸⁵ Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. СПб., 2014. С. 769.

Гораздо реже упоминается о жертвах с противоположной стороны. «Независимые» авторы насчитывают до 200 коммунистов, павших от рук воинственных батюшек⁸⁶.

Таким образом, историкам ещё предстоит проследить динамику гонений и жертв, сопоставить число репрессированных священнослужителей с количеством жертв красного террора из других социальных слоев и, наконец, ответить на вопрос: кто из служителей церкви погиб по государственно-террористической «разнарядке», а кто пал от рук бандитов, лишь прикидывавшихся большевиками. Остаётся открытым и другой вопрос: каково было соотношение «планового» наступления на церковь и стихийного насилия в условиях Гражданской войны?

Список литературы:

1. Адамова Л. Гражданская война и реакционеры в рясе. [Электронный ресурс]. URL: <http://comsomol.info/2015/03/obshhestvo/10804>.
2. Агафонов П.Н. Духовенство Пермской епархии в годы Гражданской войны. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/p-n-agafonov-duhovenstvo-permskoj-eparhii-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html>
3. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Изд-во «Политическая литература», 1991. – 400 с.
4. Алленов А.Н. Власть и церковь. Тамбовская епархия в 1917–1927 гг. Тамбов: ООО «Юлис», 2005. – 288 с.
5. Александров А.П. История Бирской евангельской церкви в 20–30-е гг. XX века // Христианство в Бирске: очерки истории. Бирск, 2015. С. 67–85.
6. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2, доп. М.: РОССПЭН, 2010. – 967 с.
7. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. – 1090 с.
8. Вяткин В.В. Церковь на Урале и вооруженные силы России в XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. Вып. 7 (23). 2003. С. 77–81.
9. Глан Я. Антирелигиозная литература за 12 лет (1917–1929). М.: изд-во «Москва», 1930.
10. Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь. (1917–1952 годы). [Электронный ресурс]. URL: <http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/nmstat4.html?/ans>

---

⁸⁶ См., напр.: Адамова Л. Гражданская война и реакционеры в рясе. [Электронный ресурс]. URL: <http://comsomol.info/2015/03/obshhestvo/10804> (дата обращения: 15.05.2023 г.).

11. Журавский А.В. Светская и церковная историография о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского) // Нестор. 2001. С. 344–371.
12. Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. М.: Изд-во Ипполитова, 2010. – 369 с.
13. Кашеваров А.Н. К вопросу о судьбе православных монастырей в первые годы Советской власти // Нестор. 2000. № 1. С. 331–342.
14. Козлов В. Судьбы мощей русских святых // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1991. Вып.2. С. 136–159.
15. Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XXI, 1997. – 247 с.
16. Лучшев Е.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР. 1917–1941 гг. СПб.: «Информационно-техническое агентство Ритм», 2016. – 362 с.
17. Митрофанов Г., прот. История Русской православной церкви. 1900–1927. СПб.: Изд-во «Сатисъ», 2002. – 442 с.
18. Морозова О. Священники – жертвы Гражданской войны. [Электронный ресурс]. URL: <https://tekstus.livejournal.com/730605.html>
19. Нечаев М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений. 1917–1922. Пермь: Пермский гос. пед. университет, 2004. – 337 с.
20. Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М.: изд-во РГГУ, 1996. С. 90–161.
21. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: изд-во «Стрелец», 2001. – 400 с.
22. Перельгин А.И. Русская православная церковь в Орловском крае (1917–1953). Орел, изд-во «Труд», 2008. – 216 с.
23. Рогозный П.Г. Генезис термина «большевизм» в церковной среде. К изучению языка Российской революции // Источник. Историк. История. СПб., 2002. Вып. 2. С. 292–296.
24. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. – 244 с.
25. Савельев С.Н. Бог и комиссары. Религия и демократия // На пути к свободе совести. II. М.: Изд-кая группа «Прогресс», «Культура», 1993. С 164–216.
26. Свице Я.С., Сергеев Ю.Н. Бирский Свято-Троицкий женский монастырь после 1917 года // Христианство в Бирске: очерки истории. Бирск: Бирский филиал БашГУ, 2015. С. 46–67.
27. Фриз Г. Вся власть приходит. Возрождение православия в 1920-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 86–105.
28. Хмуркин Г.Г. Церковь и революционный террор. Очерки по статистике гонений в 1917–1926 гг. М.: «Буки Веди», 2018. – 128 с.

29. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М.: изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1994. – 830 с.
30. Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб.: Нестор, 1999. – 99 с.
31. Husband W.B. Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917–1932 // Journal Modern History. 1998. Vol. 70. No. 1. P. 80.
32. PerisD. Comissars in Red Cossacks: Former Priests in the League of the Militant Godless // Slavic Review. 1995. Vol. 54. № 2.
33. Roslof E. The Heresy of «Bolshevik» Christianity: Orthodox Rejection of Religious Reform during NEP // Slavic Review. 1996. Vol. 55. № 3.

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, декан, исторический факультет, Тверской государственный университет (Россия, 170000, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, кааб. 201), e-mail: Leontieva.TG@tversu.ru

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND CLERGY DURING THE CIVIL WAR

T.G. Leontieva

Tver State University, Tver', Russia

The article presents an overview of the events of 1918–1922, which characterize the state of the Russian Orthodox Church (ROC) and the survival strategy of the Orthodox clergy in the conditions of Civil War. Due to the territorial disintegration of the empire, the ROC was on the verge of losing canonical hierarchical governance. How the Soviet government and the Orthodox Church interacted, what changes took place inside this once «ideological» institution on the territory of the «whites», how the «Orthodox world», divided into «reds» and «whites» influenced the events - these issues are covered in this article. The processes of self-determination in the «Orthodox world» are analyzed on the basis of a wide range of sources that convince that the nature of the «stratification» of the clergy, the ideological transformations of the Orthodox flock were hidden not only in relation to the «red» or «white», but also determined by the attitude to the canonical foundations of Orthodoxy, the search for «new religiosity», religious the policy of the Soviet government.

Keywords: Russian Orthodox Church, clergy, Civil War, Soviet power, anti-church activity of the Bolsheviks.

About the author:

LEONTIEVA Tatiana Gennadievna – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History, Dean of the Faculty of History, Tver

State University (Russia, 170000, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31), e-mail:
Leonteva.TG@tversu.ru

References:

- Adamova L., *Grazhdanskaya vojna i reakcionery v ryasy*, [Elektronnyj resurs]
URL: <http://comsomol.info/2015/03/obshhestvo/10804>.
- Agafonov P.N., *Duhovenstvo Permskoj eparhii v gody Grazhdanskoy vojny*, [Elektronnyj resurs].
URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/p-n-agafonov-duhovenstvo-permskoj-eparhii-v-gody-grazhdanskoy-vojny.html>
- Alekseev V.A., *Illyuzii i dogmy*, M., Izd-vo «Politicheskaya literatura», 1991. – 400 s.
- Allenov A.N., *Vlast' i cerkov'*. Tambovskaya eparhiya v 1917–1927 gg., Tambov, OOO «Yuliss», 2005. – 288 s.
- Aleksandrov A.P., *Istoriya Birskoj evangel'skoj cerkvi v 20–30-e gg. XX veka*, Hristianstvo v Birske: ocherki istorii, Birsk, 2015, S. 67–85.
- Bul'dakov V.P., *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya*, Izd. 2, dop., M., ROSSPEN, 2010. – 967 s.
- Bul'dakov V.P., *Haos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg.*
Usloviya vozniknoveniya, hronika, kommentarij, analiz, M., Novyj hronograf, 2010. – 1090 s.
- Vyatkin V.V., *Cerkov' na Urale i vooruzhennye sily Rossii v XIX – nachale XX veka*, Vestnik Permskogo universiteta, Vyp. 7(23), 2003, S. 77–81.
- Glan Ya., *Antireligioznaia literatura za 12 let (1917–1929)*, M., izd-vo «Moskva», 1930.
- Emel'yanov N.E., *Ocenka statistiki gonenij na Russkuyu Pravoslavnuyu Cerkov'*. (1917 – 1952 gody), [Elektronnyj resurs]. URL:
<http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/nmstat4.html?/ans>
- Zhuravskij A.V., *Svetskaya i cerkovnaya istoriografiya o vzaimootnoshe-niyah pravoj oppozicii i mitropolita Sergiya (Stragorodskogo)*, Nestor, 2001, S. 344–371.
- Kail' M.V., *Pravoslavnaya cerkov' i veruyushchie Smolenskoj eparhii v gody revolyucij i Grazhdanskoy vojny: gosudarstvenno-cerkovnye otnoshenij i vnutrikonfessional'nye process*, M., Izd-vo Ippolitova, 2010. – 369 s.
- Kashevarov A.N., *K voprosu o sud'be pravoslavnnyh monastyrей v pervye gody Sovetskoy vlasti*, Nestor, 2000, № 1, S. 331–342.
- Kozlov V., *Sud'by moshchej russkih svyatyh*, Otechestvo. Kraevedcheskij al'manah, M., 1991, Vyp.2, S. 136–159.
- Krivova N.A., *Vlast' i cerkov' v 1922–1925 gg. Politbyuro i GPU v bor'be za cerkovnye cennosti i politicheskoe podchinenie duhovenstva*, M., AIRO-XXI, 1997. – 247 s.
- Luchshev E.M., *Antireligioznaia propaganda v SSSR. 1917–1941 gg.*, SPb., «Informacionno-tehnicheskoe agentstvo Ritm», 2016. – 362 s.

- Mitrofanov G., prot., *Istoriya Russkoj pravoslavnoj cerkvi. 1900–1927*, SPb., Izd-vo «Satis», 2002. – 442 s.
- Morozova O., *Svyashchenniki – zhertvy Grazhdanskoy vojny*, [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tekstus.livejournal.com/730605.html>
- Nechaev M.G., *Cerkov' na Urale v period velikih potryasenij. 1917–1922*, Perm', Permskij gos. ped. Universitet, 2004. – 337 s.
- Osipova T.V., *Krest'yanskij front v Grazhdanskoj vojne*, Sud'by rossijskogo krest'yanstva, M., izd-vo RGGU, 1996, S. 90–161.
- Osipova T.V., *Rossijskoe krest'yanstvo v revolyucii i grazhdanskoj vojne*, M., izd-vo «Strelec», 2001. – 400 s.
- Perelygin A.I. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v Orlovskom krae (1917–1953). Orel, izd-vo Trud. 2008. – 216 s.
- Rogoznyj P.G., *Genezis termina «bol'shevizm» v cerkovnoj srede. K izucheniyu yazyka Rossijskoj revolyucii*, Istochnik. Istorik. Istorya, SPb., 2002, Vyp. 2. S. 292–296.
- Rynkov V.M., Il'inyh V.A., *Desyatiletie potryasenij: sel'skoe hozyajstvo Sibiri v 1914–1924 gg.*, Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 2013. – 244 s.
- Savel'ev S.N., *Bog i komissary. Religiya i demokratiya*, Na puti k svobode sovesti. II, M., Izd-kaya gruppa «Progress», «Kul'tura», 1993, S 164–216.
- Sviche Ya.S., Sergeev Yu.N., *Birskij Svyato-Troickij zhenskij monastyr' posle 1917 goda*, Hristianstvo v Birske: ocherki istorii, Birsk, Birskij filial BashGU, 2015, S. 46–67.
- Friz G., *Vsya vlast' prihodam. Vozrozhdenie pravoslaviya v 1920-e gody*, Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom, 2012, № 3–4, S. 86–105.
- Hmurkin G.G., *Cerkov' i revolucionnyj terror. Ocherki po statistike gonenij v 1917–1926 gg.*, M., «Buki Vedi», 2018. – 128 s.
- Cypin V., prot., *Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 1917–1990*, M., izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monrya, 1994. – 830 s.
- Shkarovskij M.V., *Obnovlcheskoe dvizhenie v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi XX veka*, SPb., Nestor, 1999. – 99 s.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(470.331)"17/18"+912.43
DOI 10.26456/vthistory/2023.2.060–075

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ РАССЕЛЕНИЯ В ТОРОПЕЦКОМ УЕЗДЕ XVI–XVII ВВ. С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ¹

Ю.В. Степанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

В статье представлены результаты историко-географического исследования Торопецкого уезда XVI–XVII вв., произведённого с применением геоинформационных технологий. Для Торопецкого уезда XVI в. характерен способ обозначения селений через обобщающие названия, что соответствует «гнездовой» системе расселения. Это обстоятельство является фактором плохой сохранности исторической топонимии Торопецкого уезда в материалах XVIII–XIX вв. Результаты картографирования данных писцовых книг Торопецкого уезда XVI–XVII вв. отличаются низким процентом локализованных топонимов от синхронных показателей по Тверскому уезду и Тверской половине Бежецкой пятины. В итоге поселенческая структура Торопецкого уезда XVI – первой половины XVII в. может быть охарактеризована лишь на основании общей реконструкции культурного ландшафта по данным письменных источников без применения инструментов ГИС. Детальное исследование может быть проведено только на материале относительно полно локализованных скоплений поселений. В настоящей публикации представлены результаты такого исследования области Дубна Торопецкого уезда.

Ключевые слова: исторические ГИС, уезд, волость, расселение, землевладение, Россия, XVI–XVII вв.

Геоинформационные технологии уже более 20 лет применяются в отечественных историко-географических исследованиях². Особенно продуктивным стало использование ГИС в работе с материалами Генерального

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01089.

² Подробнее см.: Фролов А.А. Геоинформационные технологии в современных историко-географических исследованиях отечественных историков // Вопросы географии. 2013. № 136. С. 447–458.

межевания XVIII–XIX вв., которые имеют большое значение в изучении социально-экономической истории и исторической географии России не только Нового времени, но и позднего Средневековья. Свою продуктивность изучение материалов Генерального межевания показало, прежде всего, в реконструкциях системы сельского расселения.

Основные положения методики локализации населенных пунктов XV–XVII вв. на основе данных источников XVIII–XIX вв. были сформулированы А.М. Андрияшевым и М.В. Витовым³. В этом подходе данные Генерального межевания XVIII в. являются промежуточными между поземельными описаниями XV–XVII вв. и современной географической картой. Следовательно, эти материалы – экономические примечания и планы уездов и земельных дач – являются ключевыми для географической локализации более ранней топонимики.

Внедрение геоинформационных технологий в 2000-х гг. позволило обрабатывать большие массивы историко-географических сведений источников периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Помимо ускорения процесса статистической обработки данных поземельных описаний, технологии позволили создавать историко-географические геоинформационные проекты, снабжённые набором функций, в том числе масштабирования, полнотекстового поиска данных, измерений расстояния и площади. Привязка материалов Генерального межевания в таких проектах позволила отразить непосредственные источники географической информации для реконструкций исторического ландшафта XV–XVII вв. В этом методическом поле был выполнен проект А.А. Фролова и Н.В. Пиотух по локализации более 6 тысяч селений древнейшей русской писцовой книги Деревской пятини Новгородской земли конца XV в.⁴, а позднее – проекты по исторической географии отдельных районов Верхневолжья: Бежецкого Верха⁵, Тверского уезда⁶, Тверской половины Бежецкой пятини⁷. Все перечисленные геоинформационные проекты, включающие слои с оцифрованными границами земельных дач и топонимов Генерального межевания, находятся в открытом

³ Андрияшев А.М. Карта Обонежской пятини с перечнем погостов // Писцовые книги Обонежской пятини 1496 и 1563 гг.: Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1. С. 269–270; Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.

⁴ Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический атлас Деревской пятини Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). М.; СПб., 2008. Т. 1–3.

⁵ Фролов А.А., Голубинский А.А. Веб-карографический ресурс «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» // Историческая география. 2016. Т. 3. С. 440–455; Веб-ГИС «Источники по исторической географии Бежецкого Верха». [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/1200000000/ (дата обращения 12.06.2023).

⁶ Веб-ГИС «Тверской уезд в XVI в.». [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/3100000000/ (дата обращения 12.06.2023).

⁷ Веб-ГИС «Исторический атлас Бежецкой пятини (Тверской половины) Новгородской земли конца XV – XVII в.». [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/1/ (дата обращения 12.06.2023).

доступе. Материалы Генерального межевания стали ключевыми источниками в ГИС-проектах по исторической географии Карелии⁸, Черноземья⁹, Москвы и Подмосковья¹⁰, Вологодского края¹¹.

В 2022 г. было начато изучение исторической географии территории Верхнего Подвина в границах Торопецкого уезда – одного из наименее изученных в историко-географическом отношении регионов России. Пограничное положение уезда в составе Великого княжества Литовского в XIII–XV вв. и Русского государства в XVI–XVII вв. отчасти обусловило скучность источников базы, в особенности, актового материала, относящегося к этой территории. Соответственно, Торопецкие земли периода Средневековья и раннего Нового времени относительно редко становились предметом специального изучения¹². Чаще всего Торопец и волости рассматривались в контексте территориального устройства задвинских волостей. Детально территория уезда XVI в. изучалась лишь В.Л. Яниным и Л.А. Бассальго, которые составили схематическую карту уезда с нанесенными на нее границами волостей и наиболее крупными поселенческими центрами¹³. Основным источником исследования стала древнейшая писцовая книга Торопецкого уезда 1540 г.¹⁴ Этот источник показывает, что в

⁸ ГИС «Генеральное межевание Олонецкой губернии». [Электронный ресурс]. URL: (<http://maps.karelia.ru/mez/>) (дата обращения 12.06.2023).

⁹ Канищев В.В. Опыт использования современных информационных технологий в проектах по исторической географии // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2012. № 39. С. 71–74.

¹⁰ Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А. Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения и анализа // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 3. С. 35–51; Хитров Д.А. Московский уезд в материалах валового письма 1620–1640-х годов: к вопросу о методике картографирования материалов писцовых книг // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Сборник материалов X Международной научной конференции. Приложение к Журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2019. С. 211–212.

¹¹ Черненко Д.А. Методы картографирования и пространственностатистического анализа структуры землевладения XVII–XVIII вв. в Центральной России // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010. С. 164–166.

¹² Побойнин И.И. Торопецкая старина: исторические очерки г. Торопца с древнейших времен до конца XVII в. М., 1902; Бассальго Л.А., Янин В.Л. Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Наука, 1998. С. 104–214; Темущев В.Н. Таропецкая воласць // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус–Яцкевіч. Мн., 2006. С. 659–670.

¹³ Бассальго Л.А., Янин В.Л. Указ. соч.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 137. Торопец. № 1. Публикации: Торопецкая книга 1540 г. / Подг. М.Н. Тихомиров, Б.Н. Флоря // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 279–357; Писцовая книга Торопецкого уезда письма Александра Давыдовича Ульянина и Тимофея Степанова сына Бибикова // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Дерев-

XVI в. население уезда обладало специфическими чертами территориальной организации, расселения и хозяйства. Наиболее заметные из них – наличие перевар – территориальных объединений, связанных с бортничеством, и десятков¹⁵. Как перевары, так и десятки, по мнению исследователей, можно рассматривать как следы более ранней организации, сформировавшиеся в контексте сложной политической истории региона, длительное время входившего в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ)¹⁶.

Поселенческая структура Торопецкого уезда и её динамика в период позднего Средневековья и раннего Нового времени до недавнего времени оставались слабо изученными. В этой связи представилось актуальным произвести сплошную локализацию топонимической информации писцовых описаний уезда XVI–XVII вв. на основе данных картографических и статистических источников XVIII–XIX вв. В работе был использован план Торопецкого уезда 1770-х гг., материалы отдельных земельных дач; экономические примечания Торопецкого и Холмского уездов Псковской губернии 1770-х гг. Северная и восточная границы Торопецкого уезда частично локализованы в работе по картографированию соседних Деревской пятини Новгородской земли и Ржевского уезда. Эти географические данные отражены в соответствующих ГИС-проектах¹⁷. Использованы также картографические источники XIX – начала XX вв., совмещенные с современной топографией и размещенные на ресурсе «Это Место». ГИС «Торопецкий уезд в XVI веке» опубликована в сети Интернет¹⁸.

Опыт локализации поселений XVI–XVII вв. показывает, что степень сохранности исторической топонимии различна в разных регионах. Так, высокая степень её сохранности отмечается в Бежецкой пятине и Тверском уезде. Например, для ряда волостей Тверской половины Бежецкой пятини число локализованных поселений достигает 60–80 % всех топонимов писцовой книги 1545 г.

ской пятини 1530-х – 1540-х гг. / сост. К.В. Баранов. М., Древлехранилище, 2004. С. 501–682.

¹⁵ Карпова М.В. Промысловые территориальные объединения в России XVI–XVII вв. (перевары, беляки) в отражении писцовых описаний // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 8 (118).

¹⁶ Архимандрит Сергий (Тихомиров). Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой Книге Водковской пятини 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905. С. 141; Гnevущев А.М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 г., ч. 1. Киев, 1915. С. 127; Бассалыго Л.А., Янин В.Л. Указ. соч. С. 192–193.

¹⁷ Веб-ГИС «Исторический атлас Деревской пятини по писцовой книге письма 1495–1496 гг.» [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/1300000000/; Веб-ГИС «Уезд Ржевы Володимеровской («половина князя Дмитрия Ивановича») по писцовой книге 1588–1589 гг.» [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2700000000/ (дата обращения 12.06.1023).

¹⁸ Веб-ГИС «Торопецкий уезд в XVI веке». [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2/ (дата обращения 12.06.1023).

В Торопецком уезде обнаруживается иная картина при сопоставлении данных XVI–XVII вв. и XVIII–XIX вв. Писцовая книга Торопецкого уезда 1540 г. зафиксировала специфический способ обозначения поселений через одно общее название, например: «в Речанех», «в Овже», «в Лугах», «в Боракове», «в Кунее» и т.д. Внутри таких рубрик в тексте писцовой книги деревни различаются чаще всего по именам крестьян: «в Речанех деревня над Торопицою Палки Дмитрова да сына его Ивашка», «в Речанех же Сергеяка Фалелейкова», «в Речанех же Ески Мокеева з братьею»¹⁹. Иногда внутри описания, предваренного заголовком, имеются несколько групп деревень с одинаковыми названиями. Например, в рубрику «в Боракове» входит ряд деревень с названием «Бораково», «Хмелино», «Чирилово»²⁰. В общей сложности можно выделить не менее 138 скоплений поселений (табл. 1). Очевидно, что подобная рубрикация в источнике отражает «гнездовой» характер сельского расселения, известный по письменным источникам, относящимся к Новгородской земле.

М.В. Витов определил «гнездо» поселений как мелкие деревни, разбросанные небольшими группами и разделённые пространствами незаселённой территории. Жители «гнезд» могли быть родственниками и пользоваться правом наследственного владения землей и угодьями²¹. В Обонежской пятине, где встречается аналогичная система обозначения селений, соответствующие деревни были населены ближайшими родственниками. Села, населенные родственниками, совместно владеющими землей, были характерны для белорусских земель в XIV–XV вв. В совместном владении находились земледельчески освоенные территории и пригодные для освоения пустые земли, и угодья – бортные, рыбные ловли²². Аналогичные скопления поселений с обобщающими названиями зафиксированы и на сопредельных с Торопецким уездом территориях Деревской пятине Новгородской земли.

Этой особенностью топонимии Торопецкого уезда XVI в. можно объяснить её относительно слабую сохранность в более поздних источниках.

Топонимическая ситуация, отражённая в описании Торопецкого уезда 1626–1629 гг., несколько иная. В ней встречаются перечни поселений, объединённых общим названием. Однако их количество значительно меньше в сравнении с данными писцовой книги 1540 г. Скопления фиксируются в Казаринской волости, занявшей в XVII в. почти всю северную часть уезда. Всего можно выделить 19 подобных обобщающих названий, ряд которых восходит к XVI в.: «в Тяполове», «в Лутках», «в Юнцове» за-

¹⁹ Писцовая книга Торопецкого уезда... С. 526.

²⁰ Там же. С. 596.

²¹ Витов М.В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 159, 166–167.

²² Хорошкевич А.Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // Пащута В.Т., Хорошкевич А.Л., Флоря Б.Н. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 105–108.

ходе», «в Раменье», «в Почепе». Однако под такими общими названиями фиксируются, как правило, лишь 1–3 деревни. Исключение составляет скопление «в Матенце» (у оз. Матенец), включавшее 7 деревень, у шести из которых название начиналось с «Матенец», аналогично ситуации XVI в.: Матенец же Олексеевская тож, Матенец Якимовская, Матенец Сохнова Гора, Матенец же Прошковская²³. Как скопление поселений охарактеризованы и пункты «в Дубне»²⁴. Дубна в договорах 1503 и 1522 гг. фигурирует в перечне торопецких волостей²⁵, однако уже в писцовом описании 1540 г. не обозначена как волость.

В целом же для топонимии уезда 1620-х гг. характерны двойные и тройные названия, например: Зыковская Лемешиха тож, Корниловская Монинская Иевлева тож. Часть поселений вновь возникла на пустоشاах, получив новое название, на что указывает писцовая книга.

Таким образом, писцовые описания 1540 и 1620-х гг. зафиксировали своеобразную топонимическую ситуацию в Торопецком уезде, осложненную трансформацией поселенческой структуры после Смутного времени.

Отчасти это объясняет характерные для Торопецкого уезда в XVIII–XIX вв. двойные и тройные названия населенных пунктов: Теренина Овинцы тож, Кузминский починок Раткина тож, Кузовская Рогова Савостинская тож, Козья Борода Лелехов Наволок, Степановское Аристова Старая Нива, Патрекеевское Ананиевская Федоровская тож и др.²⁶

Очевидно, что при ограниченных возможностях сопоставления данных XVI–XVII и XVIII–XIX вв. метод сплошной локализации, который использовался для территории Новгородских пятин и уездов Верхневолжья, для Торопецкой земли неприменим в полном объёме, в особенности для локализации данных 1540 г.

Для большинства скоплений поселений с общим названием можно установить лишь их примерное местонахождение по одному-двум, редко трём-восьми пунктам. Однако определение местоположения отдельных пунктов, а также указания в писцовой книге на реки и озера позволили произвести локализацию большинства центров скоплений поселений. Несколько более полно локализованы поселения на поместных землях, в силу лучшей сохранности более разнообразной топонимики. Это касается, прежде всего, северной части уезда, охваченной поместными раздачами уже в первой половине XVI в.

Работа по картографированию поселений производилась с применением программного пакета QGIS. Центральные и прочие поселения были показаны точечными объектами. Территории «гнёзд» поселений по данным писцовой книги 1540 г. были отображены полигональными объектами. Примерные границы «гнёзд» было наиболее целесообразно проводить по

²³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. № 888. Л. 200об.

²⁴ Там же. Л. 205–206об.

²⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. 2-е изд. СПб., 1892. Т. 35. С. 400.

²⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1197.

границам земельных дач Генерального межевания, сохранность которых во времени неоднократно отмечалась. В ряде случаев учитывалось размещение вокруг озер или вдоль рек. В результате была получена картина пространственного размещения скоплений поселений (Степанова Ю.В., Карпова М.В. «Гнездовая» система расселения в Торопецком уезде по данным писцовой книги 1540 г. // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 5. С. 52–72).

Здесь следует оговориться, что их территориальные параметры могут быть определены лишь очень приблизительно. Из 137 скоплений поселений не удается определить местоположение четырех в Торопецкой волости, пяти – в Казаринской, по одному – в Нежелской, Любутской, Старцовской волостях и Замошской переваре (табл. 1). Некоторые скопления поселений могут быть локализованы с большей точностью с учетом озерного ландшафта. Так, очевидно размещение «гнезд» поселений в районе озер Сельское, Псовец, Ракомле, где находились скопления «в Тулее», «Псовоце», «Норкомичи». Наиболее полно локализуются топонимы Дубны, часть которых фигурирует и в более поздних источниках.

Таблица 1.

**Локализованность «гнезд» поселений в Торопецком уезде
по данным писцовой книги 1540 г.**

№	Волость / перевара	«Гнезда» поселений (кол-во)	Локализовано поселенческих центров в «гнездах»
1	Торопецкая	30	26
2	Любута	6	5
3	Тура	3	3
4	Нежелская	2	1
5	Данковская	4	4
6	Старцова	8	7
7	Стрежинская	6	6
8	Столопенская	1	1
9	Казаринская	41	36
11	Сережская	9	9
12	Желинская	4	4
13	Болобинская	2	2
14	Замошская	7	6
15	Дубна	6	6
16	Без названия	8	8
Всего		137	124

Сохранность топонимов Торопецкого уезда 1620-х гг. тоже относительно невелика, однако здесь можно оценивать результаты локализации, исходя из общего количества топонимов (табл. 2). Из 1160 топонимов Казаринской волости локализовано лишь 318 (около 27 %). Относительно полно локализовано лишь скопление «в Дубне», к которому в описании отнесено

26 пунктов. Из них 17 локализуются достоверно. Из 148 пунктов Данковской волости достоверно локализуются лишь 28 %, Нежелской – 29 %.

Более близкие к Торопцу территории локализуются несколько лучше. Так, из пунктов Старцовой волости локализуются около 36 %, Стрежинской – 37 %. Небольшие волости, примыкающие к Торопцу (Порецкая, Грядецкая, Турская, Любутская, Кудинская, Струская, Обизерецкая, Избudeцкая) локализуются в объемах от 34 % до 69 %.

Таблица 2.
Локализованность поселений Торопецкого уезда по данным писцовой книги 1626–1629 гг.

№	Волость	Число топонимов	Локализовано топонимов, кол-во (%)
1	Казаринская	1160	318 (27 %)
2	Данковская	148	42 (28 %)
3	Старцова	572	208 (36 %)
4	Порецкая	195	67 (34 %)
5	Грядецкая	40	15 (37,5 %)
6	Турская	161	75 (46,5 %)
7	Любутская	189	70 (37 %)
8	Кудинская	159	77 (48 %)
9	Стрежинская	236	87 (37 %)
10	Струская	56	23 (50 %)
11	Избudeцкая	271	107 (40 %)
12	Обизерецкая	36	24 (69 %)
13	Нежелская	172	51 (29 %)

Таким образом, результаты картографирования топонимики писцовых книг Торопецкого уезда XVI–XVII вв. существенным образом отличаются от синхронных показателей по Тверскому уезду и Тверской половине Бежецкой пятины, где процент локализованных поселений и пустошей значительно выше и для некоторых волостей достигает 60–80 %. Для Торопецкого уезда даже по данным писцового описания 1620-х гг. он в среднем составляет 34–37 %. Следовательно, поселенческая структура Торопецкого уезда XVI – первой половины XVII вв. может быть охарактеризована лишь на основании общей реконструкции культурного ландшафта по данным письменных источников без применения инструментов ГИС. Задокументированный писцовой книгой 1540 г. способ обозначения селений Торопецкого уезда через обобщающими названиями свидетельствует о сохранении архаичной поселенческой структуры. Одновременно он мог служить средством идентификации объекта налогообложения и общинного землевладения²⁷.

Способ обозначения поселений через обобщающие названия соотносится с процессом расселения и формирования крестьянских общин в

²⁷ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 447.

ВКЛ²⁸. Вероятно, эта модель поселенческой структуры в Торопецком уезде соответствовала типу поземельных отношений, характерному для сябренной общины. Разнообразие размеров общин на материалах Восточной Белоруссии уже отмечалось в историографии²⁹. Уменьшение числа поселений, объединённых общим названием, в материалах XVII в., вероятно, свидетельствует о разрушении этой поселенческой структуры.

Несколько полнее поселенческая структура может быть охарактеризована на материале отдельных скоплений поселений или / и отдельных землевладений, где процент локализованных пунктов выше. К таким анклавам относится область Дубна, расположенная в восточной окраине уезда (рис. 1). Впервые она упоминается в 1480 г. как область землевладения витебского боярства³⁰. В 1489 г. наместник Всеслуцкой волости Ржевской земли Василий Давыдович захватил и отрезал от Торопецкого повета половину волости Дубна. Таким образом, до 1489 г. эта волость имела большую территорию, чем зафиксировано писцовой книгой 1540 г.³¹ В пермирийной грамоте 1503 г. Дубна названа волостью, однако в писцовой книге 1540 г. она фигурирует, скорее, как обобщающее название скопления поселений. Во второй половине XVI в. Дубна была приписана к соседнему уезду Ржевы Володимеровы и стала частью Езжинской волости в период формирования территории опричнины³². Езжинская волость охарактеризована в писцовой книге Ржевского уезда 1588–1589 гг. письма А.Е. Салтыкова. Она включала пространство между озерами Пено, Сиг и Волго, а также правый берег Волги от озера Пено до озера Волго. Центром волости являлось с. Ясинское (Езжино) на Волге³³.

²⁸ Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905. С. 107.

²⁹ Пичета В.И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Минск, 1927. Ч. I (до конца XVI века). С. 22.

³⁰ Литовская метрика. Отдел первый. Часть первая: Книга записей. Том первый. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиєю. Том 27. СПб., 1910. С. 373.

³¹ Бассалыго Л.А., Янин В.Л. Указ. соч. С. 190.

³² Фролов А.А. Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2013. Вып. 3. С. 60–62.

³³ Фролов А.А. Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимеровой (половина князя Дмитрия Ивановича). М.; СПб., 2014.

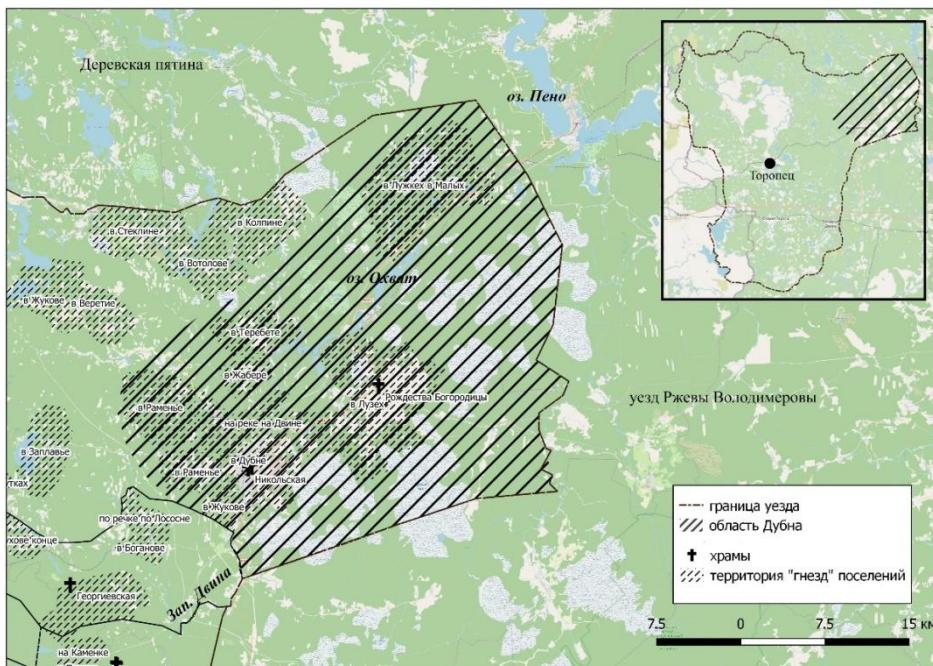

Рис. 1. Область Дубна в составе торопецкого уезда в XVI в.

В дальнейшем анклав «в Дубне» вновь фиксируется в составе Торопецкого уезда в писцовой книге 1626–1629 гг.³⁴, тогда как «в Лузех» остается в составе Ржевского уезда³⁵. Вероятно, возвращение Дубны в состав Торопецкого уезда произошло вскоре после Смутного времени. Она стала частью крупной Казаринской волости, занимавшей почти всю северную половину Торопецкого уезда. При этом название скопления поселений «в Дубне» сохранилось³⁶.

По описанию 1540 г. к Дубне достоверно можно отнести земли не менее девяти поместий (табл. 3). На погосте Дубно с Успенским и Никольским храмами находилось 5 дворов церковнослужителей³⁷.

Таблица 3.

Поместное землевладение в Дубне Торопецкого уезда по данным писцовой книги 1540 г.

№	Владельцы	Предыдущие владельцы	Число селец / дд. / поч.	Число пустых дд. / пустт.	Число скоплений поселений
1	Григорий, Иван Васильевичи дети Козлова	Федор Аристов	0 / 2 / 0	4 / 3	1
2	Угрим Ершов сын Окороков		0 / 18 и 1/3 / 2	7	3

³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 888. Л. 205–206об.

³⁵ Там же. Д. 833.

³⁶ Там же. Д. 888. Л. 205–206об.

³⁷ Писцовая книга Торопецкого уезда... С. 668.

3	Даниил Иванов сын Игнатьев		0 / 19 / 1	6	3
4	Никита Иванов сын Безскунников	Федор Васильев сын Безскунников	0 / 13 / 0	4	2
5	Степан, Григорий, Федор, Бурнаш, Кирей Васильевы дети Прохорова		0 / 14 / 0	6	1
6	Офонасий Михайлов сын Безскунников		1 / 20 / 1	1 / 1	Не фиксируются
7	Федор, Митя, Степан Тимофеевы дети Лутковского		0 / 16 / 0	2 / 2	2
8	Федор, Иван Власьевы дети Безскунникова	Никита Иванов сын Безскунников	0 / 12 / 0	5 / 1	2
9	Ширяй Федцов сын Аристов		0 / 3 / 0	1 / 6	1

На территории Дубны фиксируется не менее шести скоплений. Одно из них – собственно «в Дубне» – примыкало к погосту Дубно. Остальные – «в Рамене», «в Жукове», «в Лужках Малых», «в Лузех», «в Жарех» – находились западнее, севернее и северо-восточнее погоста, на рр. Грустине, Городне, Нетесьме и оз. Охват. Поселения одного «гнезда» могли относиться к владениям разных помещиков. Часть деревень охарактеризована как находящиеся «на реке на Двине» (12 деревень). Ещё 20 деревень в поместье Офонасия Михайлова сына Безскунникова не объединены общим названием. В целом территория Дубны была ограничена оз. Охват и р. Русановка на севере, заболоченными низинами и р. Лососной на западе и юге, крупными заболоченными пространствами (в том числе болотом Дерзкий мох) на юге и востоке. Очевидно, что это пространство являлось частью древнейшей волости Дубна, территории которой до 1489 г. определить не удается в связи с отсутствием источников.

Наиболее крупными скоплениями были «гнезда» поселений «в Дубне» и «в Лузех». В каждом из скоплений находилось не менее 28 деревень. Деревни «в Дубне» локализуются на обоих берегах р. Западная Двина в окруже погоста. «В Лузех» представляло собой обособленную территорию в бассейне р. Нетесьма и на южном берегу оз. Охват. Центром этой местности был погост с церковью Рождества Богородицы и двумя дворами духовенства. Есть уточнение в писцовой книге, что эта церковь являлась приходской для крестьян помещиков Окорокова, Лутковских, Безскунниковых³⁸. Наиболее четко ландшафтная приуроченность прослеживается для скопления «в Лузех». Очевидно, что часть поселений «в Лузех» размещалась вдоль дороги между погостами Дубно и в Лузех. В целом, скопление «в Лузех» размещалось на участке, ограниченном оз. Охват и заболоченными низменностями на севере, востоке и юге. Скопления поселений «в Дубне» и «в Лузех» отде-

³⁸ Писцовая книга Торопецкого уезда... С. 670.

лялись друг от друга, по-видимому, относительно небольшим лесным массивом с мелкими речками и болотистыми участками.

В 1580-х гг. поселения и пустоши скоплений «в Дубне» и «в Лузех» в составе Езжинской волости уезда Ржевы Володимеровой относятся к поместьям Ивана и Федора Олексеевых детей Жеребцова (им перешли земли Ивана Бескупникова), Девятова и Лаврентия Степановых детей Зеленого, Федора Васильева сына Мачехина. В этот период в микрорегионе появляются новые сельца – центры новых землевладений: сц. Скворцово Старое тож «в Лузех», Великое и Залужья «в Дубне»³⁹. Старинные «гнезда» поселений в микрорегионе, кроме самого скопления «в Дубне», в 1580-х гг. уже не фиксируются.

В 1620-х гг. наблюдается значительное запустение территории Дубны. На погосте Дубно находилось три двора церковнослужителей. Жилые дворы находились в сельцах Курово, Красиково и д. Горка. Остальные территории представляли собой запустевшие деревни (всего 22 пустоши). Большая часть Дубны находились в землевладении помещиков Петра и Ивана Ивановых детей Козлова с центром в сельце, бывшей деревне Курово. Меньшая относилась к поместному владению Владимира Посникова сына Козлова⁴⁰. Новые центры землевладений – сельца – в предыдущих описаниях фигурируют как деревни. В комплексе писцовые описания XVI–XVII вв. позволяют реконструировать последовательность переходов владений. Так, земли в Дубне помещика 1540-х гг. Угрима Ершова сына Окорокова перешли его сыну Семену Угримову, а в 1620-х гг. числились за Владимиром Посниковым сыном Козловым. Вероятно, помещикам Козловым запустевшие земли Дубны перешли в период или вскоре после окончания Смутного времени.

Таким образом, микрорегион Дубна представлял собой относительно обособленный анклав, ограниченный в ландшафтном отношении. В первой половине XVI в. поселения концентрировались здесь в нескольких скоплениях, крупнейшими из которых являлись «гнезда» поселений «в Дубне» и «в Лузях». Между двумя скоплениями, разделенными лесным массивом, несомненно, существовала дорога. Очевидно, что погост в Лузех являлся приходским для населения этого анклава, погост в Дубне – для населения остальных «гнезд» поселений Дубны. Уже в этот период скопления поселений были разделены между поместными землевладениями. Во второй половине XVI в. Дубна была приписана к уезду Ржевы Володимеровой в состав Езжинской волости. Отдельные «гнезда» поселений здесь уже не фиксируются. Существенного запустения анклава в 1580-х гг. не наблюдается. В 1620-х гг. бывшая территория старой волости Дубна была разделена между Торопецким и Ржевским уездами: анклав «в Дубне» вернулся в состав Торопецкого уезда, «в Лузех» – остался в составе Ржевского. В период Смуты микрорегион практически запустел, его земли были разданы

³⁹ Фролов А.А. Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов... С. 124–126.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. № 888. Л. 205–206об.

новым помещикам, возникли новые поселенческие центры – сельца с дворами помещиков. Старые храмы сохраняли значение приходских.

Можно заключить, что первоначальная территория торопецкой волости Дубна включала несколько обособленных скоплений поселений, образовывавших не менее двух приходов с центрами-погостами. Эта схема соответствует троичной системе территориального деления «волость – погосты – верви», которая, по мнению А.А. Горского, существовала на значительной части территории Руси в XII–XIII вв. Позднее понятие «волость» претерпевает существенную трансформацию⁴¹. Можно предположить, что на окраинных территориях ВКЛ и Московского государства архаичные черты этой системы еще просматриваются в первой половине XVI в., что отражает историческая география волости Дубна.

Список литературы:

1. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. – 268 с.
2. Андрияшев А.М. Карта Обонежской пятини с перечнем погostов // Писцовые книги Обонежской пятини 1496 и 1563 гг.: Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1. С. 269–270.
3. Бассалыго Л.А., Янин В.Л. Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Наука, 1998. С. 104–214.
4. Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 290 с.
5. Витов М.В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятини) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 231–264.
6. Голубеў В. Ф. Сельская абычына ў Беларусі XVI–XVIII стст. Мінск: Беларус. навука, 2008. – 407 с.
7. Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А. Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения и анализа // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 3. С. 35–51.
8. Горский А.А. От погоста к волости // Образы аграрной России IX–XVIII вв.: Памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 89–93.
9. Канищев В.В. Опыт использования современных информационных технологий в проектах по исторической географии // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2012. № 39. С. 71–74.
10. Карпова М.В. Промысловые территориальные объединения в России XVI–XVII вв. (перевары, беляки) в отражении писцовых описаний // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 8(118).
11. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. – 573 с.

⁴¹ Горский А.А. От погоста к волости // Образы аграрной России IX–XVIII вв.: Памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 89–93.

12. Пичета В.И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Минск: Издание Наркомзема, 1927. Ч. I (до конца XVI века). – 179 с.
13. Темущев В.Н. Таропецкая воласць // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус—Яцкевіч. Мн., 2006. С. 659–670.
14. Фролов А.А. Геоинформационные технологии в современных историко-географических исследованиях отечественных историков // Вопросы географии. 2013. № 136. С. 447–458.
15. Фролов А.А. Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2013. Вып. 3. С. 55–86.
16. Фролов А.А., Голубинский А.А. Веб-картографический ресурс «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» // Историческая география. 2016. Т. 3. С. 440–455.
17. Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовыми книгам письма 1495–1496 годов). М.; СПб., 2008. Т. 1–3.
18. Хитров Д.А. Московский уезд в материалах валового письма 1620–1640-х годов: к вопросу о методике картографирования материалов писцовых книг // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Сборник материалов X Международной научной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2019. С. 211–212.
19. Хорошкевич А.Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // Пашутко В.Т., Хорошкевич А.Л., Флоря Б.Н. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., Наука, 1982. С. 69–150.
20. Черненко Д.А. Методы картографирования и пространственно-статистического анализа структуры землевладения XVII–XVIII вв. в Центральной России // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010. С. 164–166.

Об авторе:

СТЕПАНОВА Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: m000142@mail.ru

THE STUDY OF THE RESETTLEMENT IN TOROPETSKY UEZD OF THE 16TH-17TH CENTURIES USING GEOINFORMATION TECHNOLOGIES: POSSIBILITIES, LIMITATIONS, RESULTS

Y.V. Stepanova

Tver State University, Tver, Russia

The article presents the results of the historical and geographical study of the Toropetsky uezd of the 16th-17th centuries with using geo-information technologies. The Toropetsky uezd of the 16th century is characterized by the designating villages through generalizing names, which corresponds to the "nesting" settlement system. This circumstance is a factor in the poor preservation of the historical toponymy of the Toropetsky uezd in the sources of the 18th-19th centuries. The results of mapping these scribe books of the Toropetsky uezd of the 16th-17th centuries differ in a low percentage of localized toponyms from synchronous indicators in the Tver district and the Tver half of the Bezhetskaya pyatina. As a result, the settlement structure of the Toropetsky uezd of the 16th – first half of the 17th century can be characterized only on the basis of the general reconstruction of the cultural landscape according to written sources without the use of GIS tools. The detailed study is only possible on the material of relatively completely localized clusters of settlements. This publication presents the results of such a study of the Dubna region of Toropetsky uezd.

Keywords: historical GIS, uezd, volost, settlement, land ownership, Russia, 16th-17th centuries.

About the author:

STEPANOVA Yuliya Vladimirovna – the Candidate of the History, the Docent, the Department of Russian History, the Tver' State University, (Russia, 170100, Tver, ul. Trekhsvyatskaya, 16/31, room 207), e-mail: m000142@mail.ru

References:

- Alekseev L.V., *Smolenskaya zemlya v IX–XIII vv.*, M., Nauka, 1980. 268 s.
- Andriyashev A.M., *Karta Obonezhskoj pyatiny s perechnem pogostov*, Piscovye knigi Obonezhskoj pyatiny 1496 i 1563 gg.: Materialy po istorii narodov SSSR, L., 1930, Vyp. 1, S. 269–270.
- Bassalygo L.A., Yanin V.L., *Istoriko-geograficheskij obzor novgorodsko-litovskoj granicy*, In: Yanin V.L., *Novgorod i Litva. Pogranichnye situacii XIII–XV vekov*, M., Nauka, 1998, S. 104–214.
- Chernenko D.A., *Metody kartografirovaniya i prostranstvenno-statisticheskogo analiza struktury zemlevladeniya XVII–XVIII vv. v Central'noj Rossii*, Aktual'nye problemy agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy X–XXI vv. Istochniki i metody issledovaniya. XXXII sessiya simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. Tezisy dokladov i soobshchenij. Ryazan', 21–24 sentyabrya 2010 g., M., 2010, S. 164–166.
- Frolov A.A., *Geoinformacionnye tekhnologii v sovremennyh istoriko-geograficheskikh issledovaniyah otechestvennyh istorikov*, Voprosy geografii, 2013, № 136, S. 447–458.
- Frolov A.A., *Novye materialy po srednevekovoj istoricheskoj geografii zemel' Rzhevskoj Volodimerovoj*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2013, Vyp. 3, S. 55–86.

- Frolov A.A., Golubinskij A.A., *Veb-kartograficheskij resurs «Istochniki po istoricheskoj geografiî Bezheckogo Verha»*, Istoricheskaya geografiya, 2016, T. 3, S. 440–455.
- Frolov A.A., Piotukh N.V., *Istoricheskij atlas Derevskoj pyatiny Novgorodskoj zemli (po piscovym knigam pis'ma 1495–1496 godov)*, M., SPb., 2008, T. 1–3.
- Golubeў V.F., *Sel'skaya abshchyna ў Belarusi XVI–XVIII stst*, Minsk, Belarus. Navuka, 2008. 407 s.
- Golubinskij A.A., Hitrov D.A., Chernenko D.A., *Itogovye materialy General'nogo mezhewaniya: o vozmozhnostyah obobshcheniya i analiza*, Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 8: Istorya, 2011, № 3, S. 35–51.
- Gorskij A.A., *Ot pogosta k volosti*, Obrazy agrarnoj Rossii IX–XVIII vv.: Pamjati Natal'i Aleksandrovny Gorskoy, M., 2013, S. 89–93.
- Kanishchev V.V., *Opyt ispol'zovaniya sovremennoj informacionnyh tekhnologij v proektaх po istoricheskoj geografiї*, Informacionnyj byulleten' associacii «Istorya i komp'yuter», 2012, № 39, S. 71–74.
- Karpova M.V., *Promyslovye territorial'nye ob"edineniya v Rossii XVI–XVII vv. (pervary, belyaki) v otrazhenii piscovyh opisanij*, Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorya», 2022, T. 13, № 8 (118).
- Khitrov D.A., *Moskovskij uezd v materialah valovogo pis'ma 1620–1640-h godov: k voprosu o metodike kartografirovaniya materialov piscovyh knig*, Kompleksnyj podhod v izuchenii Drevnej Rusi. Sbornik materialov X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Prilozhenie k zhurnalu «Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki», 2019, S. 211–212.
- Khoroshkevich A.L., *Istoricheskie sud'by belorusskih i ukrainskih zemel' v XIV – na-chale XVI v.*, In: Pashuto V.T., Horoshkevich A.L., Florya B.N., *Drevnerusskoe nasledie i istoricheskie sud'by vostochnogo slavyanstva*, M., Nauka, 1982, S. 69–150.
- Milov L.V., *Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa*, M., ROSSPEN, 2001. 573 s.
- Picheta V.I., *Istorya sel'skogo hozyajstva i zemlevladeniya v Belorussii*, Minsk, Iz-danie Narkomzema, 1927, Ch. I (do konca XVI veka). 179 s.
- Temushev V.N., *Taropeckaya volasc'*, Vyalikae knyastva Litoўskae: Encykpedyya, U 2 t., T. 2, Kadecki korpus–Yackevich, Mn., 2006, S. 659–670.
- Vitov M.V., *Istoriko-geograficheskie ocherki Zaonezh'ya XVI–XVII vv. Iz istorii sel'skih poselenij*, M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1962. 290 s.
- Vitov M.V., *Priemy sostavleniya kart poselenij XV–XVII vv. po dannym piscovyh i perepisnyh knig (na primere SHungskogo pogosta Obonezhskoj pyatiny)*, Problemy istochnikovedeniya, M., 1956, T. 5, S. 231–264.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

УДК 94(47).062

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.076–092

БУЛАВИНСКОЕ ВОССТАНИЕ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ)

О.Г. Усенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

В статье анализируются русскоязычные научные публикации, посвящённые Булавинскому восстанию. Основой анализа является системный подход. В соответствии с ним по отдельности изучаются историографические данные о действиях булавинцев, действиях их врагов и властей, итогах восстания, причинах его поражения и его последствиях. Исследование показало, что Булавинщина изучена неравномерно и что каждый ее аспект является предметом обсуждения. Кроме того, стало ясно, что дальнейшее изучение восстания будет эффективным лишь при отказе от недостоверных историографических заявлений. Имеются в виду заявления, которые не были проверены путем сравнения с первичными источниками.

Ключевые слова: Булавинское восстание, Булавинщина, донские казаки, историография, системный подход.

История Булавинского восстания (Булавинщины), представленная в русскоязычной научной литературе, уже рассматривалась автором статьи. Из четырнадцати заявленных параметров системного анализа были задействованы девять¹. Осталось проанализировать историографию по таким аспектам Булавинщины, как действия восставших, действия их врагов и властей, итоги выступления, причины его поражения, последствия восстания.

Итак, в русскоязычной историографии действия булавинцев, как правило, не анализируются, а просто описываются в хронологическом порядке, причём выборочно. Между тем их анализ по различным критериям открывает путь к получению важной, причём неявной, информации и позволяет проводить системное сравнение Булавинского восстания с другими движениями социального протesta. Тем не менее кое-какие наработки по этому вопросу в историографии есть.

---

¹ См.: Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 2. С. 138–157; № 3. С. 75–91.

Отмечается избирательный подход булавинцев к врагам, основанный на особом понимании справедливости. Высказано мнение, что повстанцы пленных офицеров убивали, а представителей низших чинов отпускали во-свояси². Впрочем, есть мнение, что «иногда повстанцы щадили и представителей социальной верхушки»³. Усматривается даже особый порядок: судьбу арестованных офицеров решал повстанческий «круг», при этом характер наказания напрямую зависел от степени виновности подсудимого – например, от того, сколь рьяно он боролся против повстанцев (см.: Усенко О.Г. О характере Булавинского восстания // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 139–141).

Двояко характеризуется и отношение булавинцев к «несогласным» из числа обывателей при пополнении повстанческого войска. По одной версии, отказников убивали⁴. По другой версии, такого не было, хотя восставшие и применяли силу для пополнения своих рядов. Но насильственный набор в повстанческое войско преобладал тогда, когда булавинцы терпели поражения или чувствовали себя недостаточно уверенно перед лицом противника.

Рассмотрим теперь отношение авторов к сведениям источников о разбоях восставших и убийствах из чистой корысти (речь идёт о жертвах из числа тех лиц, которые не были «официально» отнесены к врагам булавинцев).

Присталное внимание к таким фактам – редкий случай⁵. Чаще авторы ограничиваются общими фразами такого рода: источники прямо говорят о грабежах со стороны восставших⁶; корыстный разбой со стороны булавинцев имел место, но это не было главным в их выступлении⁷. Но гораздо чаще историки приводят лишь отдельные примеры корыстного разбоя (с осуждением), поскольку делают упор на другие аспекты Булавинщины – на её антигосударственный характер⁸, на то, что это был «протест против начал цивилизации и прогресса»⁹, или на то, что протест был только против прави-

² Шкваров А.Г. Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям казачьим». Хельсинки; СПб., 2012. С. 239–240; Масуренков Ю.П. Цари и атаманы. Хроника отношений Дона и Метрополии в 1649–1709 гг., с комментариями. М., 2018. С. 201.

³ Трефилов Е.Н. «Чтоб над нами Русь не владела»: отношение донских казаков участников восстания под предводительством К.А. Булавина (1707–1708) к России и русским // Российская история. 2022. № 2. С. 107–108.

⁴ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1884. Вып. 3. С. 62.

⁵ Дубасов И.И. Указ. соч. С. 58–60, 62; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 116–121.

⁶ Павленко Н.И. Расказачивание по-петровски. Нехрестоматийный взгляд на Кондратия Булавина и его восстание // Родина. 1997. № 7. С. 32.

⁷ Сперанский А. Рецензия на сборник документов «Булавинское восстание (1707–1708 гг.)». М., 1935 // Историк-марксист. 1935. № 11. С. 120; Буганов В.И., Лебедев В.И. Новое исследование о Булавинском восстании // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 126.

⁸ Ригельман А.И. История или повествование о донских казаках... М., 1846. С. 89–96; Соловьёв С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1993. Кн. 8. С. 170–189.

⁹ Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб., 1882. Т. 1. С. 328.

тельства и царя-реформатора, причём защита независимости Дона осложнялась борьбой различных группировок внутри донской элиты¹⁰.

Как объяснить, что большинство авторов не говорят вообще о корыстном разбое со стороны восставших? В одном случае тому виной, судя по всему, фокусировка внимания на организационном, политическом или идеологическом аспекте мятежа¹¹, в другом случае – приверженность марксистско-ленинской идеологии¹².

¹⁰ Чaeв Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1934. С. 30, 64, 71; *Масуренков Ю.П.* Указ. соч. С. 71, 77–78, 84, 93, 98, 102, 106–107, 109, 116, 119, 128, 146, 171–172, 247–251.

¹¹ Ригельман А.И. Указ. соч. С. 86–97; Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1837. Т. 2. С. 307–317; Попов А.Г. История о Донском войске. Харьков, 1816. Ч. 2. С. 267–291; Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 362–377; Броневский В.Б. История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. СПб., 1834. Ч. 1. С. 249–268; Полевой Н.А. История Петра Великого. СПб., 1843. Ч. 2. С. 293–296; Краснов Н.И. Исторические очерки Дона: от Разина до Булавина // Русская речь. 1881. № 1. С. 76–77; Его же. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // Русская речь. 1882. № 4. С. 119–125, 133–147; Аристов Н.Я. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875. С. 56–62, 123–124, 148; Савельев А.М. Трёхсотлетие Войска Донского (1570–1870). СПб., 1870. С. 55–60; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1995. Кн. 2. С. 304–307; Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. СПб., 1897. Т. 3. С. 374–382, 495, 450; История Донского казачества. Новочеркасск, 1914. С. 130, 170–178; Овсянников Е. Булавинский бунт как раскольническое движение на Дону // Воронежская старина. Воронеж, 1914. Вып. 13. С. 131–145; Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Историко-статистический очерк. Новочеркасск, 1917. С. 18–21; Мельгунов С.П. Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. М., 1922. С. 131–132; Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924. С. 134–146; Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов н/Д., 1998. С. 90–97; Лесин В.И. Ещё раз о характере движения под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина // Проблемы источниковедения и отечественной истории (Памяти А.П. Пронштейна). Ростов н/Д, 1999. С. 151–161.

¹² Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1915. Т. 2. С. 231–234; Ивченко М.В. Страница прошлого: Отражение восстания Кондратия Булавина в Острогожском крае. Острогожск, 1924. С. 1–9; Фирсов Н.Н. Народные движения в России до XIX века. М., 1924. С. 112–113; Томсинский С.Г. Крестьянские движения в феодально-крепостнической России. М., 1932. С. 102–105; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 44–151; Чaeв Н.С. Булавинское восстание. М., 1934. С. 64–132; Лунин Б.В. Очерки истории Подонья – Приазовья. Ростов н/Д., 1951. Кн. 2. С. 111–116; Мавродин В.В. Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 159–161; Корчин М.Н. Донское казачество (Из прошлого). Ростов н/Д., 1949. С. 17–23; Очерки истории СССР: период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.: преобразования Петра I. М., 1954. С. 256–273; Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 258–267; Пронштейн А.П., Минников Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С. 205–287; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина, 1707–1709. М., 1962. С. 90–97, 137–139, 152–155, 180, 194–196; История СССР с древнейших времён до наших дней. Первая серия. М.,

Впрочем, некоторые «марксисты» всё же говорят о «разбойном элементе» в действиях булавинцев, но без явного осуждения и даже с оправдательными интонациями. Одни ссылаются на постулаты, что разбойничество есть форма социального протesta¹³ и что «элемент разбойничества» был присущ всем выступлениям социального протesta при феодализме¹⁴, другие напоминают, что для донцов были нормой походы «для добычи»¹⁵ (кстати, об этом пишут не только «марксисты»¹⁶), третьи отмечают, что в донском фольклоре начала XVIII в. казаки фигурируют как «воры и разбойники», но жители Дона и других регионов России в этом «не видели ничего предосудительного»¹⁷.

Когда речь идёт о действиях повстанческих врагов и властей, одним из дискуссионных вопросов является объяснение медлительности правительства и карателей в мае – июне 1708 г. Вот как было дело: В.В. Долgorуков «прибыл 12 мая в Воронеж и начал стягивать туда военные силы против “бунтовщиков”... Пока Долгорукий был занят сбором армии в Воронеже, пока его большое войско медленно двигалось от Воронежа к Острогожску и Валуйкам, пока весь июнь он стоял в Валуйках и близ них, повстанческие войска одержали не одну победу»¹⁸.

Простейшее объяснение этому – «медленный сбор ратных людей»¹⁹, ибо трудно было собрать большое карательное войско в условиях Северной войны²⁰.

Другое объяснение таково: 28 мая 1708 г. царь указал В.В. Долгорукову «казакам ничего не чинить», поскольку получил письмо от К. Булави-

---

1967. Т. 3. С. 291–294; История Донского края. Ростов н/Д., 1971. С. 56–58; История Дона с древнейших времён до падения крепостного права. Ростов н/Д., 1973. С. 186–192; Буганов В.И. Булавин. М., 1988. С. 72–305; Дон и Степное Предкавказье, XVIII – первая половина XIX в.: социальные отношения, управление, классовая борьба. Ростов н/Д., 1977. С. 107–113.

¹³ Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 21–22.

¹⁴ Черепнин Л.В. Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. (К теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 14.

¹⁵ Чаев Н.С. Булавинское восстание. М., 1934. С. 28; Корчин М.Н. Указ. соч. С. 5; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 31; Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 75–76, 87, 109; Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 254; Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М., 1986. С. 63.

¹⁶ Броневский В.Б. Указ. соч. С. 242–245; Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. СПб., 2010. С. 61, 379.

¹⁷ Буганов В.И. Булавин. С. 115.

¹⁸ Подъяпольская Е.П. Крестьянская война 1707–1709 гг. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 189–190.

¹⁹ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 232–233.

²⁰ Текеев В.Т. Участие калмыков в подавлении Булавинского восстания // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 10.

на с предложениями мира²¹. Впрочем, есть мнение, что данный указ был вызван внешней опасностью – наступлением шведов²². Кое-кто полагает, что на решение царя повлияли и «булавинское обращение», и шведское наступление²³. Но кое-кто считает, что указ от 28 мая был реакцией царя на чelобитную донских старшин, бежавших из Черкасска после захвата его К. Булавиным и просивших Петра отозвать войска, пугая возможным уходом донцов на Кубань²⁴.

Третье объяснение медлительности властей и карателей в мае – июне 1708 г. представляет собой синтез предыдущих: мол, сыграли свою роль и проблемы при сборе карательных войск, и указ царя «казакам ничего не чинить». При этом отмечается, что выгодный для восставших указ был отменён царскими повелениями от 12 и 19 июня²⁵. Действительно, указ от 28 мая В.В. Долгоруков получил примерно 25 июня, а уже 27-го он получил новое распоряжение – возобновить наступление на Дон (см.: Усенко О.Г. Идеология Булавинщины: динамика целей и планов повстанцев // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 176).

Ещё четыре объяснения указанной выше ситуации таковы: всему виной указ царя В.В. Долгорукову от 12 июня (до полного сосредоточения войск на Дон не ходить)²⁶, или страх, охвативший князя после разгрома булавинцами Сумского полка²⁷, или трудности при сборе карательного войска и полученные князем сведения о большой численности повстанцев²⁸, или же «поразительное терпение и даже снисходительность» Петра и его подручных, а также проблемы со снабжением карательного войска²⁹.

Дискуссионным вопросом является и характеристика действий по ликвидации Булавинщины. Разное отношение к действиям карателей делит авторов на три группы.

В целом ряде работ карательные акции описываются с явным или скрытым одобрением. При этом одни авторы не используют идеологические конструкции³⁰, а другие используют. Такое оправдание жестоких расправ с мятежниками представлено следующими вариантами: 1) авторы

²¹ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 326–327; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды Историко-археографического ин-та. М., 1935. Т. 12. С. 52; Мавродин В.В. Указ. соч. С. 161.

²² Лебедев В.И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934. С. 43.

²³ Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Историк-марксист. 1933. № 3 (31). С. 51.

²⁴ Шкваров А.Г. Казачество эпохи Петра Великого. С. 236–237.

²⁵ Соловьёв С.М. Соч. С. 182–184.

²⁶ Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1994. С. 241.

²⁷ Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 136–137; Прониней А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 262.

²⁸ Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 60–61, 77.

²⁹ Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 123, 212.

³⁰ Попов А.Г. Указ. соч. С. 296–290; Броневский В.Б. Указ. соч. 262–271; Тенкеев В.Т. Указ. соч. С. 6–16.

ссылаются на то, что тогда шла война со Швецией³¹; 2) Булавинщина объявляется борьбой против государства вообще³²; 3) в мятеже усматривается «протест против начал цивилизации и прогресса» – против реформ Петра I³³; 4) в расчёт принимаются и условия военного времени, и значимость петровских реформ для развития России³⁴.

Весьма многочисленны работы, где акции карателей осуждаются или хотя бы маркируются словами «жестокость», «зверски», «свирапствовали» и т. п. Здесь имеются описания расправ с мятежниками и указания, сколько было жертв³⁵.

Наконец, некоторые авторы занимают нейтральную позицию, описывая действия карателей. Так, приводятся примеры расправ (при отсутствии оценочных маркеров) и при этом высказываются сомнения в точности сведений от В.В. Долгорукого о числе убитых и казнённых повстанцев³⁶. Другой вариант – явное осуждение царя и карателей, описание расправ с булавинцами³⁷ и при этом рассуждения о вреде мятежа для государства и для Войска Донского, сдобренные критическими замечаниями в адрес повстанцев³⁸.

Говоря об итогах Булавинщины, историки спорят о том, сколько именно городков на Дону разорили каратели и сколь много погибло повстанцев, сочувствовавших им и членов семей тех и других.

Авторы, которые интересуются погибшими по вине карателей, делятся на тех, кто сообщает общие цифры таких потерь, и на тех, кто приводит количественные данные лишь по отдельным эпизодам. Но если мы са-

³¹ Голиков И.И. Указ. соч. М., 1837. Т. 3. С. 303; Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 375–378; Краснов П.Н. История донского казачества. Очерки истории Войска Донского. М., 2007. С. 224; Гордеев А.А. История казачества. М., 2006. С. 262–263; Лесин В.И. Силуэты русского бунта. М., 2007. С. 73–85.

³² Ригельман А.И. Указ. соч. С. 89–96; Соловьев С.М. Соч. С. 170–190.

³³ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 327–328; Дубасов И.И. Указ. соч. С. 54.

³⁴ Лесин В.И. Ещё раз о характере... С. 162; Павленко Н.И. Расказывание по-петровски. С. 32.

³⁵ Крюков Ф.Д. Булавинский бунт (1707–1708 г.). Этюд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. М., 2014. С. 10, 28–29, 34–37; Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 145–147; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 47–48, 78–114; Очерки истории СССР... С. 257, 263–267, 270–271; Болдырев С.В. Атаман К.А. Булавин. К 250-летию начала его борьбы за Волю и Долю Казачью, 1707–1957 гг. Нью-Йорк, 1957. С. 27–34; Очерки истории Воронежского края: с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1961. Т. 1. С. 115, 120; Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 30–31, 58, 262–266; Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 234, 263, 272–281, 285–286; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина... С. 181–194; Буганов В.И. Крестьянские войны в России... С. 126, 137, 143–148; История Украинской ССР. Киев, 1983. Т. 3. С. 301–302; Павленко Н.И. Пётр Великий. С. 239–243.

³⁶ Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 253–254, 256; Его же. Казачество эпохи Петра Великого С. 236–240.

³⁷ Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 137–138, 168, 183, 201–202, 215.

³⁸ Там же. С. 77–78, 102, 105, 109, 116, 128, 134, 146, 201–202, 247, 264.

ми сложим эти данные, то получим целый набор суммарных показателей, которые характеризуют минимальный уровень безвозвратных потерь у восставших и сочувствующих им: 5 тысяч чел.³⁹; 10,5 тысячи⁴⁰; 12 тысяч⁴¹; 13 тысяч⁴²; 17,5 тысячи⁴³; 18 тысяч⁴⁴; 23 тысячи⁴⁵.

В работах, где всё же приведены общие данные о жертвах карательей, мы видим гораздо больший разнобой: «тысячи» одних лишь казаков⁴⁶; не менее 7 тысяч казаков⁴⁷; от 7 до 10 тысяч казаков⁴⁸; 10 тысяч казаков⁴⁹; свыше 10 тысяч убитых в боях и тысячи казнённых⁵⁰; 17 тысяч⁵¹; 17 тысяч одних лишь казнённых⁵²; 17–20 тысяч⁵³; «десятки тысяч»⁵⁴ («в несколько раз больше», чем 7 тысяч – чем официальные данные⁵⁵); «десятки тысяч повстанцев и членов их семей»⁵⁶ («много тысяч казаков с женами и детьми»⁵⁷); свыше 23 000⁵⁸; более 26 тысяч казаков⁵⁹; не менее 28 тысяч⁶⁰; более 30 тысяч⁶¹; более 36,5 тысячи⁶²; около 40 тысяч⁶³; свыше 40 тысяч⁶⁴.

³⁹ Очерки истории Воронежского края... С. 107–108, 114, 115, 118, 120.

⁴⁰ Очерки истории СССР... С. 256–267, 270–271.

⁴¹ Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 46–114.

⁴² Буганов В.И. Крестьянские войны в России... С. 125–147.

⁴³ Гордеев А.А. Указ. соч. С. 261–264.

⁴⁴ Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды... С. 35–36, 48–49, 53–58.

⁴⁵ Соловьёв С.М. Соч. С. 173, 180–189.

⁴⁶ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 132.

⁴⁷ Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 379; Савельев А.М. Указ. соч. С. 61; Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска (1696–1896). Екатеринодар, 1896. С. 5: История Донского казачества. С. 177; Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону... С. 21.

⁴⁸ Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 146–147; Болдырев С.В. Указ. соч. С. 29.

⁴⁹ Томсинский С.Г. Указ. соч. С. 104.

⁵⁰ Лунин Б.В. Указ. соч. С. 114–115.

⁵¹ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 224.

⁵² Шишов А.В. 100 великих казаков. М., 2007. С. 104.

⁵³ Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 259; Его же. Казачество эпохи Петра Великого. С. 243.

⁵⁴ Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 203.

⁵⁵ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2010. С. 422.

⁵⁶ История Украинской ССР. С. 302.

⁵⁷ Донецкий М. Донское казачество (Историко-публицистические очерки). Ростов н/Д., 1926. С. 37.

⁵⁸ Павленко Н.И. Пётр Великий. С. 243; Лесин В.И. Силуэты русского бунта. С. 84.

⁵⁹ Болдырев С.В. Указ. соч. С. 34.

⁶⁰ Лебедев В.И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934. С. 99; Подъяпольская Е.П. Крестьянская война 1707–1709 гг. С. 198, 201; Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 172.

⁶¹ Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина... С. 192.

⁶² Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы // Дон. 1958. № 8. С. 135.

⁶³ Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 266 (прим. 3).

⁶⁴ Пронштейн А.П. Книга о Булавинском восстании // История СССР. 1965. № 4. С. 163.

Когда речь идёт об уничтоженных казачьих городках, авторы опять же делятся на тех, что называют конкретные цифры, и на тех, что не называют. Последние, в свою очередь, разделяются на три подгруппы.

Одни пишут кратко и обобщённо («многие городки сожжены дотла»⁶⁵); в лучшем случае указывают, что сожжёные городки – «оппозиционные»⁶⁶, «новопоселённые»⁶⁷, «самовольно построенные»⁶⁸, «построенные в глухих местах и населённые беглыми»⁶⁹, «новые городки, населённые беглыми крестьянами»⁷⁰.

Другие тоже пишут кратко, но дают географические ориентиры, и налицо такие варианты: был разорены городки по Хопру⁷¹; по притокам Дона⁷²; на Верхнем Дону⁷³ («верховские»⁷⁴); «по Дону от его верховьев до станицы Донской, по Хопру, Медведице, Северному Донцу, Калитвам, Деркулу»⁷⁵.

Авторы третьей подгруппы излагают письменное повеление царя В.В. Долгорукову, где для определения городков, подлежащих уничтожению, даны географические ориентиры (реки донского бассейна и те «нормальные» станицы, от которых должен идти отсчёт), после чего сообщают, что царская воля была исполнена. Правда, одни пишут, что в указанных границах были сожжены все городки⁷⁶, другие – что «почти все»⁷⁷, трети – что только «новопоселённые»⁷⁸.

Историки, сообщающие точное число уничтоженных городков, за одно, как правило, указывают их общее расположение (по рекам), при этом

⁶⁵ История Украинской ССР. С. 302.

⁶⁶ Томсинский С.Г. Указ. соч. С. 104.

⁶⁷ История Донского казачества. С. 177; Подъяпольская Е.П. Крестьянская война 1707–1709 гг. С. 197; Павленко Н.И. Пётр Великий. С. 242.

⁶⁸ Броневский В.Б. Указ. соч. С. 256.

⁶⁹ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 305–306.

⁷⁰ Очерки истории СССР... С. 267..

⁷¹ Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска... С. 5.

⁷² Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 327.

⁷³ Шишов А.В. Указ. соч. С. 104.

⁷⁴ Мавродин В.В. Указ. соч. С. 162; История СССР с древнейших времён... С. 295.

⁷⁵ Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 135.

⁷⁶ Попов А.Г. Указ. соч. С. 289; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 307; Савельев А.М. Указ. соч. С. 59, 61; Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 376, 379; Овсянников Е. Указ. соч. С. 143; Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону... С. 20–21; Донецкий М. Указ. соч. С. 35.

⁷⁷ Лесин В.И. Силуэты русского бунта. С. 84.

⁷⁸ Соловьёв С.М. Соч. С. 184–185; Крюков Ф.Д. Указ. соч. С. 31–32; Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 145, 147; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Историк-марксист. С. 56; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды... С. 56; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина... С. 191; Гордеев А.А. Указ. соч. С. 263–264; Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Калинин, 1971. Ч. 1. С. 135–136; Буганов В.И. Крестьянские войны в России... С. 148.

диапазон мнений следующий: 32 городка⁷⁹; 44 городка⁸⁰; 48 «городков и посёлков»⁸¹; 49 городков без тех, что на Иловле (то есть в целом более 50)⁸²; «не менее 80 казачьих поселений»⁸³.

Судя по всему, окончательное решение вопроса об итогах Булавинского восстания – дело будущего. Этому должно помочь привлечение всех доступных на сегодняшний день источников и тщательная их обработка на основе сравнения и перепроверки.

Вопрос о причинах поражения мятежников задаётся лишь тогда, когда историк сочувствует им или старается быть объективным. Это общее наблюдение применимо и к исследователям Булавинщины. Многие из них ищут ответ на такой вопрос: в какой мере поражение булавинцев было обусловлено их действиями, просчётом и особенностями их сознания?

Целый ряд историков к субъективным причинам поражения Булавинского восстания относят недостаточную организованность повстанцев, их слабое единство и незрелость политического сознания. Не все авторы эти замечания конкретизируют. Но те, кто это делают, отмечают вот что: восставшие крестьяне действовали сами по себе, отдельно от казаков⁸⁴; у повстанцев были «царистские иллюзии»⁸⁵ и в основном негативная программа действий⁸⁶; их лозунги были расплывчатыми и ограниченными (например, власть имущие делились ими на «добрых» и «худых»)⁸⁷; була-

⁷⁹ Савельев Е.П. Древняя история казачества. С. 422; Донецкий М. Указ. соч. С. 37.

⁸⁰ Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 20; Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 30–31, 226, 266; Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 285–286; История Дона с древнейших времён... С. 192; Дон и Степное Предкавказье... С. 113.

⁸¹ Энциклопедия казачества / Сост. Г.В. Губарев. М., 2008. С. 117.

⁸² Болдырев С.В. Указ. соч. С. 42; Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 257–258.

⁸³ Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 172.

⁸⁴ Томсинский С.Г. Указ. соч. С. 103; Очерки истории СССР... С. 273; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 135; Очерки истории Воронежского края... С. 121; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 147, 150.

⁸⁵ Очерки истории СССР... С. 273; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина... С. 108–109, 197; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 148; Буганов В.И. Крестьянские войны в России... С. 140–141; Его же. Булавин. С. 124, 143; Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 245–246; История Украинской ССР. С. 297.

⁸⁶ Харламов И.Н. Странники. Очерк из истории раскола // Русская мысль. 1884. Кн. 4. С. 209–211; Очерки истории Воронежского края... С. 121; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина... С. 197; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 136, 148; Проништейн А.П. Решённые и нерешённые вопросы истории крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 154; Карцов В.Г. Указ. соч. С. 137; Буганов В.И. Крестьянские войны в России... С. 141; Дон и Степное Предкавказье... С. 108.

⁸⁷ Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 260; Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 245; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина... С. 108; Буганов В.И. Крестьянские войны в России... С. 141; Его же. Булавин. С. 124; Дон и Степное Предкавказье... С. 108.

винцам требовалось «религиозное обоснование восстания»⁸⁸; среди участников мятежа имели место самовольство, конфликты и стычки⁸⁹; роковую роль сыграли несогласованность повстанческих планов на уровне руководства и на уровне периферийных отрядов, а также асинхронность действий на этих уровнях (см.: Усенко О.Г. Идеология Булавинщины… С. 175–178).

Гораздо чаще к причинам поражения восстания историки относят «ошибки» К. Булавина – поход на Черкасск в апреле 1708 г. вместо похода на Волгу или на Москву⁹⁰, раздробление сил (рассылка отрядов по разным направлениям)⁹¹, терпимое отношение к зажиточным казакам вообще и заговорщикам в частности⁹², промедление с походом на Азов⁹³ или, наоборот, организация данного похода⁹⁴ (включая переписку с азовским губернатором⁹⁵).

⁸⁸ Очерки истории СССР… С. 273; Карцов В.Г. Указ. соч. С. 137; Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 246–247; История Украинской ССР. С. 297; Буганов В.И. Булавин. С. 124, 143.

⁸⁹ Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды… С. 45–47, 54–55; Лунин Б.В. Указ. соч. 113–114; Очерки истории СССР… С. 259, 265; История русской экономической мысли. М., 1955. Т. 1, ч. 1. С. 262; Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 332; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 135; Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 260–267; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина… С. 180, 198; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 88, 148–149; Дон и Степное Предкавказье… С. 108, 110; Буганов В.И. Крестьянские войны в России… С. 141; Аваков П.А. Черкасск и Булавинское восстание в 1708 г. (нехрестоматийная хроника) // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года). Мат-лы Все-рос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.). Ростов н/Д., 2017. С. 85; Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 177.

⁹⁰ Соловьёв С.М. Соч. С. 181, 184, 190; Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 326; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 135.

⁹¹ Соловьёв С.М. Соч. С. 181, 184, 190; Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 326; Дубасов И.И. Указ. соч. С. 66; Савельев Е.П. Древняя история казачества. С. 418; Ивченко М.В. Указ. соч. С. 8; Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 143; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 71, 79, 81, 147–148; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды… С. 46; Лунин Б.В. Указ. соч. С. 114; Очерки истории СССР… С. 263; Болдырев С.В. Указ. соч. С. 24; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 135; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина… С. 150; Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 255; Буганов В.И. Булавин. С. 240; Смирнов И.В. Век нынешний и век минувший // Знание – сила. 1990. № 12. С. 12–13; Павленко Н.И. Пётр Великий. С. 241; Шишов А.В. Указ. соч. С. 103; Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 247; Аваков П.А. Азовский поход булавинцев 1708 г. // Меншиковские чтения – 2015. Научный альманах. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 185; Его же. Черкасск и Булавинское восстание… С. 80; Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 129, 235.

⁹² Томсинский С.Г. Указ. соч. С. 103; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 71, 149, 151; Лунин Б.В. Указ. соч. С. 114; Буганов В.И. Булавин. С. 240.

⁹³ Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 151; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды… С. 46; Лунин Б.В. Указ. соч. С. 114; Буганов В.И. Булавин. С. 240.

⁹⁴ Соловьёв С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 600; Крюков Ф.Д. Указ. соч. С. 21; Аваков П.А. Азовский поход булавинцев… С. 191; Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 129, 235, 253.

Можно полагать, что значительная часть перечисленных суждений близка к истине. В число же спорных тезисов, помимо оценки азовского похода, можно зачислить утверждения о роковой роли царистских и религиозных представлений повстанцев, их избирательности в отношении власти имущих и «терпимости» К. Булавина.

Рассмотрим теперь вопрос о последствиях Булавинщины. Удивительно, но лишь два автора сообщают, что после восстания на Дону был «великий голод»⁹⁵. Большинство историков интересуют необратимые изменения в жизни Войска Донского, ознаменовавшие новый этап его включения в состав Российской государства.

В анализируемой литературе преобладает негативная оценка этих изменений. Чаще всего говорится о ликвидации последнего в России очага свободы, о торжестве самодержавия, которое отождествляется с деспотизмом, о превращении донского казачества в подневольное царям сословие⁹⁶. Отмечено, что «донская казачья вольница уступила место украинской колонизации»⁹⁸ и что «земли между Донцом и Чиром совсем запустели»⁹⁹. Кроме того, пишут об ухудшении экономического положения Войска Донского из-за отторжения у него значительной территории. При этом одни авторы не сообщают количественных данных¹⁰⁰, другие говорят о сокращении Области Войска Донского на треть¹⁰¹, остальные уточняют, что потеряны были около миллиона десятин¹⁰².

Впрочем, некоторые авторы находят у Булавинщины и позитивные последствия для Дона. В сфере экономики – это зарождение виноградар-

⁹⁵ Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 265, 268–269.

⁹⁶ Ригельман А.И. Указ. соч. С. 98; Лунин Б.В. Указ. соч. С. 115.

⁹⁷ Крюков Ф.Д. Указ. соч. С. 19–20, 39; Донецкий М. Указ. соч. С. 38–39; Томсинский С.Г. Указ. соч. С. 104; Лунин Б.В. Указ. соч. С. 117; Болдырев С.В. Указ. соч. С. 34–36; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 135; Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 226–227; Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 286–288; Шкваров А.Г. Казачество эпохи Петра Великого. С. 243, 249.

⁹⁸ Вихрова Т.В. Некоторые аспекты Булавинского восстания [Первые областные краеведческие чтения, 28 мая 1997 г.] // Луганская республиканская науч. библиотека им. М. Горького. [Электрон. ресурс]. URL: <http://lib-lg.com/index.php/eshchjo/kollegam/nauchno-issledovatel'skaya-deyatel'nost-lrunb-im-gorkogo/123-pervye-oblstanje-kraevedcheskie-cteniya>.

⁹⁹ Богачёв В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 325.

¹⁰⁰ Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 379; Савельев А.М. Указ. соч. С. 61; История Донского казачества. С. 177; Томсинский С.Г. Указ. соч. С. 104; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Историк-марксист. С. 56; Очерки истории СССР... С. 267; История СССР с древнейших времён... С. 295.

¹⁰¹ Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 259; Его же. Казачество эпохи Петра Великого. С. 243.

¹⁰² Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 20, 147; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды... С. 59; Болдырев С.В. Указ. соч. С. 35; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 135; Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 31, 266; Дон и Степное Предкавказье... С. 113.

ства и садоводства, развитие хлеборобства¹⁰³. В общественно-политической сфере – это слияние Войска Донского с Российским государством. Положительно оценивается назначение войсковых атаманов царём (с 1708 г.), привлечение донских казаков к участию в новых (победоносных) войнах¹⁰⁴, появление герба у Войска Донского в 1709 г. («на бочонке сидит казак, нагой до пояса, поднявший над головой ружьё»)¹⁰⁵. Правда, на самом деле эта печать была введена ещё в 1704 г.¹⁰⁶

Интеграцию Войска Донского в политический строй России некоторые авторы пытаются оценивать нейтрально. Гибель «вольного Дона» они считают, с одной стороны, закономерным итогом государственного и цивилизационного развития страны, а с другой стороны, началом нового – болезненного, но благотворного – процесса¹⁰⁷.

Одним из последствий Булавинского восстания была массовая миграция на Кубань под руководством И.Ф. Некрасова (1708 г.)¹⁰⁸. Историки спорят о численности ушедших с ним людей, и диапазон мнений на этот счёт весьма широк: «несколько сот семейств»¹⁰⁹; «около 600 семей»¹¹⁰; 1,5–2 тысячи человек¹¹¹; около 2 тысяч донцов (не считая жён и детей)¹¹²; около 2–3 тысяч казаков с жёнами и детьми¹¹³; около 3 тысяч казаков с семья-

¹⁰³ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 228; Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 92; Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 269–270.

¹⁰⁴ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 223, 225, 229.

¹⁰⁵ Там же. С. 227.

¹⁰⁶ Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 398; Лебедев В.И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934. С. 28; Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 55; Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 169.

¹⁰⁷ Павленко Н.И. Расказывание по-петровски... С. 32; Лесин В.И. Ещё раз о характере... С. 162; Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 265, 267, 406; Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 137, 186, 264.

¹⁰⁸ Ригельман А.И. Указ. соч. С. 95; Попов А.Г. Указ. соч. С. 286–287; Полевой Н.А. Указ. соч. С. 296; Очерки истории СССР... С. 267.

¹⁰⁹ Короленко П.П. Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по печатным и архивным материалам. Екатеринодар, 1899. С. 17.

¹¹⁰ Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 378; Савельев А.М. Указ. соч. С. 59; Овсянников Е. Указ. соч. С. 144; Савельев Е.П. Древняя история казачества. С. 422; Донецкий М. Указ. соч. С. 36.

¹¹¹ Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток (Oriens). 2001. № 4. С. 36.

¹¹² Соловьёв С.М. Соч. С. 188; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 306; Крюков Ф.Д. Указ. соч. С. 37; Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 132–133; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды... С. 56; Корчин М.Н. Указ. соч. С. 23; Лунин Б.В. Указ. соч. С. 116; Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. С. 264; Проништейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 276; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина... С. 186; Лебедев В.И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 96; Буганов В.И. Крестьянские войны в России... С. 146; История Дона с древнейших времён... С. 192; Дон и Степное Предкавказье... С. 108, 112; История Украинской ССР. С. 301; Павленко Н.И. Пётр Великий. С. 242; Тепкеев В.Т. Указ. соч. С. 15; Масуренков Ю.П. Указ. соч. С. 135, 171.

¹¹³ Большая российская энциклопедия. М., 2013. Т. 22. С. 330.

ми¹¹⁴; от 2 до 4 тысяч донцов¹¹⁵; «7 тысяч мятежников»¹¹⁶; «7 или 8 тысяч человек обоего пола»¹¹⁷; от 1–2 тысяч до 8 тысяч человек¹¹⁸; несколько сотен семей (от 3 до 8 тысяч человек)¹¹⁹; около 8 тысяч мужчин и женщин¹²⁰; 40 тысяч человек¹²¹; «18 тысяч казачьих воинов, а с семьями более 80 тысяч человек»¹²².

Итак, вопрос о численности первых «некрасовцев» окончательно не решён. Зато более определённо можно оценить мнение, что только с их приходом на Кубани возникла «казачья республика»¹²³ или «Войско Кубанское»¹²⁴. Расширение круга источников позволило обосновать утверждение, что «Первое Кубанское казачье войско» возникло ещё до 1708 г., а значит И. Некрасов и его сподвижники просто влились в него¹²⁵ (см. также: Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 63–70).

Наконец, некоторые исследователи полагают, что своеобразным продолжением Булавинщины стало так называемое «движение казаков-некрасовцев» (1709–1737 гг.)¹²⁶. Вопрос о правомерности такого мнения остаётся открытым.

В целом проведённый анализ показал, что Булавинщина изучена неравномерно и каждый её аспект является предметом дискуссии. Можно так-

¹¹⁴ Смирнов И.В. Некрасовцы. С. 97, 99.

¹¹⁵ Болдырев С.В. Указ. соч. С. 34.

¹¹⁶ Гордеев А.А. Указ. соч. С. 263.

¹¹⁷ Броневский В.Б. Указ. соч. С. 268.

¹¹⁸ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. С. 12.

¹¹⁹ Шишов А.В. Указ. соч. С. 106.

¹²⁰ Ригельман А.И. Указ. соч. С. 95–96; Возгрин В.Е. Военно-политический конфликт во время пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени. Мат-лы международ. науч. конф. СПб., 2008. С. 58; Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 65, 254; Пилипчук Я.В. Христианское воинство Крымского ханства // GLOBAL-Turk. 2016. № 3/4. С. 152.

¹²¹ Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 136.

¹²² Ленисов А.К. Кубанская казачья старина (Историческое исследование). Нью-Йорк, 1972. Т. 1. С. 17.

¹²³ Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина... С. 102; Шишов А.В. Указ. соч. С. 106, 107.

¹²⁴ Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 137; Ленисов А.К. Указ. соч. С. 13–14, 17–19; Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. С. 67; Аваков П.А. Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710–1711 гг. в свете новых данных // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского учёного). Мат-лы Всерос. (с международ. участием) науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.). Ростов н/Д., 2014. С. 15–16.

¹²⁵ Смирнов И.В. Некрасовцы. С. 97; Сень Д.В. Казаки-некрасовцы на Кубани в XVIII в.: начало эмиграции // Клио. 1999. № 2 (8). С. 194, 197–200; Боук Б.М. Указ. соч. С. 35–36.

¹²⁶ Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. С. 136–137; Пронштейн А.П. Книга о Булавинском восстании. С. 163; Пронштейн А.П., Минников Н.А. Указ. соч. С. 276–277.

же утверждать, что дальнейшие исследования будут плодотворными лишь при гибком и критическом подходе к историографическому наследию. По одним аспектам нужно исключить недостоверные (не прошедшие проверку на материале первичных источников) утверждения. По другим аспектам надо выбрать одну из противоречащих версий. После того, как будет сделано то и другое, следует провести сопоставление и/или синтез «достоверных» утверждений – не только ради новых выводов и обобщений, но и ради выявления моментов, оставшихся без внимания исследователей.

Список литературы:

1. Аваков П.А. Азовский поход булавинцев 1708 г. // Меншиковские чтения: научный альманах / гл. науч. редактор П.А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2015. Вып. 6 (15). С. 184–194.
2. Аваков П.А. Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710–1711 гг. в свете новых данных // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского учёного): Мат-лы Всерос. (с международ. участием) науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.) / отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. С. 7–20.
3. Аваков П.А. Черкасск и Булавинское восстание в 1708 г. (нехрестоматийная хроника) // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года). Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2017. С. 80–88.
4. Вихрова Т.В. Некоторые аспекты Булавинского восстания [Первые областные краеведческие чтения, 28 мая 1997 г.] // Луганская республиканская науч. библиотека им. М. Горького. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib-lg.com/index.php/eshchjo/kollegam/nauchno-issledovatelskaya-deyatelnost-lrunb-im-gorkogo/123-pervye-oblastnye-kraevedcheskie-chteniya>.
5. Возгрин В.Е. Военно-политический конфликт во время пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (К 200-летию подписания Тильзитского договора). Мат-лы международ. науч. конф., Санкт-Петербург, декабрь 2007 г. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 57–75.
6. Лесин В.И. Ещё раз о характере движения под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина // Проблемы источниковедения и отечественной истории (Памяти А.П. Пронштейна) / отв. ред. И.М. Узнаров. Ростов н/Д.: Ростов. гос. ун-т, 1999. С. 146–163.
7. Лесин В.И. Силуэты русского бунта. М.: Центрполиграф, 2007. 332 с.
8. Масуренков Ю.П. Цари и атаманы. Хроника отношений Дона и Метрополии в 1649–1709 гг., с комментариями. М.: ГЕОС, 2018. 309 с.
9. Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. Сб. ст. к 100-

- летию со дня рождения Н.М. Дружинина /отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1986. С. 68–74.
10. Павленко Н.И. Пётр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
11. Павленко Н.И. Расказывание по-петровски. Нехрестоматийный взгляд на Кондратия Булавина и его восстание // Родина. 1997. № 7. С. 28–32.
12. Пилипчук Я.В. Христианское воинство Крымского ханства // GLOBAL-Turk. 2016. № 3/4. С. 147–159.
13. Пронитейн А.П., Минников Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д.: Ростов. гос. ун-т, 1983. 420 с.
14. Смирнов И.В. Век нынешний и век минувший. Диptyх к большому переименованию // Знание – сила. 1990. № 12. С. 8–14.
15. Смирнов И.В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107.
16. Тепкеев В.Т. Участие калмыков в подавлении Булавинского восстания // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 6–19.
17. Трефилов Е.Н. «Чтоб над нами Русь не владела»: отношение донских казаков участников восстания под предводительством К.А. Булавина (1707–1708) к России и русским // Российская история. 2022. № 2. С. 100–110.
18. Шкваров А.Г. Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям казачьим». Хельсинки; СПб.: Алтейя, 2012. 415 с.
19. Шкваров А.Г. Пётр I и казаки. СПб.: Алтейя, 2010. 453 с..

Об авторе:

УСЕНКО Олег Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, исторический факультет, Тверской государственный университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: olegusenko1965@yandex.ru

BULAVIN UPRISE IN THE RUSSIAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY (SYSTEM ANALYSIS)

O.G. Usenko

The Tver State University, Tver, Russia

The article is an analysis of Russian-language scientific publications devoted to the uprising that began under the leadership of K.A. Bulavin in 1707 in the Don Cossacks Region. The basis of the analysis is a systematic approach. In accordance with it, historiographical information about the actions of the rebels, the actions of their enemies and the authorities, the results of the uprising, the causes of its defeat and its consequences are studied separately. The conducted research has shown that the Bulavin uprising has been studied unevenly and that every aspect of it is the subject of discussion. In addition, the author concluded that further study of the Bulavin uprising will be effective if a researcher refuses unreliable historiographical declarations. This refers to declarations that have not been veri-

fied by comparison to primary sources.

Keywords: *Bulavin uprising, rebellion, Don Cossacks, historiography, system approach..*

About the author:

USENKO Oleg Grigorievich – Candidate of History, Associate Professor, Department of Russian History, Faculty of History, Tver State University (170100, Russia, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, office 207), e-mail: olegusenko1965@yandex.ru

References:

- Avakov P.A., *Azovskij pohod bulavincev 1708 g., Menshikovskie chteniya. Nauchnyj al'manah*, SPb., 2015, Vyp. 6 (15).
- Avakov P.A., *ZHizn' kazakov-nekrasovcev na Kubani v 1710–1711 gg. v svete novyh dannyh*, Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshtejna i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoy nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossijskogo uchyonogo). Mat-ly Vseros. (s mezdunarod. uchastiem) nauch.-prakt. konf. (g. Rostov-na-Donu, 4–5 aprelya 2014 g.), Rostov n/D., 2014.
- Avakov P.A., *CHerkassk i Bulavinskoe vosstanie v 1708 g. (nekhrestomatijnaya hronika)*, Kazachestvo Rossii v buntah, smutah i revolyuciyah (k stoletiyu sobytij 1917 goda). Mat-ly Vseros. nauch. konf. (g. Rostov-na-Donu, 4–5 oktyabrya 2017 g.), Rostov n/D., 2017.
- Vihrova T.V., *Nekotorye aspekyt Bulavinskogo vosstaniya [Pervye oblastnye kraevedcheskie chteniya, 28 maya 1997 g.]*, Luganskaya respublikanskaya nauch. biblioteka im. M. Gor'kogo. URL: <http://lib-lg.com/index.php/eshchjo/kollegam/nauchno-issledovatelskaya-deyatelnost-lrunb-im-gorkogo/123-pervye-oblantnye-kraevedcheskie-chteniya>.
- Vozgrin V.E., *Voenno-politicheskij konflikt vo vremya prebyvaniya Karla XII v Turcii (1709–1714)*, Problemy vojny i mira v epohu Novogo i Novejshego vremeni. (K 200-letiyu podpisaniya Til'zitskogo dogovora). Mat-ly mezdunarod. nauch. konf., Sankt-Peterburg, dekabr' 2007 g., SPb., 2008.
- Lesin V.I., *Eshchyo raz o haraktere dvizheniya pod predvoditel'stvom Kondratiya Afanas'evicha Bulavina*, Problemy istochnikovedeniya i otechestvennoj istorii (pamyati A.P. Pronshtejna), Rostov n/D, 1999.
- Lesin V.I., *Siluety russkogo bunda*, M., 2007.
- Masurenkov YU.P., *Cari i atamany. Hronika otnoshenij Doma i Metropolii v 1649–1709 gg., s kommentariyami*, M., 2018.
- Pavlenko N.I., *K voprosu o roli donskogo kazachestva v krest'yanskih vojnakh, Social'no-ekonomicheskoe razvitiye Rossii*. Sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya N.M. Druzhinina, M., 1986.
- Pavlenko N.I., *Pyotr Velikij*, M., 1994.
- Pavlenko N.I., *Raskazachivanie po-petrovski. Nekhrestomatijnyj vzglyad na Kondratiya Bulavina i ego vosstanie*, Rodina, 1997, № 7.

- Pilipchuk Y.A.V., *Hristianskoe voinstvo Krymskogo hanstva*, GLOBAL-Turk, 2016, № 3/4.
- Pronshtejn A.P., Mininkov N.A., *Krest'yanskie vojny v Rossii XVII–XVIII vekov i donskoe kazachestvo*, Rostov n/D., 1983.
- Smirnov I.V., *Vek nyneshnij i vek minuvshij. Diptih k bol'shomu pereimenovaniyu*, Znanie – sila, 1990, № 12.
- Smirnov I.V., *Nekrasovcy*, Voprosy istorii, 1986, № 8.
- Tepkeev V.T., *Uchastie kalmykov v podavlenii Bulavinskogo vosstaniya*, Novyy istoricheskij vestnik, 2017, № 3 (53).
- Trefilov E.N., «*Chtob nad nami Rus' ne vladela»: otnoshenie donskikh kazakov uchastnikov vosstaniya pod predvoditel'stvom K.A. Bulavina (1707–1708) k Rossii i russkim* // Rossijskaya istoriya. 2022. № 2.
- Shkvarov A.G., *Kazachestvo epohi Petra Velikogo. Konec «vol'nostyam kazach'im»*, Helsinki; SPb., 2012.
- Shkvarov A.G., *Pyotr I i kazaki*, SPb., 2010.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.331)”16/18”

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.093–104

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИНЫ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ¹

П.В. Гаврилов

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

В статье на основании опыта проведённых микрорегиональных исследований сформулированы историко-географические проблемы, возможные к разрешению на материалах писцовых книг Бежецкой пятины Новгородской земли. Автор отмечает, что перспективными к изучению являются: районирование моровых поветрий, области расселения малых социальных групп, территориальное деление Устьрецких волостей и колонизационный процесс в пятине, исследование количественных данных селений путём сопоставления сведений о запашке, покосах и обежному обложению групп селений разновременных рукописей. В качестве источников историко-географического исследования Бежецкой пятины могут выступать ранее не изученные список с платежной книги и материалы дозоров. Обозначенные направления исследовательской работы пополнят историографию новыми данными.

Ключевые слова: историография, историческая география, новгородские писцовые книги, Московское государство, Новгородская земля, пятиное деление.

«Микрорегиональный» подход является одним из перспективных направлений изучения новгородских писцовых книг².

Начало исследования Бежецкой пятины (вероятно, самое раннее упоминание пятины в источнике в грамоте 1482 г.)³ было положено в труде К.А. Неволина. Автор составил карту всей Новгородской земле после вхождения в состав Московского государства, на которой были отра-

¹ Научный руководитель – старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, докт. ист. наук А.А. Фролов.

² Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т.1: Исследования и таблицы. М., СПб., 2008. С. 4–5.

³ Баранов К.В. Жалованная грамота Ивана III 1482 г. // Исторический архив. 1993. № 5. С. 187–189).

жены пятиное деление, погосты, волости, города (второстепенные и главные). По локализованным погостам (всего локализовано 92 погоста) были нанесены границы пятин, в том числе Бежецкой пятини, располагавшейся в юго-восточной части Новгородской земли и разграниченной р. Мстой от Деревской пятини и р. Мдой от Обонежской. Небольшой участок северо-восточной границы Бежецкой пятини проходил по р. Колпи, а юго-восточный – по р. Медведице. К.А. Неволиным были перечислены погосты пятини, каждый снабжён комментарием, раскрывающим аргументы основания локализации⁴.

Схема К.А. Неволина стала основой районирования пятини по данным новгородских писцовых книг, предпринятой авторами «Аграрной истории северо-запада России»⁵. Составленная ими картограмма характеризует распределение в пространстве статистических данных комплекса источников. На ней изображены три области Тверской половины Бежецкой пятини, разнящиеся по плотности населения. В одной угадывается волость Слезкино Ивана Лошинского на северо-востоке, в другой – группа погостов Тверского рубежа, тяготеющая к юго-востоку. Узкой полосой от р. Мсты к р. Мологе тянется третья область – вероятно, группа селений, связанная с Новгородом, или же территория погостов книги Ф. Нелединского⁶. Белоозерская половина на карте не охарактеризована, но деление на половины было учтено составителями. Авторы стремились связывать количественные характеристики с географическим положением. Так, Г.В. Абрамович предположил, что притягательность слобод для крестьян была следствием расположения этой разновидности селений на судоходных реках. Доминированием в поселенческой структуре слобод автор объясняет и большее количество холопов и бобылей в восточных погостах пятини. Факторами миграций, по мнению Г.В. Абрамовича, являлись, во-первых, географическое положение погостов, во-вторых, смена центров экономического притяжения с Новгорода на Тверь и Москву. Исследователь выделил две группы погостов Бежецкой пятини – Тверского рубежа и Помостья. Каждая группа селений связана с хозяйственно освоенными территориями, Тверской и Новгородской землями соответственно. Автор отмечает неравноценность земель Бежецкой пятини для знати. Селения Тверского рубежа находились поблизости от торгового пути на Вологду, Тверь и Москву, чем привлекали влиятельнейших помещиков – князей Мещерских и Тибет-Улановичей.

⁴ Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты // Записки Императорского русского географического общества. Книжка VIII. СПб., 1853. С. С. 190–215.

⁵ Абрамович Г.В. Бежецкая пятина // Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. М., 1971. С. 227.

⁶ Книга Бежецкой пятини 1551 г. // Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятини. Стб. 565–834.

Другое важное наблюдение автора – о зависимости колонизационного процесса от направления течения рек. За время нахождения территории в составе Московского государства погосты, через территории которых по направлению к Твери и Москве протекали судоходные реки, дали значительный прирост населения. У исследования есть недостатки. Так, количественные данные о селениях волостей Молдино и Удомля представлены в таблицах, призванных показать «динамику» изменений размеров запашки и размеров обеж, с которых взымались подати с конца XV до 1540-х гг.⁷ К сожалению, данная идея не была развита – история селений волостей прослежена лишь по книгам С.З. Дятлова и И.Д. Вельяминова. Автор неравномерно распределил внимание между писцовыми книгами XVI в.: указал на упоминание дорог территории лишь в тех книгах, что опубликовала Археографическая комиссия в 1910 г.⁸ (Упоминания дорог перечислены исследователем в связи с их ролью в миграционной активности крестьян⁹).

А.Я. Дегтярёв, также как и Г.В. Абрамович, исследует территорию в Тверской половине Бежецкой пятини в «динамике». В XVI в. территория переживает подъём в первой половине и спад в связи с опричиной и мором во второй. Период роста населения в пятине в 1584–1600 гг. заканчивается с событиями Смутного времени, с его демографическими ударами, завершившими время относительного благополучия. Прирост населения в XVII в. автор объясняет масштабным переселением карел в южные погосты пятини¹⁰. В связи с этим самостоятельными темами к изучению являются бедствия, с которыми столкнулось население в XVI–XVII вв.

К формулировкам писцовых книг, описывающим упадок селений, обращались Н.Ф. Яницкий, Г.В. Абрамович, В.С. Жекулин. Подходы авторов XX в. несколько фрагментарны. Н.Ф. Яницкий, исследуя запустение региона, обращается к книгам, опубликованным Археографической комиссией, и к книге Белозерской пятини письма и дозора кн. Василия Андреевича Звенигородского и подьячего Игната Сергеева. В.С. Жекулин обращается лишь к фрагменту материалов дозора¹¹ (Г.В. Абрамович анализировал свидетельства о поветриях и податях по комплексу источников для 1540-ых гг.¹²). К теме поветрий в Новгородских землях обращался А.А. Се-

⁷ Абрамович Г.В. Бежецкая пятина // Аграрная история северо-запада России XVI в.: Новгородские пятини. Л., 1974. С.186–189, 226–227.

⁸ Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятини; См. Г.В. Абрамович Бежецкая пятина // Аграрная история северо-запада России XVI в.: Новгородские пятини. Л., 1974. С.189.

⁹ Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 189.

¹⁰ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерк истории сельского расселения. Л., 1980. С. 63–67.

¹¹ Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). М., 2007; Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982. С. 186; А.А. Селин Московские карантины. Борьба с «моровыми поветриями» в XVI – XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020.

¹² Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 198.

лин¹³. Подход автора подразумевает исследование трех случаев борьбы московского правительства с моровыми поветриями. Внимание автора не акцентировано на отдельных пятинах.

Более обстоятельное исследование проблемы возможно на основании материалов Бежецкой пятины. Методом подобной работы может быть прослеживание бытования селения от первого упоминания в писцовой книге до запустения, с указанием его причины. Возможна приблизительная локализация населённых пунктов, с целью районирования области распространения бедствия. В динамике это позволит предположить порядок протекания запустения. Вкупе с выявленными областями традиционного расселения появится возможность проверить, устойчивы ли подобные области относительно районов интенсивной колонизации. Из смежных с запустением проблем остаются неизвестными обстоятельства вывода Бежецкой пятины из опричнины.

Труды Г.В. Абрамовича, А.Я. Дегтярева, Н.Ф. Яницкого посвящены исследованиям данных писцовых книг пятины конца XV–XVII вв., т.е. в динамике. Исследования же А.Я. Дегтярева, А.Л. Шапиро, С.В. Шпирко, О.Н. Трапезниковой, А.А. Фролова проведены на основании результатов работы с одним описанием. Авторами при этом применён перспективный в виду историко-географической значимости результатов метод математического моделирования применительно к локализованным селениям Новгородской земли, хотя цели и алгоритмы метода разнятся от работы к работе¹⁴.

Работу К.А. Неволина продолжили авторы публикации Приходной книги новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. (впервые, упоминание о храме на территории, которая впоследствии, будет входить в состав Бежецкой пятины, обнаружили Е.Н. Носов, В.Я. Конецкий, А.Ю. Иванов¹⁵). Помимо объектов культового строительства, в ходе их изысканий локализованы границы десятин – церковных территориальных единиц¹⁶. Полага-

¹³ Селин А.А. Московские карантины. Борьба с «моровыми поветриями» в XVI – XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020.

¹⁴ Дегтярев А.Я., Шапиро А.Л. Демографическая характеристика системы поселений северо-запада Руси в XVI в. // Проблемы исторической демографии СССР. Сборник статей. Таллинн, 1977. С. 35–42; Шпирко С.В. О механизмах формирования постгностной системы в Новгородской земле (по результатам математического моделирования на материале писцовых книг конца XV в.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы VI Чтений памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2019. Вып. VI. С. 356–361; Трапезникова О.Н., Фролов А.А. Математическое моделирование и геоэкологическая оценка сельского расселения Валдайской возвышенности и его трансформации на рубеже средневековья и Нового времени // Известия Российского географического общества. СПб., 2017. Т. 149. Вып. 4. С. 46–59.

¹⁵ Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории северо-запада России (итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли. Любыйгинский археологический сборник. Любыйгино, 2002. Вып. 1. С. 37–41.

¹⁶ Анкудинов И.Ю., Фролов А.А. Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлины») М.; СПб., 2011. С. 106–119; Фролов А.А. Веб-ГИС «Новгородские храмы по приходной книге новгородского Дома

ем, что возможно исследование посвящений погостов, а также их названий. Так, погост Воскресенский в Слезкине в Венице, известный по книге И.Д. Вельяминова, иногда именуется Воскресенским в Венице, вероятно, начиная с книги Ф.М. Ласкирева и подьячего И. Иванова. В перспективе может быть составлена хронологическая схема, отражающая именования погоста-места или рядового селения в разновременных рукописях, с целью выявить изменения в именовании. Результатом подобной работы может стать более глубокое понимание волостного и погостного территориальных делений территории. Можно предполагать связь названий погостов в актовом материале и писцовых книгах.

М.Ю. Зенченко характеризует Бежецкую пятину как «своебразный мост между собственно новгородскими землями и замосковными городами». Исследователь также цитирует М.Н. Тихомирова: «её (Бежецкую пятину. – П.Г.) правильнее рассматривать как область, непосредственно связанную с Тверской землей»¹⁷.

А.А. Фролов, исследуя историю территориально-административного деления Новгородской земли до и после вхождения в состав Московского государства, уделил внимание Бежецкой пятине. Разграничение на Тверскую и Белоозерскую половины, по мнению автора, отразило порядок писцовых работ в 1530-х гг. Регион взят в опричнину после разгрома Новгорода в 1570 г. Автором с помощью разработанного под источник метода была проанализирована Роспись погостов, в результате этой работы на картограмму нанесены ямы, погосты и ямские прогоны Бежецкой пятине¹⁸. Вероятно, есть возможность углубить представления о расселении в отдельной области всей пятины. Обращение к истории средневековых населённых пунктов позволит решить проблему преемственности селений (методологическая основа подобной работы была сформулирована М.В. Витов¹⁹). Например, погосты западной части Белоозерской половины упомянуты в сохранившихся рукописях и фрагментах писцовых книгах Бежецкой пятине конца XV–XVII вв. чаще относительно других территорий. Данная историко-географическая область в документах XVII в. иногда именуется Устьрецкими волостями, но

Святой Софии 1576/77 года» [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2800000000/ (дата обращения: 12.07.2022).

¹⁷ М.Ю. Зенченко Материалы поземельных описаний Новгородской земли XV – XVII вв. Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 2. / Сост. М.Ю. Зенченко. М., 2004. С.3.

¹⁸ Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 147–148; Его же. Веб-ГИС «Новгородский административный справочник расстояний середины XVI века («Роспись погостов»)». [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2600000000/ (дата обращения: 02.03.2023).

¹⁹ Витов М.В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 231–264; Селин А.А. Историческая география Водской пятини Новгородской земли. СПб., 2003.

в то же время самые ранние фрагменты описаний селений территории датируются концом XV в.²⁰ (Территория поделена на трети: Зарецкую, Боровскую, Бельскую. Предположительно, Устремецкие волости (или волость?) обладали своеобразным территориальным делением; в основе описания территории – деление на трети²¹).

В.Л. Янин характеризует Бежецкую пятину как регион «активно продолжающейся колонизации». Впервые колонизационный процесс исследовал Г.В. Абрамович²². Подход автора подразумевал обращение к истории пятини, полупятин и групп погостов с целью изучить «динамику» в основании новых селений на их территории. Исследователь отличает починки от всех остальных типов населённых пунктов. Данное различие позволяет обнаружить регионы колонизации. Результаты статистического анализа сгруппированы автором по значительным по своим размерам территориальным единицам. Недостатком подобного подхода является отсутствие обоснования тождественности описанных селений для каждой территории. Это приводит к допущениям²³. Вероятно, более убедительным будет изучение малой выборки населённых пунктов на длительном хронологическом отрезке, или большой группы, но уже на малом временном промежутке. Кроме того колонизационный процесс следует рассматривать в контексте организации работы над целым комплексом книг, дошедших до исследователя. Среди них могут быть, например, неучтённые селения, на которые есть указания в последующих описаниях. К таким случаям можно отнести установленные факты «обвода» писцов, на которые впервые указал Н.А. Колмогоров²⁴. В.Л. Янин более подробно рассматривает наблюдение Н.А. Колмогорова²⁵. В актуальности сведений рукописей дают возможность усомниться и упоминания сельских храмов. «В Богородицком же погосте монастырек на реке на Фадрице стал 50 лет... а в писцовых кни-

²⁰ Книга Бежецкой пятини 1501 года // Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. Т. 6: Книги Бежецкой пятини. СПб., 1910. Стб. 1–34; Петрова Р.Г. Крестьяне Бежецкой пятини во второй половине XV века // История СССР. М., 1976. № 4. С. 141–153; Писцовая книга Бежецкой пятини письма Василия Григорьевича Наумова и Семена Захарьина сына Дятлова // Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. С. 14 –219; Переписные книги Тверской и Белозерской половины переписи стольника Никиты Алексеевича Зузина и подьячего Ивана Акатова // Каталог писцовых книг Русского государства / сост. М.Ю. Зенченко. М., 2004. Вып. 2. С. 119; Дозорная книга Устремецких волостей письма и дозора Кураки Кучецкого и подьячего Ивана Кишмутина // Каталог писцовых книг Русского государства. С. 87.

²¹ Отдельная книга поместий в Устремецких волостях Бежецкой пятини отдела Ивана Мельницкого // Каталог писцовых книг Русского государства. С. 116.

²² Янин В.Л. Предисловие // Новгородское землевладение XV века. М., 1994. С. 12; Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 187.

²³ Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 213.

²⁴ Колмогоров Н.А. Новгородское землевладение XV века. М., 1994. С. 37.

²⁵ Янин В.Л. Указ. Соч. С. 9.

гах тот монастырек не писан...»²⁶. Добавим к этой, что рукописи дополняют друг друга новыми данными, поэтому необходимым условием работы является обоснование тождественности состава топонимов каждой территории (волости или погоста-округа) в нескольких разновременных рукописях. Это позволит решить сразу несколько задач. Например, вовлечь в исследование количественные данные писцовых книг по каждому отдельному селению, как то размеры запашки, покосов и обеж.

Небезынтересно исследование состава жителей каждого селения и его неизбежные изменения с течением времени. На материале одного описания могут быть изучены уникальные сведения. Известно, что книга И.Д. Вельяминова содержит информацию о придачах к поместью служилого человека²⁷. Образцом работы с этими данными является труд Г.В. Абрамовича²⁸.

Перспективным направлением является исследование малых социальных групп Бежецкой пятини. Например, известно, что на территории Белоозерской половины Бежецкой пятини к началу 1581/1582 г. были испомещены «помещики немецких городов» и «татары». Путём локализации их селений можно создать цельное представление о социальных группах региона²⁹. Примечательно, что согласно источнику категории земель различены на «поместные своеземские» и «своеземские»³⁰. Примеры такой работы есть: малые социальные группы Новгородской земли исследовал А.А. Селин³¹.

Значительный объём историко-географических сведений содержат опубликованная платежная книга писцовой книги С.З. Дятлова и дозоры 1560-х гг. Платежная книга является первым источником, содержащим географические сведения о Бежецкой пятине, что делает исследование её данных приоритетной задачей³². Материалы дозоров сообщают о прибли-

²⁶ Книга Бежецкой пятини 1564 года // Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятини. Стб. 1035.

²⁷ Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М., СПб., 2017. С. 541, табл. 23.

²⁸ Абрамович Г.В. Поместная политика в период Боярского правления в России (1538–1543 гг.) // История СССР. 1979. №4. С. 192–199.

²⁹ Писцовая книга Белоозерской половины письма и дозора кн. Василия Андреевича Звенигородского и подьячего Игнатия Сергеева // Каталог писцовых книг Русского государства. С. 37–41.

³⁰ Там же. С. 37.

³¹ Селин А.А. Генеалогическая и историко-географическая заметка о своеземцах // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г.Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 319–332; Его же. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 3. С. 93–110; Его же. «Изганные из Ливонии»: Об устройстве помещиков «старых» и «новых немецких городов» после Плюсского перемирия // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 2. С. 24–35.

³² Платежная книга Бежецкой пятини // Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К.В. Баранов. С. 220–238.

зительных размерах лесов и оценке качества земли (предположительно, впервые оценка качества земли в Бежецкой пятине проведена в начале 1550-х гг.³³; данную разновидность «среза» сведений об оценке качества земель для Шелонской пятины исследовал А.Я. Дегтярев³⁴). Эти данные позволили бы более полно реконструировать хозяйственную жизнь жителей селений³⁵. Сведения опубликованных источников могут быть проанализированы в потенциальном историко-географическом исследовании хронологического «среза» данных рукописи. На их же материале может быть исследована и «динамика» социальной и хозяйственной сторон жизни селений. Проблемой на пути применения подобного метода является необходимость обоснования тождественности селений различных рукописей.

Список литературы:

1. Абрамович Г.В. Поместная политика в период Боярского правления в России (1538–1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 192–199.
2. Анкудинов И.Ю., Фролов А.А. Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлины») М.; СПб.: Альянс–Архео, 2011. – 284 с.
3. Баранов К.В. Жалованная грамота Ивана III 1482 г. // Исторический архив. 1993. №5. С. 187–189.
4. Витов М.В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 231–264.
5. Дегтярев А.Я. Показатели качества земли в писцовых книгах XVI века (достоверность и методика применения) // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 135–140.
6. Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерк истории сельского расселения. Л., 1980. – 176 с.

³³ Книга Бежецкой пятины 1551 года // Новгородские писцовые книги, изданные... Стб. 569–570, 575–576, 578.

³⁴ Дегтярев А.Я. Показатели качества земли в писцовых книгах XVI века (достоверность и методика применения) // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 135–140.

³⁵ Книга Бежецкой пятины 1564 года // Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятины. Стб. 843–1069; Писцовая книга Бежецкой пятины письма Степана Зевалова и подьячего Обиды Нестерова // Писцовые книги Новгородской земли. М., 2001. Т. 3: Книги Бежецкой пятины / сост. К.В. Баранов. С. 194; Дозорная книга части Бежецкой пятины дозора Дмитрия Григорьева сына Рязанова и подьячего Якова Никитина // Там же. С. 48–69; Дозорная книга части Бежецкой пятины дозора Ивана Григорьева сына Мусина и подьячего Якова Никитина // Каталог писцовых книг Русского государства. С. 70–154; Дозорная книга части Бежецкой пятины дозора Нелюба Шарапова сына Сарыхозина // Каталог писцовых книг Русского государства. С. 155–192.

7. Дегтярев А.Я., Шапиро А.Л. Демографическая характеристика системы поселений северо-запада Руси в XVI в. // Проблемы исторической демографии СССР. Сборник статей. Таллин, 1977. С. 35–42.
8. Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982. – 224 с.
9. Колмогоров Н.А. Новгородское землевладение XV века. М.: Физмалит, 1994. – 128 с.
10. Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории северо-запада России (итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. Любытино, 2002. С. 5–66.
11. Петрова Р.Г. Крестьяне Бежецкой пятины во второй половине XV века // История СССР. М., 1976. № 4. С. 141–153.
12. Селин А.А. «Изганные из Ливонии»: Об устройстве помещиков «старых» и «новых немецких городов» после Плюсского перемирия // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. №2. С. 24–35.
13. Селин А.А. Генеалогическая и историко-географическая заметка о своеzemцах // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г.Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 319–332.
14. Селин А.А. Историческая география Водской пятины Новгородской земли. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – 491 с.
15. Селин А.А. Московские карантины. Борьба с «моровыми поветриями» в XVI – XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб.: «Евразия», 2020. – 160 с.
16. Селин А.А. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 3. С. 93–110.
17. Трапезникова О.Н., Фролов А.А. Математическое моделирование и геоэкологическая оценка сельского расселения Валдайской возвышенности и его трансформации на рубеже средневековья и Нового времени // Известия Российского географического общества. СПб., 2017. Т. 149. Вып. 4. С. 46–59.
18. Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 147–148.
19. Фролов А.А. Веб-ГИС «Новгородские храмы по приходной книге новгородского Дома Святой Софии 1576/77 года». [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2800000000/ (дата обращения: 12.07.2022).
20. Фролов А.А. Веб-ГИС «Новгородский административный справочник расстояний середины XVI века («Роспись погостов»)». [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2600000000/ (дата обращения: 02.03.2023).

21. Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. – 648 с.
22. Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовыми книгам письма 1495–1496 годов). Т.1: Исследования и таблицы. М., СПб.: Альянс-Архео, 2008. – 368 с.
23. Шпирко С.В. О механизмах формирования погостной системы в Новгородской земле (по результатам математического моделирования на материале писцовых книг конца XV в.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы VI Чтений памяти академика РАН Л.В. Милова. Вып. VI. 2019. С. 356–361.
24. Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовыми книгами). М.: Тайс, 2007. VIII. – 151 с.

Об авторе:

Гаврилов Павел Владимирович – аспирант, Института всеобщей истории, Российской академии наук, e-mail: pashagavrilov98@mail.ru

HISTORIOGRAPHICAL CONTEXT OF THE HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL STUDY OF THE BEZHETSKAYA PYATINA

P.V. Gavrilov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article devoted to the historiography of the study of the Bezhetskaya Pyatina of the Novgorod land. Historical and geographical problems formulated on the experience of micro-regional studies of adjacent territories. The themes potential for study are the zoning of pestilence, the areas of settlement of small social groups, the territorial division of Ustritsky volosts, and the colonization process in Pyatin. The method of mathematical modeling is promising for usage. The study of quantitative data of villages is comparing information about the plowing, mowing and taxation of groups of villages of different time manuscripts. The sources of the historical and geographical research of Bezhetskaya Pyatina can be previously unexplored list from the platezhnaya book and the books of the dozors. The designated spheres of research work will replenish the historiography with new information.

Keywords: *historiography, historical geography, Novgorod scribal books, Moscow state, Novgorod land, pyatinnny division.*

About the author:

GAVRILOV Pavel Vladimirovich — postgraduate student of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Department of Auxiliary Historical Disciplines, junior researcher, e-mail: pashagavrilov98@mail.ru

References:

- Abramovich G.V., *Pomestnaya politika v period Boyarskogo pravleniya v Rossii (1538–1543 gg.)*, Istorya SSSR, 1979, № 4, S. 192–199.
- Ankudinov I.Yu., Frolov A.A., *Prihodnaya kniga novgorodskogo Doma Svyatoj Sofii 1576/77 g. («Kniga zapisi sofijskoj poshliny»)*, M., SPb., Al'yans-Arheo, 2011. 284 s.
- Baranov K.V., *Zhalovannaya gramota Ivana III 1482 г.*, Istoricheskij arhiv, 1993, № 5, S. 187–189.
- Vitov M.V., *Priemy sostavleniya kart poselenij XV–XVII vv. po dannym piscovyh i perepisnyh knig (na primere Shungskogo pogosta Obonezhskoj pyatiny)*, Problemy istochnikovedeniya, M., 1956, T. 5, S. 231–264.
- Degtyarev A.Ya., *Pokazateli kachestva zemli v piscovyh knigah XVI veka (dostovernost' i metodika primeneniya)*, Problemy istorii feodal'noj Rossii., L., 1971, S. 135–140.
- Degtyarev A.Ya., *Russkaya derevnya v XV–XVII vekah. Ocherk istorii sel'skogo rasseleniya*, L., 1980. 176 s.
- Degtyarev A.Ya., Shapiro A.L., *Demograficheskaya harakteristika sistemy poselenij severo-zapada Rusi v XVI v.*, Problemy istoricheskoy demografii SSSR. Sbornik statej, Tallinn, 1977, S. 35 — 42.
- Zhekulin V.S., *Istoricheskaya geografiya: predmet i metody*, L., 1982. 224 s.
- Kolmogorov N.A., *Novgorodskoe zemlevladenie XV veka*, M., Fizmalit, 1994. 128 s.
- Nosov E.N., Koneckij V.Ya., Ivanov A.Yu., *Kompleks arheologicheskikh pamiatnikov v doline r. Beloj v kontekste drevnej istorii severo-zapada Rossii (itogi i perspektivy izucheniya)*, U istokov Novgorodskoj zemli. Lyubytinskij arheologicheskij sbornik, Vyp. 1, Lyubytino, 2002, S. 5–66.
- Petrova R.G., *Krest'yane Bezheckoj pyatiny vo vtoroj polovine XV veka*, Istorya SSSR, M., 1976, № 4, S. 141–153.
- Selin A.A., «*Izgannye iz Livonii*: Ob ustroystve pomeshchikov «staryh» i «novykh nemeckih gorodov» posle Plyusskogo peremiriya», Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya, 2020, № 2, S. 24–35.
- Selin A.A., *Genealogicheskaya i istoriko-geograficheskaya zametka o svoezemcah*, Issledovaniya po istorii srednevekovoj Rusi. K 80-letiyu Yu.G.Alekseeva, M., SPb., 2006, S. 319–332.
- Selin A.A., *Istoricheskaya geografiya Vodskoj pyatiny Novgorodskoj zemli*, SPb., «Dmitrij Bulanin», 2003. 491 c.
- Selin A.A., *Moskovskie karantiny. Bor'ba s «morovymi povetriyami» v XVI – XVII vv. v Novgorode i Pskove*, SPb., «Evraziya», 2020. 160 s.
- Selin A.A., *Tatary-musul'mane i novokreshcheny v Novgorodskoj zemle: formirovanie i funkcionirovanie maloj social'noj gruppy (konec XVI – nachalo XVII v.)*, Quaestio Rossica, T. 4, 2016, № 3, S. 93–110.
- Trapeznikova O.N., Frolov A.A., *Matematicheskoe modelirovaniye i geokologicheskaya ocenka sel'skogo rasseleniya Valdajskoj vozvyshennosti i ego transformacii na rubezhe srednevekov'ya i Novogo vremeni*, Izvesti-

- ya Rossijskogo geograficheskogo obshchestva, SPb., 2017, T. 149, Vyp. 4, S. 46–59.
- Frolov A.A., *Administrativnaya sistema central'nyh rajonov Novgorodskoj zemli v X – nachale XVII veka v kontekste istorii territorial'nyh yurisdikcij*, Istoricheskaya geografiya, M., 2012, T. 1, S. 147–148.
- Frolov A.A., *Veb-GIS «Novgorodskie hramy po prihodnoj knige novgorodskogo Doma Svyatoj Sofii 1576/77 goda»*. [Elektronnyj resurs]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2800000000/ (data obrashcheniya: 12.07.2022).
- Frolov A.A., *Veb-GIS «Novgorodskij administrativnyj spravochnik rasstoyanij serediny XVI veka («Rospis' pogostov»)»*. [Elektronnyj resurs]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2600000000/ (data obrashcheniya: 02.03.2023).
- Frolov A.A., *Novgorodskie piscovye knigi: istochniki i metody issledovaniya*, M., SPb., Al'yans-Arheo, 2017. 648 s.
- Frolov A.A., Piotuh N.V., *Istoricheskij atlas Derevskoj pyatiny Novgorodskoj zemli (po piscovym knigam pis'ma 1495–1496 godov)*, T. 1, Issledovaniya i tablitsy, M., SPb., Al'yans-Arheo, 2008. 368 s.
- Shpirko S.V., *O mekhanizmakh formirovaniya pogostnoj sistemy v Novgorodskoj zemle (po rezul'tatam matematicheskogo modelirovaniya na materiale piscovyh knig konca XV v.)*, Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Materialy VI Chtenij pamjati akademika RAN L.V. Milova, Vyp. VI, 2019, S. 356–361.
- Yanickij N.F., *Ekonomicheskij krizis v Novgorodskoj oblasti XVI veka (po piscovym knigam)*, M., Taus, 2007. VIII. 151 s.

Статья поступила в редакцию 24.05.2022 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(73)"1809/1861"+058.214
DOI 10.26456/vthistory/2023.2.105–112

РАБСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США 20–50 ГГ. XIX ВЕКА¹

П.Е. Егоров

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

Статья посвящена анализу религиозного аспекта дискуссий о рабстве в США 20–50х гг. XIX в. На основе анализа самоидентификации противников и сторонников рабства выявлены ключевые вопросы, вокруг которых проходили общественно-политические дебаты. Автор раскрывает своеобразие нравственной культуры рабовладельцев иabolиционистов, убеждённых в своей особой «цивилизаторской» миссии. Центральное место в статье отводится их представлениям об общественном устройстве, истории, морали, христианстве, правах женщин и чернокожих. Выделены характерные черты американского провиденциализма Второго «Великого Пробуждения», а также публицистические и художественные произведения, которые пользовались популярностью в начале XIX в. В заключении сделан вывод о том, что литературная борьба за понимание рабства обществом оказала прямое влияние на расовые противоречия современной Америки.

Ключевые слова: христианство, Второе «Великое пробуждение», евангелизм, рабство,abolиционизм, публицистика, художественная литература.

В 20–50 гг. XIX в. США стояли на пороге одного из самых страшных конфликтов в своей истории. Гражданская война завершилась более 150 лет назад, но борьба за её интерпретацию продолжается. В течение нескольких лет в США сносят памятники тем, кого современное общество считает расистами. Уже пали с постаментов Х. Колумб, Т. Джефферсон, Д. Дэвис и генерал Р. Ли. Однако на многие вопросы, которые тянутся с XIX в., нет исчерпывающих ответов. Имеют ли право люди, живущие в XXI в., давать оценку деятельности человека XVIII–XIX столетия? Почему Север решил сопротивляться отделению Юга?

---

¹ Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского А.М. Ермаков.

Безусловно, многие вопросы современности уходят корнями в далёкое прошлое. Американская историография по сей день идет двумя разными дорогами, которые условно можно назвать «северной» и «южной». С начала XX в. часть профессиональных историков интерпретировала события с позиции рабовладельцев. Виновниками конфликта были названы радикалы-аболиционисты, которые с помощью прессы разжигали гражданские разногласия². Ученые стремились опровергнуть утверждения о греховности и порочности рабства. Свет увидело множество работ, разделяющих подобную точку зрения: «Был ли прав Джонсон Дэвис?»³. Исследователи доказывали, что к 1850 г. рабство достигло пика, и, если бы не «бессмысленная деятельность»abolиционистов, исчезло бы мирным путём. Подсчитав суммы, которые были потрачены на войну, они делали вывод, что на эти деньги правительство могло выкупить всех рабов. В духе апологетов рабства историки заявляли, что Север отличался от Юга географически, ментально, а Гражданская война – следствие насилия. Южанин приобрёл образ «жертвы» - человека «второго сорта», который подвергался насмешкам.

До сих пор идентичности двух блоков изучены недостаточно, в первую очередь Севера. Историки чаще предпочитают обращаться к документальным источникам. Публицистика, мемуары и художественная литература отходят на второй план. Однако для изучения духовной культуры они незаменимы. Люди, воздвигнутые на постаменты, имели собственное мнение на поставленные вопросы. Значительная часть американских историков считают, что религиозные разногласия сыграли большую роль в конфликте между Севером и Югом. Ещё в 1933 г. Г. Барнс написал монографию «Импульс против рабства, 1830–1844 г.»⁴. Он считал религиозный фактор определяющим в борьбе против рабства. Книга породила широкие дискуссии, которые актуальны по сей день. Историк Захарова назвала работу Барнса «противоречащей научной объективности»⁵. Заслуги отечественных ученых в исследовании американской культуры и религии велики. Кислова⁶ и Нитобург⁷ изучали христианские конфессии США, роль религиозных организаций в общественно-политической жизни страны. Однако мало кто рассматривает христианство в качестве прогрессивной силы в преддверии гражданской войны. Наоборот, авторы изображают церковь скорее в качестве консервативного института.

20–50 гг. XIX в. являются феноменом в американской истории. Большинство современников описывали первую половину столетия как период «духовного упадка» – время господства алчности, эгоизма, атеизма

² Kennedy W., Harrison B. Myths of American Slavery. Gretna, 2003.

³ Kennedy W., Kennedy J. Was Jefferson Davis Right? Gretna, 1998.

⁴ Barnes G. The antislavery impulse, 1830–1844. New York, 1957.

⁵ Захарова М.Н. Народное движение в США против рабства. М., 1965.

⁶ Кислова А.А. Религия и церковь в общественно-политической жизни США 1 пол. XIX века. М., 1989.

⁷ Нитобург Э.Л. США: церковь афроамериканцев XVIII–XIX вв. М., 1995.

и рабства. В конце XVIII в. христианство не пользовалось такой популярностью, как ценности эпохи Просвещения, Республиканского Рима, древней Греции. В Новой Англии от былого авторитарного пуританского стиля не осталось и следа. Только ленивый не высмеивал доктрины, которые когда-то казались незыблемыми. Прихожане отныне не ценили проповеди с их «утомительным однообразием». Публика переключилась на легкую литературу: журналы и романы⁸. В это время стали заметны непреодолимые различия между Севером и Югом. Широко обсуждались цивилизационный, расовый, гендерный и религиозный вопросы.

В Новой Англии было немало людей, которых беспокоил упадок нравственности и морали. Отчасти они возлагали ответственность на своих предков, которые начали преследовать инакомыслящих. Чувство вины за пуританское прошлое нашло отражение в творчестве Н. Готорна, Г. Лонгфелло, Дж. Лоуэлла, Г. Бичер-Стоун, Р. Хилдрета и Дж. Уиттъера. Видное место в их работах занимали жестокие пуританские священники, рабовладельцы и жертвы суеверий. В качестве последних выступали разные социальные группы: квакеры, женщины, чернокожие, индейцы, религиозные диссиденты. Подлинными героями являлись люди, «свободные духом», которые не побоялись бросить вызов предрассудкам толпы.

Писатели противопоставляли Север Югу. Первый – «Сияющий град на холме», второй – «Содом и Гоморра». В большинстве произведений присутствует чувство тревожности. В стихотворении «Корабль работогородцев» Уиттъер пишет: «Дух демократических институтов США падал с небес как Люцифер... Южане засевают могилы отцов самыми отвратительными сорняками позора. Но для нас и наших детей клятва, данная нами во имя свободы и человечности, зарегистрирована на Небесах»⁹. По словам автора, южане нарушают «законы Творца» и угрожают основам государства. Лидия Чайлд писала: «Рабовладельцы возомнили, что они рождены, чтобы править, а мы – подчиняться... Подобно средневековым баронам они не приемлют правительства, способного помешать их интересам»¹⁰. Большое негодование вызывало желание плантаторов обосновать законность рабства с помощью Библии.

Противоположной точки зрения придерживались южные писатели: У. Симмс, Д. Кеннеди, Н. Такер, Д. Кук. К. Хентц. Слово «Юг» для них имело сакральное значение. Примерно с 20-х гг. XIX в. его интерпретировали как «республику, построенную по античным образцам». Южане считали, что стоят у истоков американской идентичности: «землевладельцы без примеси инородного сплава». Их колонии возникли раньше, и большинство отцов-основателей были рабовладельцами. Они сравнивали себя с римлянами и

⁸ Sernett M. Abolition's axe: Beriah Green, Oneida Institute, and the Black freedom struggle. New York, 1986. P. 11.

⁹ Whittier J. Poems. New York, 1893. P. 79–82.

¹⁰ Child L. An appeal in favor of that class of Americans called Africans. New York, 1836. P. 113.

греками – «доминирующей звездой» Союза¹¹. Жители Севера – «янки», европейские мигранты и «варвары» – подвергаются презрению. На станицах этих работ воспитанный интеллигент, «аристократ и джентльмен» бросает вызов «фанатичному» проповеднику «Севера». Такер в романе «Лидер партизан» писал: «Север желает заполучить власть в союзе и превратить землю Вашингтона, Джейфферсона, Мэдисона и Рэндольфов в провинцию»¹².

Примерно в это время в Новой Англии проповедники-евангелисты призывали к «моральному перерождению» нации¹³. Наиболее подробно этот процесс описал пресвитерианский священник Ч. Финней в «Лекциях о возрожденной религии». Он разделил историю на эпохи «роста» религиозного сознания и «падения». Во время второго периода человеческий разум «спит». Люди не замечают, что нарушают принципы, которые когда-то для них казались незыблемыми. В XIX в. главным пороком Финней считал рабство: «Великий национальный грех». Церковь сможет с ними справиться, когда люди начнут отличать правду от лжи¹⁴.

В ходе Второго «Великого Пробуждения» проявился американский провиденциализм. Противники рабства были убеждены, что Библия является «первой хартией прав человека». Проповедник Б. Грин писал, что большинство всегда относилось безразлично к «царящему вокруг беззаконию». Однако ему противостояло незначительное меньшинство. Яркий пример – Моисей и Иисус Христос. Они установили правила взаимоотношений между людьми. После смерти Христа многие из его учеников «пристрастились к идолопоклонничеству, патриотизму, освещенному религиозными взглядами, повязли в коррупции и упивались кровью». Евреи вымогали у своих языческих братьев признание собственного превосходства. Люди воевали и убивали друг друга. Так в мире проявило себя зло: «Веревка, скрученная в аду, способная задушить церковь»¹⁵. Американские протестанты считали, что у них особая миссия – объединить народы в рамках одной, единой христианской морали, прекратить «войну всех против всех». Д. Фицхью писал: «Противники рабства собирались строить странное и непонятное “тысячелетнее царство христиан” ("approximating millennium"), где будут господствовать свобода и любовь (“system of Free Love”)»¹⁶.

Долгое время вопрос рабства был предан табу. Однако все изменились 22 августа 1831 г., когда раб Н. Тернер решил, что Бог велел ему, подобно Моисею, освободить чернокожих из рабства. Это событие породило

¹¹ Kennedy J. Swallow Barn, Or A Sojourn in the Old Dominion. New-York, 1853. P. 70–75.

¹² Tucker B. The partisan leader. New York, 1861. P. 36–50.

¹³ Lesick L. The Lane rebels: evangelicalism and antislavery in antebellum America. New Jersey, 1980. P. 6.

¹⁴ Finney C. Lectures on Revivals of Religion. New York, 1835.

¹⁵ Green B. Four sermons preached in the chapel of the Western Reserve College: on Lord's Days, November 18th and 25th, and December 2nd and 9th. Cleveland, 1833. P. 10–19.

¹⁶ Fitzhugh G. Cannibals all! or, Slaves without masters. Richmond, 1857. P. XVI.

общественные обсуждения¹⁷. Основные направления дискуссий нашли воплощение в работах У. Гаррисона, Л. Чайлд, А. Гrimке и Т. Уэлда, Б. Грина, Д. Уокера, Т. Дью, У. Харпера, Д. Хаммонда и У. Симмса. Все дискуссии можно разделить на несколько вопросов.

Первый: является ли американское рабство уникальным явлением? Сторонники «особого института» сравнивали его с патриархальным рабством Ветхого Завета. Писатели создавали образ Юга в качестве «райского сада», где жил «патриарх» – хозяин плантации, его семья и чернокожие. Как писал Б. Холл: «Рабы поют от счастья как птицы в клетке и не уйдут, даже если дверь намеренно оставить открытой»¹⁸.

Аболиционисты считали, что «особый институт» не имеет ничего общего с патриархальным рабством. А. Гrimке и Т. Уэлд утверждали, что в библейские времена рабами становились в основном воры и военнопленные. Человек мог сам продать себя в рабство. Существовали явные отличия одной системы от другой. Евреи допускали наследование рабами имущества своего бездетного хозяина и ношение оружия. Нельзя было возвращать рабов, спасающихся бегством: «Не предай господину его раба, сбежавшего к тебе. Он будет жить с тобой: на том месте, которое он выберет. Не притесняй его». По мнению Гrimке, подобная система отношений между людьми возникала в связи с состраданием к слабым. В «Призывае к христианкам юга» она писала: «Похоже ли это на южное рабство? Готовы ли южане дать своим рабам мечи и пистолеты?» Однако существовал еще один способ сделать человека рабом: «Украдь, а затем продать в рабство “за 20 серебренников”»¹⁹. С точки зрения авторов, белые поступили с чернокожими как братья с Иосифом.

Второй вопрос: противоречит ли рабство Библии? Рабовладельцы заявляли, что чернокожие не могут жаловаться на своё положение, потому что «такими их создал Бог». Т. Дью писал: «Рабство было установлено Небесами даже среди детей Израиля»²⁰. К. Хейнц в романе «Северная невеста плантатора» отмечала, что природа провела жирную черту между белыми и чёрными: «разделила их как полевых зверей, птиц небесных и рыб морских»²¹. Писательница М. Истмен ссыпалась на «проклятие Хама». Согласно нему, чернокожие являются потомками сына Ноя, который проявил неуважение к отцу. За этот грех его потомки (чернокожие) были приговорены к вечному рабству у своих белых собратьев²².

В 1829 г. чернокожийabolиционист Д. Уокер опубликовал «Обращение к цветным гражданам мира». Он называл американское рабство неза-

¹⁷ Dew T. Review of the debate [on the abolition of slavery] in the Virginia legislature of 1831 and 1832. Richmond, 1832. P. 8.

¹⁸ Hall B. Frank Freeman's barber shop. New York, 1852. P. 12

¹⁹ Grimke A. Appeal to the Christian women of the South. New York, 1836. P. 4–10.

²⁰ Dew T. Review of the debate [on the abolition of slavery] in the Virginia legislature of 1831 and 1832. Richmond, 1832. P. 9

²¹ Hentz C. The planter's northern bride. Philadelphia, 1854. P. 208.

²² Eastman M. Aunt Phillis's Cabin. Philadelphia, 1852. P. 11–24.

конным: «Египтяне, которые были язычниками, обращались с израильтянами лучше, чем “христианнейший народ” США [с чернокожими]». Рабский труд противоречит законам Творца, поэтому за преступлением неминуемо последует наказание: «Бог не в состоянии наказать тиранов через угнетенных, но наш Бог, навлечет на них другие разрушения...»²³. В этих строках отражена одна из ключевых мыслей аболиционистов. Страна неминуемо движется к катастрофе – «судному дню». Подобные мотивы можно встретить в работах других чернокожих авторов. В 1829 г. были опубликованы стихи Д. Хортона «Жалоба раба». Он считал, что однажды чернокожие получат свободу благодаря «Небесам». Лонгфелло в «Стихах о рабстве» назвал рабство «феодальным проклятьем». На страницах его работ чернокожие задумываются о «победе Израиля», «гибели фараона и его войска»²⁴.

Третий вопрос: должны ли американцы оказывать помощь рабам? Уокер писал, что белые обязаны помочь афроамериканцам выбраться из этого ужасного состояния: создавать школы, заниматься просвещением, доказывать равенство двух рас. Многие призывали к «Крестовому походу» против рабства. Б. Грин предлагал публично разоблачить этот страшный грех: «Нужно иметь ангельское копьё, прикосновение которого ввергнёт жабу в её надлежащую форму». Однако, когда «зло» приобретет своё «истинное лицо», пробудится «дьявол». Филантропа, который осмелится принести «луч света» в лоно раба, ожидает лишь «презрение, позор, насилие и шум обезумевшей толпы»²⁵.

В 1831 г. вышла книга «Мысли об Африканской колонизации» У. Гаррисона. Автор поставил перед нацией следующий вопрос: «Соответствуют ли доктрины “Американского колонизационного общества” принципам Евангелия?»²⁶. Создав для рабов возможность эмиграции, рабовладельцы избавляются от всех несогласных. Сторонники колонизации приобретают образ «книжников и фарисеев», которые «убаюкивают страну смертельным сном». Конституция США для него не является безусловным авторитетом: «Я бесстрашно сражаюсь с этими пропагандистами с Декларацией независимости в одной руке и Библией в другой»²⁷.

Если аболиционисты цитировали «Декларацию независимости», то апологетики рабства назвали её «украшением, а не сущностью». Они считали её идеи софистическими и бессмысленными: «У людей никогда не было и не может быть “неотчуждаемых прав”. Единственное право, которое дано человеку от рождения – право на смерть. Так как жизнь любого

²³ Walker D. Appeal to the Colored Citizens of the World. Boston, 1829. P. 2–6.

²⁴ Horton G. The Hope of Liberty. Raleigh, 1829. P. 10–22.

²⁵ Green B. Four sermons preached in the chapel of the Western Reserve College: on Lord's Days, November 18th and 25th, and December 2nd and 9th. Cleveland, 1833. P. 10–19.

²⁶ Garrison W. Thoughts on African colonization. Boston, 1832. P. 8–12.

²⁷ Ibid. P. 75.

человека конечна»²⁸. Рабовладельцы называлиabolиционистов «лжепророками», «фанатиками, несущими чушь», «самонадеянными догматиками». Рабам нет необходимости получать образование: «Сложно найти рабов, читающих что-либо кроме Библии. Труд полезнее всех проповедников и книг вместе взятых»²⁹.

Таким образом, в XIX в. расовые противоречия были тесно связаны с религиозным, гендерным и цивилизационным вопросами. Значительная часть аргументов южан о безгрешности рабства были лукавством. Они считали, что «особый институт» является неотъемлемой частью американской идентичности, и стремились распространить его на территории, которые принадлежали всему Союзу. На протяжении 20–50х гг. политики и общественные деятели Юга прибегали к угрозам и шантажу. Они открыто заявляли, что никогда не примут власть «аболиционистов» и будут защищать свои права и собственность с оружием в руках. Их действия можно охарактеризовать лишь традиционным для историографии понятием – мятеж. В настоящее время отделить Юг от рабства сложно. Это должны были сделать люди, жившие в то время. Однако практически никто не выступил против работ Дью, Харпера, Хаммонда, Симмса и Хейнц. Напротив, многие пошли сражаться на стороне Конфедерации. К сожалению, последствия этой пропаганды явно недооценены. Винитьabolиционистов в том, что они «разжигали гражданские разногласия», абсурдно. Только ко второй половине XX в. американские историки стали открыто называть то, что происходило на Юге до Гражданской войны, преступлением. Полного признания не произошло до сих пор. Желающих брать на себя историческую ответственность немного. Наоборот, историки пытаются изобразить, что «все было сложнее», а сравнивать ценности человека XIX и XXI вв. недопустимо. В итоге возникает картина, что в начале Гражданской войны и расовых конфликтах виноват кто угодно кроме рабовладельцев Юга.

Список литературы:

1. Barnes G. The antislavery impulse, 1830–1844. Now York: Gloucester, Mass. P. Smith, 1957. – 298 p.
2. Bercovitch S. The Cambridge History of American Literature: Volume 4: 1810–1910. New York: Cambridge University Press, 2004. – 564 p.
3. Kennedy W., Kennedy J. Was Jefferson Davis Right? Gretna: Pelican Publishing, 1998. – 320 p.
4. Kennedy W., Harrison B. Myths of American Slavery. Gretna: Pelican Publishing, 2003. – 278 p.
5. Lesick L. The Lane rebels: evangelicalism and antislavery in antebellum America. New Jersey: Scarecrow Press, 1980. – 278 p.

²⁸ Harper C., Hammond G., Simms D., Dew T. The pro-slavery argument, as maintained by the most distinguished writers of the southern states. Philadelphia, 1853. P. 4–7.

²⁹ Ibid. P. 36

6. Noll M. The Rise of Evangelicalism: The Age of Edwards, Whitefield and the Wesleys Downers Grove: Inter-Varsity, 2003. – 330 p.
7. Sernett M. Abolition's axe: Beriah Green, Oneida Institute, and the Black freedom struggle. Now York: Syracuse University Press, 1986. – 199 p.

Об авторе:

ЕГОРОВ Павел Евгеньевич – аспирант, кафедра всеобщей истории, исторический факультет, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Республикаанская, 108/1); e-mail: egorovf.pavel@gmail.com

SLAVERY AND THE RELIGIOUS QUESTION IN PUBLICISM AND FICTION IN THE USA IN 20-50 YEARS XIX CENTURY

P.E. Egorov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

The article devoted to the analysis of the religious aspect of discussions about slavery in the USA in the 20–50s. XIX century. Based on the analysis of the self-identification of opponents and supporters of slavery, the key issues around which the socio-political debate took place were identified. The author reveals the originality of the moral culture of slave owners and abolitionists, convinced of their special "civilizing" mission. The central place in the article is given to their ideas about the social structure, history, morality, Christianity, the rights of women and blacks. The characteristic features of the American providentialism of the Second «Great Awakening», as well as journalistic and artistic works that were popular at the beginning of the 19th century, are highlighted. In conclusion, it is concluded that the literary struggle for the understanding of slavery by society had a direct impact on the racial contradictions of modern America.

Keywords: Christianity, The Second «Great Awakening», evangelism, slavery, abolitionism, journalism, fiction.

About the author:

EGOROV Pavel Evgenievich – Post-graduate student, Department of World History, Faculty of History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Russia, 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya street, 108/1); e-mail: egorovf.pavel@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.04.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 374.7”1914/1917”

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.113–122

«МОБИЛИЗАЦИЯ СПОРТА» В СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

А.И. Потворов

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск, Россия

В статье на основании архивных материалов, периодической печати и источников личного происхождения раскрывается значение программы «мобилизация спорта» в процессе подготовки потенциальных призывников в условиях крайней необходимости пополнения действующей армии резервистами после ряда военных неудач весны 1915 г. Особое внимание уделяется роли главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи В.Н. Воейкова в разработке концепции специальной физической подготовки и обучению военному строю учащейся молодежи. В статье выделяются общие особенности претворения «мобилизации спорта» в российской образовательной среде, прежде всего в средних учебных заведениях, показаны итоги реализации программы, выявляются причины её сворачивания летом 1917 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, Министерство народного просвещения, «мобилизация спорта», В.Н. Воейков, средние учебные заведения.

В начале сентября 1915 г. управление генерал-квартирмейстерства в штабе Верховного главнокомандующего подготовило доклад, в котором рассматривалась возможность «привлечь призываемых для обязательного обучения элементарным частям строевого пехотного устава в течение льготного времени до призыва», в результате чего «запасные батальоны получили бы не сырой материал, а людей уже полуподготовленных»². Способы и порядок привлечения к допризывной подготовке предлагалось сов-

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. Академика И.Г. Петровского И.В. Алферова.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1734. Л. 2.

местно определить военному министру и министру внутренних дел. Доклад был подписан начальником штаба генералом от инфантерии Михаилом Васильевичем Алексеевым и представлен на рассмотрение Николаю II, который его и одобрил.

М.В. Алексеевым 20 сентября 1915 г. было направлено письмо непосредственно военному министру А.А. Поливанову, в котором он предложил возможные способы реализации вышеизложенных предложений. Так, например, в школах всех «ведомств и разрядов» предварительное обучение, по мнению автора, могло быть возложено на преподавателей гимнастики. В местностях, где имелись воинские части и управления уездных воинских начальников, молодые люди, не посещавшие какие-либо учебные заведения, могли в них проходить предварительную подготовку. В деревни рекомендовалось посыпать унтер-офицеров или привлекать к обучению выздоравливающих офицеров. Кроме этого, повсеместно предлагалось использовать имеющийся потенциал спортивных организаций и обществ³.

Идея допризывного военного обучения родилась не вдруг. Уже к весне 1915 г. был практически исчерпан подготовленный в довоенное время боевой резерв российской армии, а неудачная летняя кампания усугубила проблемы недокомплекта. Военному командованию пришлось принимать срочные меры. Так, по подсчётом ставки, с октября 1915 г. по февраль 1916 г. предстояло призвать в армию более 2 млн человек⁴, которых затем необходимо было отправить в запасные батальоны для прохождения специальной подготовки. В зависимости от ситуации на фронте ее сроки варьировались от 1 до 5 месяцев⁵. В условиях крайней необходимости пополнения действующей армии программы подготовки резервистов упрощались, а время её реализации сокращалось, что не могло не сказаться на качестве полученных результатов.

«Сознание настоятельной нужды в допризывной подготовке приываемых людей с целью ускорения последующего их обучения в войсках», – и побудило главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи генерал-майора свиты императора Владимира Николаевича Войкова в сентябре 1915 г. обратиться с соответствующими предложениями к М.В. Алексееву, а после получения его одобрения с всеподданнейшим докладом к Николаю II, в котором он изложил программу под названием «Мобилизация спорта»⁶.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1734. Л. 9–9 об.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Коняев Р.В. Огневая подготовка нижних чинов в запасных частях Омского военного округа в годы Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2018. № 4. С. 16.

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1734. Л. 4–5.

Необходимо отметить, что В.Н. Воейков активно занимался развитием российского спорта уже с начала XX в.⁷ Его деятельность была сосредоточена на популяризации физического воспитания как среди гражданского населения, так и в армии. В это время вопрос об улучшении боевой физической подготовки комбатантов решался во многих европейских государствах, в связи с чем создавались национальные гимнастические системы: немецкая, французская, шведская, чешская («сокольская»). В Российской империи проблема становилась особенно актуальной после поражения в Русско-японской войне.

Так, уже в 1906 г. В.Н. Воейков, флигель-адъютант Кавалергардского полка императрицы Марии Федоровны, вошел в состав комиссии, которая была создана для изучения условий казарменной жизни и физического воспитания нижних чинов гвардии. «Будучи знаком с постановкой физического развития во многих частях гвардии, – вспоминал он впоследствии, – я предложил составить новую систему обучения войск гимнастике, ввести в войсках спортивные состязания и учредить школы для подготовки руководителей гимнастики и спорта»⁸. Во время его командования лейб-гвардии гусарским полком он действительно разработал, при участии основателя сокольского движения в Российской империи В. Вихра, проект «Наставление для обучения войск гимнастике», принятый уже в качестве официального документа в ноябре 1910 г. в российской армии.

Параллельно В.Н. Воейков активно продвигал введение в мужских учебных заведениях преподавания гимнастики и военного строя. Его официальная должность главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи, на которую он был назначен 7 июня 1913 г., предусматривала «общее наблюдение за постановкой упомянутого дела и ближайшее руководство им в учебных заведениях, а также принятие надлежащих мер к объединению деятельности частных учреждений и обществ, преследующих вышеуказанную цель – физическое развитие населения»⁹.

При главнонаблюдающем указом императора 8 февраля 1914 г. был создан в качестве совещательного и вспомогательного учреждения Временный совет для разработки предложений об организации физического развития народонаселения империи¹⁰. В состав Совета включались представители православного исповедания, Императорского двора, учреждений императрицы Марии, Императорского человеколюбивого общества, Императорского Александровского лицея, а также всех ведущих министерств, «предоставив право председателю Совета приглашать к участию в заняти-

⁷ Князев М.А. Государственная деятельность В.Н. Воейкова в контексте российской истории начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 43–51.

⁸ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцовового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 20.

⁹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460. Л. 131.

¹⁰ Там же. Л. 188.

ях оного, на правах членов, общественных деятелей и частных лиц, сведущих в вопросах физического развития»¹¹.

С началом Первой мировой войны работа главнонаблюдающего по разработке законопроекта об особом учреждении для заведования делом физической культуры практически прекратилась. Тем не менее Временным советом продолжала оказываться материальная помощь ряду спортивных кружков, а также осуществлялась поддержка вновь образуемым обществам, например, «Обществу содействия физическому развитию молодежи» и обществу «Русский скаут». При активном содействии главнонаблюдающего в Москве, Киеве и Харькове началось возведение стадионов для массового занятия спортом¹².

В это же время совместно с Министерством народного просвещения была создана комиссия для разработки программы физического развития в средней школе, составлен проект физического воспитания для женских учебных заведений, планировалось введение физкультуры в низшей школе¹³.

Продолжавшиеся военные действия и возникшая необходимость подготовки большого количества резервистов в короткие сроки и привели В.Н. Войкова к мысли об использовании потенциала российских спортивных организаций для предварительного военного обучения молодежи. Эти намерения получили название «мобилизация спорта», смысл которого заключался, согласно объяснениям главнонаблюдающего, в том, чтобы обучить в спортивных организациях людей, которые после сдачи экзаменов в специальных комиссиях, могли использоваться для подготовки новобранцев в качестве инструкторов или же сами поступать на службу в армию, уже будучи знакомыми с военной подготовкой¹⁴.

В настоящий момент в российской историографии насчитывается ряд работ, посвящённых организации предвоенной подготовки призывников в годы Первой мировой войны. В своих изысканиях исследователи сосредотачиваются в основном на реализации «мобилизации спорта» на региональном материале, выделяя этапы становления обучения, выявляя материальные и организационные сложности функционирования военноспортивных комитетов на местах¹⁵. Однако можно констатировать, что от-

¹¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460. Л. 188 об.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 1778. Оп. 1. Д. 43. Л. 6 об.

¹³ Там же. Л. 6 об.–7.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 179. Л. 4.

¹⁵ См.: Белюков Д.А. Подготовка допризывников Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 21–25; Валитов А.А., Сулимов В.С. Военно-спортивный комитет в Таре периода Первой мировой войны // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 10 (38). С 50–53; Ватник Н.С. Организация военной подготовки учащихся в 1915–1917 гг. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 71–84; Карпова Н.В. Псковский военно-спортивный комитет в 1916–1917 гг. и допризывная подготовка учащихся // «Псков». Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. Вып. № 30. С. 54–57; Коняев Р.В. Огневая подготовка нижних чинов в запасных частях Омского военного округа в годы Первой мировой

существуют исследования, которые бы интерпретировали значение «мобилизации спорта» в рамках государственной политики в отношении потенциальных резервистов, подводили бы итоги реализации программы в масштабах страны.

Обсуждение вопроса о «мобилизации спорта» состоялось на заседаниях Временного совета 7 и 29 сентября 1915 г. На них присутствовали не только представители от различных ведомств, но и руководители спортивных союзов, сокольства, русского скаутизма и необъединенных обществ Петрограда, Москвы, Риги и других городов.

Совет поддержал идею В.Н. Воейкова и высказал предложение внедрить «обязательное обучение строю в трех старших классах средней школы с объяснением элементарных топографических условий местности с военной точки зрения, при указании необходимости усиления гимнастики и физических упражнений в низших классах»¹⁶. Предполагая, что таким образом будут сокращены расходы казны на содержание новобранцев, Совет счел желательным субсидирование обществ по 50 руб. за первого прошедшего предвоенную подготовку и по 20–25 руб. за последующих.

По итогам заседаний Совета В.Н. Воейковым и после одобрения проекта А.М. Алексеевым был подготовлен всеподданнейший доклад, к которому прилагались: проект программы знаний для молодежи, подлежащей призыву в действующую армию; проект оснований для работы спортивных, гимнастических и других организаций по мобилизации спорта; проект инструкций о порядке действий военно-спортивных комитетов по мобилизации спорта. Кроме этого, в качестве эксперимента уже в первой половине сентября была начата работа по подготовке инструкторов в некоторых организациях Москвы и Петрограда, а при Главной гимнастическо-фехтовальной школе было начата подготовка 200 молодых людей¹⁷ (Главная гимнастическо-фехтовальная школа была учреждена высочайшим повелением от 17 мая 1909 г. Цель создания школы – подготовка преподавателей гимнастики и фехтования для войск и самой школы, а также, разработка и внедрение методических рекомендаций по проведению в войсках занятий гимнастикой и фехтование на рапирах, эспадонах (саблях) и рульях. Школа подчинялась Главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа.). После одобрения всеподданнейшего доклада императором, он был вынесен на обсуждение Совета министров.

Особое межведомственное совещание с целью реализации «мобилизации спорта» было образовано Советом министров 23 октября 1915 г. Председателем стал всё тот же В.Н. Воейков, его помощником – Вячеслав

войны // Вестник КГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 4. С. 14–17; Никулин Д.О. Деятельность Новониколаевского военно-спортивного комитета по допризывной подготовке в 1916–1917 годах // Исторический курьер. 2021. №5 (19). С. 180–190.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 17 об.–18.

¹⁷ Там же. Л. 18 об.

Измайлович Срезневский, избранный в 1911 г. первым председателем Российского Олимпийского комитета. Кроме того, в состав совещания вошли представители от министерств: торговли и промышленности, военного, народного просвещения, морского, финансовых, внутренних дел, а также Государственной канцелярии и Канцелярии Совета министров.

На первом заседании совещания, которое состоялось 26 октября, среди прочих рассматривался вопрос «об обязательности введения в учебных заведениях всех ведомств подготовки учащихся, подлежащих в будущем призыву, по выработанной на сей предмет программе»¹⁸. После некоторых прений совещание пришло к заключению, что «подготовка к военной службе до призыва может иметь место в отношении, во-первых, набора 1917 года, во-вторых, тех молодых людей, которым при прошлых призывах дана отсрочка для окончания образования»¹⁹. Оповещение населения о допризывной подготовке было решено осуществлять через периодическую печать как частную, так и через «губернские ведомости», а также путем расклейивания на улицах объявлений, через обращение «для соблюдения военной тайны о предполагаемых призывах ко всем молодым людям»²⁰.

Руководству высших учебных заведений вменялось только оказание помощи студентам в образовании спортивных организаций и поддержание уже существовавших. В средних же учебных заведениях, в учительских семинариях и учительских институтах предполагалось ввести в двух старших классах обязательное прохождение «программы знаний, необходимых для поступления на военную службу»²¹.

Введение допризывной подготовки в низших учебных заведениях усложнялось разным возрастом обучавшихся. Совещание сочло целесообразным внедрить подготовку в те из них (например, технические, торговые и пр.), где возраст учащихся был не меньше 16–17 лет. Причем детальная разработка занятий, подбор учебного персонала, помещений и т. п. решено было возложить на соответствующие ведомства. Учащиеся, которые после прохождения допризывной подготовки смогли успешно сдать экзамен, получали преимущество при поступлении в школу прапорщиков.

На совещании рассматривались и вопросы финансового обеспечения введения программы «мобилизации спорта». Было признано желательным платить спортивным организациям за каждого подготовленного учащегося и успешно сдавшего экзамен 20 руб., «а за каждого инструктора, фактически обучившего 10 человек, после сдачи им экзаменов, еще по 50 руб.» В итоге расход казны при предполагаемом количестве подготовленных в 660 тыс. чел должен был составить 13 млн 200 тыс. руб. Причем такая сумма, принимая во внимание «колossalность ежедневных затрат на войну и что на эти средства представится возможность дать России хороших солдат и

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 6 об.

¹⁹ Там же. Л. 7.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 7 об.

что, кроме того, деньги эти волются в русский спорт и дадут ему сильный толчок для развития»²², не показалась совещанию чрезмерной.

Дальнейшее рассмотрение программы «мобилизации спорта» несколько замедлилось. Представители Министерства юстиции и Государственной канцелярии подвергли критике «Инструкцию», разработанную относительно военно-спортивных комитетов. Кроме того, Департамент полиции настаивал на регистрации комитетов в общем порядке, согласно «Временным правилам об обществах и союзах», принятым 4 марта 1906 г. На основании закона «общества, в коих образуются отделения, а также Союзы должны иметь Устав и подчиняются правилам, изложенным в статьях 6–8 и 21–40». Среди многочисленных ограничений, отраженных в законе, значился запрет, обозначенный в седьмой статье: «Несовершеннолетние, а также учащиеся в низших и средних учебных заведениях не допускаются ни к образованию Обществ, ни к участию в них»²³.

Однако после того как до сведения Межведомственного совещания было доведено «удивление» императора по поводу «медленности работы совещания в деле, имеющем столь важное значение для государства»²⁴, положение о мобилизации спорта после необходимой доработки было принято, и 8 декабря 1915 г. оно было утверждено Николаем II²⁵.

На основании этого документа губернаторам, начальникам областей и градоначальникам Министерством внутренних дел был разослан циркуляр, предписывающий на период войны образовать военно-спортивные комитеты в населенных пунктах, имевших спортивные общества или учебные заведения. В состав таких комитетов должны были войти представители местной администрации и ведомств, в ведении которых находились эти заведения²⁶.

Таким образом, реализация программы «мобилизации спорта» в Российской империи заняла достаточно короткий период с 1916 г. до весны 1917 г. За это время предвоенной подготовкой оказались охваченными, прежде всего, учащиеся мужских средних учебных заведений, далеко не в полном их составе. «Скромные» успехи начинаний В.Н. Войкова объяснялись многими причинами, ряд из которых уже упоминался выше. Прежде всего, необходимо выделить долгий путь межведомственного согласования процесса реализации программы, недостаточно ясные указания и инструкции, которые не всегда вовремя доходили до губерний, малое количество имевшихся инструкторов военного строя на местах, нехватка соответствующих помещений и отсутствие необходимого оборудования.

²² ГА РФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 8.

²³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26 (1906). Часть 1. № 27479.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 48.

²⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел первый. 1915. 20 декабря. № 365.

²⁶ ГА РФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 71.

В то же время необходимо отметить, что сама идея дополнительной физической и строевой подготовки молодежи оказалась востребованной уже в ближайшей исторической перспективе. Советская власть в полной мере оценила ее потенциальные возможности, приняв уже в апреле 1918 г. «Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству»²⁷, а в его развитие «Декрет об организации допризывной подготовки и спорта», в рамках которого Совет народных комиссаров постановил: «К обязательному прохождению допризывной подготовки привлечь граждан подготовительного периода в возрасте 16–18 лет»²⁸. Существовавшие в стране спортивные организации, клубы, площадки, в том числе Главная гимнастико-фехтовальная школа, и их имущество передавались в ведение Центрального управления всеобщего военного обучения. Тем самым закладывалась не только основа всеобщей предвоенной подготовки, но и организация массового спорта в масштабах страны.

Список литературы:

1. Белюков Д.А. Подготовка допризывников Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 21–25.
2. Валитов А.А., Сулимов В.С. Военно-спортивный комитет в Таре периода Первой мировой войны // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 10 (38). С. 50–53.
3. Ватник Н.С. Организация военной подготовки учащихся в 1915–1917 гг. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 71–84.
4. Воеиков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. 430 с.
5. Карпова Н.В. Псковский военно-спортивный комитет в 1916–1917 гг. и допризывная подготовка учащихся // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. Вып. № 30. С. 54–57.
6. Князев М.А. Государственная деятельность В.Н. Воеикова в контексте российской истории начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 43–51.
7. Коняев Р.В. Огневая подготовка нижних чинов в запасных частях Омского военного округа в годы Первой мировой войны // Вестник КГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 4. С. 14–17.
8. Никулин Д.О. Деятельность Новониколаевского военно-спортивного комитета по допризывной подготовке в 1916–1917 годах // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 180–190.

²⁷ Декреты Советской власти. Т. I. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 151.

²⁸ Российский государственный военный архив. Ф. 33988. Секретариат заместителя председателя РВСР. Оп. 2. Д. 146. Л. 192.

Об авторе:

ПОТВОРОВ Артём Иванович – соискатель научной степени по кафедре отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, (Россия, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14), e-mail: cafedra28@yandex.ru

«SPORTS MOBILIZATION» IN SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR

A.I. Potvorov

Bryansk State Academician I.G. Petrovskii University, Bryansk, Russia

Based on archival materials, periodicals and sources of personal origin, the article reveals the significance of the «mobilization of sports» program in the process of training potential recruits in the conditions of the urgent need to replenish the army with reservists after a series of military failures in the spring of 1915. Particular attention is paid to the role of the chief observer of the physical development of the population Russian Empire V.N. Voeikov in developing the concept of special physical training and teaching the military formation of young students. The article highlights the general features of the implementation of the "mobilization of sports" in the Russian educational environment, primarily in secondary educational institutions, shows the results of the implementation of the program, identifies the reasons for its curtailment in the summer of 1917.

Keywords: First World War, Russian Empire, Ministry of National Education, "mobilization of sports", V.N. Voeikov, secondary educational institutions.

About the author:

POTVOROV Artyom Ivanovich – Candidate of Science, the Department of National History, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovskii, (14 Bezhitskaya St., Bryansk, Russia), e-mail: cafedra28@yandex.ru

References:

- Belyukov D.A., *Podgotovka doprizevnikov Pskovskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny*, Voenno-istoricheskiy zhurnal, 2010, № 3, S. 21–25.
- Valitov A.A., Sulimov V.S., *Voenno-sportivnyj komitet v Tare perioda Pervoj mirovoj vojny*, Gumanitarny'e nauchny'e issledovaniya, 2014, № 10 (38), S. 50–53.
- Vatnik N.S., *Organizaciya voennoj podgotovki uchashchixya v 1915–1917 gg.*, Voprosy istorii, 2015, № 2, S. 71–84.
- Voejkov V.N., *S czarem i bez czarya. Vospominaniya poslednego dvorcovogo komendanta gosudarya imperatora Nikolaya II*, M., 1995, 430 s.

- Karpova N.V., *Pskovskij voenno-sportivnyj komitet v 1916–1917 gg. i doprizavnaya podgotovka uchashchixsya*, «Pskov», Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal, 2009, Vy'p. № 30, S. 54–57.
- Knyazev M.A., *Gosudarstvennaya deyatel`nost` V.N. Voejkova v kontekste rossijskoj istorii nachala XX veka*, Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2019, № 6, S. 43–51.
- Konyaev R.V., *Ognevaya podgotovka nizhnix chinov v zapasnyx chastyax Omskogo voennogo okruga v gody` Pervoj mirovoj vojny`*, Vestnik KGU. Istoricheskie nauki i arxeologiya, 2018, № 4, S. 14–17.
- Nikulin D.O., *Deyatel`nost` Novonikolaevskogo voenno-sportivnogo komiteta po doprizavnnoj podgotovke v 1916-1917 godax*, Istoricheskij kur`er, 2021, №5 (19), S. 180–190.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.

СООБЩЕНИЯ

УДК 351.862.6

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.123–133

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ТЕХНИЧЕСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ МЧС ЛНР (2014 – 2022 ГГ.): ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.Н. Дробот

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный аграрный университет»,
г. Луганск, Луганская Народная Республика

В статье проанализирован процесс восстановления материально-технической базы Министерства чрезвычайных ситуаций Луганской Народной Республики и её технического перевооружения на современном этапе. Военно-политический конфликт на Донбассе, приведший к провозглашению в 2014 г. Луганской и Донецкой Народных Республик и активной фазе боевых действий, обусловил особую значимость деятельности пожарно-спасательной службы региона. Созданное на базе Государственной службы по чрезвычайным ситуациям в Луганской области Министерство чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий ЛНР прошло в своём становлении ряд этапов, одной из важных характеристик которых являлось состояние материально-технической базы. На основе анализа периодической печати, нарративных источников и собственного опыта автор делает вывод о важной роли МЧС России в восстановлении и техническом перевооружении МЧС ЛНР с 2014 г. по настоящее время.

Ключевые слова: военно-политический конфликт на Донбассе, Луганская Народная Республика, МЧС ЛНР, аварийно-спасательный отряд специального назначения, Главное управление Государственной службы по чрезвычайным ситуациям в Луганской области, материально-техническое обеспечение ГУ ГСЧС.

Развитие и усовершенствование механизма функционирования сил гражданской обороны является актуальной задачей любого государства, независимо от его внешнеполитической ориентации, уровня социально-экономического развития, идеологических приоритетов. Реалии повседневности населения различных регионов России, включая вошедшие в ее состав в 2022 г. новые субъекты Федерации, ежедневно сопровождаются угрозой жизни и здоровью граждан вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, последствий военных действий, ведущихся на значительных территориях в рамках специальной войной операции. Обеспечение безопасности общества и государства обуславливает

необходимость постоянного технического перевооружения и материально-технического обеспечения в системе гражданской обороны, главная роль которой состоит в выполнении всех основных мероприятий по защите населения и территории от последствий чрезвычайных ситуаций. Под материальным обеспечением в данном случае подразумевается комплекс мероприятий по организации и осуществлению снабжения сил гражданской обороны всеми видами материальных и технических средств для выполнения поставленных задач.

Проблеме защиты населения и территории от последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также развитию российской системы гражданской защиты посвящено немало научных работ современных учёных, в том числе С.Н. Азанова, И.Л. Дорошенко, А.В. Кострова¹, А.В. Бойко, О.Б. Кузнецова, Н.А. Никулина², В.А. Владимириова³, М.И. Фалеева⁴, В.С. Федорука⁵ и многих других. Некоторые исследователи анализировали этапы исторического развития отечественной службы гражданской защиты, другие сосредотачивали свое внимание на современных проблемах ее модернизации, выдвигая рациональные предложения технического и управленческого характера. Вместе с тем, за пределами научных интересов ученых до сих пор остается опыт, полученный в ходе военных действий соответствующими структурами Луганской и Донецкой Народных Республик (далее – ЛНР и ДНР).

Цель статьи – проанализировать процесс восстановления утраченной вследствие боевых действий и дальнейшего перевооружения материально-технической базы Министерства чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий ЛНР в период с 2014 г. по наши дни.

Начавшийся на Донбассе в 2014 г. военно-политический конфликт кардинально изменил систему жизнеобеспечения населения Луганщины, оказавшегося в эпицентре боевых действий в ситуации гуманитарной катастрофы. Принятие 27 апреля 2014 г. Съездом представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций Акта о провозглашении государственной самостоятельности Луганской Народной

¹ Азанов С.Н., Дорошенко И.Л., Костров А.В. Развитие спасательных сил // Технологии гражданской безопасности. 2006. № 2. С. 30–35.

² Бойко А.В., Кузнецов О.Б., Никулин Н.А. Подходы к созданию специальных формирований, предназначенных для решения задач гражданской обороны в военное время // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2011. № 1.

³ Владимириров В.А. О стратегии развития системы МЧС России на период до 2020 года (взгляды и предложения) // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. №2. С. 303–339.

⁴ Фалеев М.И. О создании российской системы гражданской защиты // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2011. № 3.

⁵ Федорук В.С. Развитие поисково-спасательной службы России как одной из основных составляющих сил гражданской обороны // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2016. № 2(29). С. 27–31.

республики⁶ и последующее проведение Референдума 11 мая, как и аналогичные события в Донецкой народной республике, привели к вооруженной агрессии со стороны Украины, объявившей террористическими самопровозглашенные республики. В условиях перерастания политического конфликта в боевые действия возникла серьезная опасность для жизни гражданского населения и, соответственно, возросла роль Государственной службы по чрезвычайным ситуациям в Луганской области, которая в условиях мирной жизни в основном удовлетворяла потребности подразделений и частей при решении задач по предназначению. Накануне гражданского конфликта она представляла собой мобильную службу из более 4 тыс. специалистов с крепкой материально-технической базой, насчитывавшей около 700 единиц пожарно-спасательной техники⁷. Особое место в структуре областной спасательной службы занимал аварийно-спасательный отряд специального назначения (далее – АСО СН), в функции которого входят не только работы по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, но и наполнение и содержание запасов материальных средств техническим обслуживанием, ремонтом, испытанием техники. В распоряжении отряда было 16 специальных аварийно-спасательных машин, оснащённых инструментами и спасательным оборудованием: резиновыми лодками и спасательными жилетами, средствами термической, химической и радиационной защиты, медикаментами, носилками, аппаратами реанимации, гидравлическим инструментом и др.⁸ До 2014 г. спасатели Луганщины ежегодно осуществляли более 10 тыс. выездов по сигналу «Тревога», ликвидировали более 20 чрезвычайных ситуаций и 30 тыс. пожаров, спасали жизни более 200 чел.⁹

С мая 2014 г. спасатели Луганщины работали в условиях постоянных обстрелов, артиллерийских и авиационных ударов, вследствие которых материально-техническая база предприятий и баз Луганской области была практически разрушена. В ходе артиллерийских бомбардировок в Луганске в течение лета пострадало более 8 тыс. зданий и строений¹⁰. При этом материально-техническое обеспечение и восполнение запасов производилось исключительно за счёт собственных запасов Главного управления Государственной службы по чрезвычайным ситуациям в Луганской области (далее – ГУ ГСЧС). Для оказания помощи руководству города спасателям

⁶ Акт о провозглашении государственной самостоятельности Луганской Народной Республики. 27 апреля 2014 г. // Создание Луганской народной Республики и военные действия на Луганщине глазами участников и очевидцев: сборник исторических источников / Авт.-сост. Т.Ю. Анпилогова, А.Л. Бахмутский, Г.И. Королева, А.И. Ладыга; под общ. ред. Т.Ю. Анпилоговой. Луганск, 2015. С. 380.

⁷ Луганская область. 75 лет / сост. О.В.Макаренко, В.О.Погорелова. Харьков, 2013. С. 54.

⁸ Закаленные огнем. Луганск: Максим, 2009. С. 43.

⁹ Там же. С. 54.

¹⁰ История Луганска. Администрация города. [Электронный ресурс] URL: <https://gorod-lugansk.com/istoria> (дата обращения: 15.02.2023).

приходилось передавать запасы и оказывать помощь из собственных резервов.

В ходе жесточайших обстрелов со стороны украинских формирований существенно пострадала не только инфраструктура города, но и собственная материально-техническая база службы. Почти все пожарно-спасательные подразделения и части Луганска подвергались артиллерийским и минометным обстрелам. Часть зданий и сооружений получила серьёзные повреждения. Аварийно-спасательная техника в результате обстрелов часто выходила из строя и в отдельных случаях не поддавалась восстановлению. Пожарно-спасательные части Луганского, Стахановского, Переяславского, Славяносербского, Счастьинского гарнизонов также понесли значительный ущерб: пострадали кровля и остекление, а пожарное депо поселка Юбилейный было практически уничтожено.

Около 30 единиц аварийно-спасательной техники вышло из строя в результате повреждений и напряжённой эксплуатации. Необходимо отметить и тот факт, что основная масса техники и технических средств, стоявшая на вооружении ГУ ГСЧС Луганской области (почти 80 % всего автомобильного парка и 100 % тяжелой инженерной техники) была принята в эксплуатацию в 1980-е гг. Коэффициент технической готовности техники и технических средств на момент начала военного конфликта составлял 80–85 % и поддерживался исключительно за счёт напряжённой работы ремонтно-восстановительной базы аварийно-спасательного отряда ГУ ГСЧС.

В связи с тем, что компрессорные станции были размещены на территории специализированной государственной пожарной части № 4 Каменобродского района, которую из-за постоянных массированных обстрелов пришлось оставить, остро встал вопрос о зарядке баллонов сжатым воздухом. Аппараты типа АСВ-2 со сжатым воздухом использовались спасателями крайне экономно и только при работе в агрессивной среде, например при ликвидации пожара в лакокрасочном отделе гипермаркета «Эпицентр» в г. Луганске.

Быстро истощался запас пожарных рукавов вследствие повреждений при попадании осколков снарядов и в ходе проливки очагов пожара на разрушенных объектах, а автомобильная резина пожарной и специальной аварийно-спасательной техники массово выходила из строя из-за порезов осколками снарядов и мин.

Материально-техническая база ГУ ГСЧС не была укомплектована в достаточной степени стационарными или передвижными энергетическими установками (дизель- или бензогенераторами). При отсутствии централизованного энергоснабжения на территории городов и области это становилось большой проблемой как для обеспечения готовности собственных подразделений, так и для функционирования учреждений Республики, в первую очередь лечебных учреждений, хлебокомбината, мясокомбината, централизованных водозаборов.

Вследствие длительного отключения электричества летом 2014 г. в ЛНР прекратилась централизованная подача воды. При этом наблюдался

дефицит средств для подвоза воды, прежде всего питьевой, из-за чего доставка технической воды населению и учреждениям города Луганска и области осуществлялась пожарными автоцистернами.

В ходе активной работы в период с июня по август 2014 г. был определён круг дополнительных проблем материально-технического обеспечения ГУ ГСЧС, среди которых: обеспечение питанием личного состава, замена вышедшего из строя обмундирования, обуви и специальной формы одежды, централизованный подвоз и заправка топливом техники и технических средств. Серьёзную проблему представляло собой отсутствие специальной техники и оборудования для пиротехнических подразделений ГУ ГСЧС, обусловленное выведением из строя её большой части в результате авиационного налета украинской авиации 15 июля 2014 г. на аварийно-спасательную часть в пос. Лоскутовка, где находились базовые склады тяжелой инженерной техники, оборудования и запасов материальных средств ГУ ГСЧС Луганской области¹¹. Кроме того, в ходе ведения оборонительных боев ополчение ЛНР вынуждено было отступить с территории, на которой находились склады с запасами материальных средств государственного резерва Луганской области на случай чрезвычайных ситуаций и резерва МЧС области, часть которых была эвакуирована на территорию Луганска и размещена на складах аварийно-спасательного отряда специального назначения (АСО СН).

Анализ военно-политического конфликта, охватывающего территорию Луганской Народной Республики, и процесса развития ее пожарно-спасательной службы с 2014 г. по настоящий момент позволяет выделить несколько этапов восстановления и перевооружения материально-технической базы МЧС ЛНР.

На первом этапе (май–август 2014 г.) восстановление и накопление материально-технической базы проходило преимущественно за счёт использования запасов материально-технических средств ГУ ГСЧС Луганской области и работы специалистов АСО СН, причём часть работ восстановительного характера проводилась спасателями на местах самостоятельно. Большую роль в этот период сыграли мероприятия по эшелонированию и перераспределению запасов материально-технических средств.

За этот период в частях и аварийно-спасательном отряде было отремонтировано и поставлено в строй до 100 единиц пожарной и специальной автомобильной техники. Для пополнения частей со складов АСО СН было передано около 8000 метров пожарных рукавов различного диаметра, 20 тонн автомобильного бензина и 10 тонн дизельного топлива. Для обеспечения частей Луганского гарнизона было выдано 1200 комплектов зимнего и летнего обмундирования, 1000 пар обуви и 600 комплектов снаряжения.

¹¹ Война на Юго-Востоке. Хроника событий // Голос Севастополя. [Электронный ресурс] URL: <https://voicessevastopol.ru> > Новости > Новороссия (дата обращения: 18.02.2023 г.).

Одним из источников пополнения запасов материально-технических средств стала своевременная помощь Главного управления МЧС по Республике Крым. На пополнение запасов луганских спасателей из этого источника было передано 600 комплектов формы одежды, 200 комплектов боевой формы одежды, носки, снаряжение и 1000 метров пожарных рукавов. Большим подспорьем оказались переданные на восполнение запасов 5 бензогенераторов. Практически все материально-технические средства были распределены в гарнизоны, которые находились на линии разграничения: в Первомайский, Славяносербский, Стахановский и Кировский.

Значительную помощь оказывали предприниматели города Москвы. В наиболее сложный период блокады Луганска ими была организована передача шести дизель-электрических станций большой мощности (150–200 квт. ч). Оборудование, дизель-электрические станции (ДЭС) с запасом горючего и масел, благодаря помощи Главного управления МЧС РФ по Ростовской области и областному управлению по ЧС Ростовской областной организации, были доставлены из Москвы в Ростов-на-Дону согласно «Плану взаимодействия Главного управления Государственной службы по чрезвычайным ситуациям Луганской области и Главного управления по делам гражданской обороны и гражданских ситуаций Ростовской области при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций трансграничного характера и оказания помощи». В условиях боевой обстановки техника, переданная специалистам ГУ ГСЧС, была переведена, установлена и запущена в работу на объектах города Луганска – в Луганской областной больнице, больницах № 2, № 3, № 4, онкологическом диспансере, на складах с медикаментами предприятия «Фармация». Это позволило запитать электричеством операционные блоки, палаты интенсивной терапии, родильные отделения и места хранения медикаментов, оказавшиеся без централизованного электроснабжения.

В этот период луганским спасателям была передана помощь и от Чеченской Республики. Гуманитарный груз включал четыре дизель-электрических станций, что позволило автономно подать электричество на пожарно-спасательные части Луганска (ГСПЧ-1, ГСПЧ-3 ГУ ГСЧС) и городскую станцию скорой помощи. Спасатели помогли медикам установить дизельгенераторы, запустить их в работу и организовать единую систему связи путем установки радиостанций типа «Пальма» из комплектов пожарных автомобилей. Это позволило создать единую радиосеть между медицинскими и спасательными службами, от чего в значительной степени зависела оперативность их работы и взаимодействия.

Второй этап восстановления и развития материально-технической базы МЧС ЛНР охватывал период с сентября 2014 г. по апрель 2016 г. и характеризовался активной помощью со стороны МЧС Российской Федерации, финансированием созданного МЧС Луганской народной республики, техническим доукомплектованием и перевооружением подразделений луганского гарнизона.

На этом этапе были проведены ремонтно-восстановительные мероприятия помещений пожарных депо (восстановлены кровля, остекление, гаражное оборудование; в частично поврежденные объекты поданы вода и электричество); осуществлено техническое обследование и составлены проектные документы на объекты разрушенных пожарных частей Государственной пожарной спасательной части № 5 (ГСПЧ-5) п. Юбилейный, часть специальной пожарной техники (ЧСПТ) Луганского государственного пожарно-спасательного отряда (ГПСО), ГСПЧ-20 г. Кировска, ГСПЧ-24 пгт. Славяносербск, Славяносербского ГПСО). Для обеспечения частей МЧС ЛНР были переданы улучшенные образцы пожарно-спасательной техники с повышенной проходимостью и большим объемом перевозимой воды. Указанные мероприятия способствовали вооружению луганского гарнизона такими техническими средствами, которые отсутствовали в период до 2014 г.

Существенно обновился парк автомобилей, что повысило мобильность пожарно-спасательных частей и подразделений. В частности, МЧС ЛНР были получены такие единицы материально-технических средств, как: автоколенчатый подъемник (АКП-50), пожарные автолестницы (АЛ-50), автоцистерны пожарные (АЦ-3,0-40), автоцистерна пожарная (АЦ-3,2-40/4), пожарный автомобиль первой помощи (АПП-0,3-2(3302)ПМ-532 А), автомобиль штабной пожарный (АШ-7(2705)), пневматическое прыжковое спасательное устройство (ППСУ), рукавное спасательное устройство «УРПС». В апреле 2016 г. из Российской Федерации в ЛНР прибыло более 50 единиц гуманитарной пожарной техники, применявшейся при подаче воды на высоту более 50 м. По свидетельству министра чрезвычайных ситуаций и ликвидации стихийных бедствий ЛНР С.С. Иванушкина, спасатели России передали в ЛНР около 100 единиц новейшей техники, которая позволила в разы улучшить качество оказания помощи гражданскому населению¹².

Третьим этапом развития и перевооружения материально-технической базы МЧС ЛНР стал период с апреля 2016 г. и по настоящее время. Его содержание характеризуется дальнейшим подъёмом уровня обеспеченности основных пожарно-спасательных подразделений, повышением качественного уровня пожарно-спасательной техники и оборудования, увеличением количества техники для всестороннего обеспечения пожарных частей вновь освобожденных территорий ЛНР.

На этом этапе проводились мероприятия по ремонту вышедшей из строя техники и оборудования, обеспечивалась помощь пожарно-спасательной службе Республики со стороны Министерства по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации и российских территориальных подразделений МЧС. Важным событием на этом этапе развития матери-

¹² МЧС ЛНР продемонстрировало полученную из РФ технику // XXI век. 2016. № 138 (28.06.2016). [Электронный ресурс]. URL: <https://xxiveklnr.su/arhiv-nomerov-gazety.html>.

ально-технического обеспечения МЧС ЛНР стали целевые государственные закупки аварийно-спасательной техники и оборудования. Так, в январе 2022 г. МЧС России при содействии Правительства Российской Федерации была закуплена новая пожарная техника, оперативный транспорт и водолазное оборудование для действующих пожарных частей ЛНР, вследствие чего проведено дооснащение подразделений на освобожденных территориях¹³. Кроме того, в этот период подразделениями и частями МЧС ЛНР были проведены мероприятия по выполнению реконструкции разрушенных зданий пожарных депо ГСПЧ–5 п. Юбилейный, ЧСПТ Луганского ГПСО, ГСПЧ–24 п.г.т. Славяносербск, ГСПЧ–20 г. Кировск.

Укреплению материально-технической базы МЧС ЛНР способствует гуманитарная помощь регионов Российской Федерации, взявших в 2022 г. шефство над районами и городами Луганской Народной Республики. С целью развития материально-технической базы территориальных подразделений и частей МЧС ЛНР в Республику поступает техника, пожарно-техническое вооружение, оборудование, специальная форма одежды.

В сентябре 2022 г. российские спасатели инициировали акцию «Помощь пожарным Донбасса», в рамках которой пожарно-спасательным подразделениям ДНР и ЛНР было отправлено более 500 комплектов боевой одежды, пожарные каски, пояса с карабинами, средства защиты рук. Кроме того, спасатели Донбасса получили от коллег из России 900 пожарных рукавов, 140 пожарных стволов, 470 огнетушителей, 15 радиостанций, 16 автоцистерн и другое пожарное оборудование¹⁴. Сотрудники специализированной пожарно-спасательной части ГУ МЧС России по Калужской области в рамках гуманитарной помощи предоставили коллегам из Первомайска бензорезы, мотопомпы, генераторы, радиостанции, компрессоры для заправки баллонов, 43 пожарных рукава, комплекты снаряжения, строительные материалы¹⁵.

В ноябре 2022 г. специалистами Главного управления МЧС России по Татарстану ЛНР было передано две единицы пожарной техники и необходимое пожарно-техническое имущество для нужд подразделений пожарной охраны города Лисичанска и МЧС ЛНР, а также полторы тонны груза, включая генераторы, теплую одежду и все необходимое для ежедневного несения службы¹⁶. В декабре 2022 г. пожарно-спасательный отряд

¹³ Новая пожарно-спасательная техника поступила в подразделения Луганской Народной Республики. (Новости). [Электронный ресурс] URL: <https://mchs.gov.ru> (дата обращения: 13.01.2023 г.).

¹⁴ Российские спасатели отправили снаряжение коллегам из ДНР и ЛНР (Новости). [Электронный ресурс] URL: <https://otr-online.ru> > 15. 09. 2022 (дата обращения: 12.02.2022 г.).

¹⁵ Калужские спасатели отправили в Луганскую область гуманитарную помощь. [Электронный ресурс] URL: <https://znamka-luga.ru> > 21.10.2022 (дата обращения: 18.02.2022 г.).

¹⁶ Татарстанское МЧС передало две единицы техники и необходимое имущество в ЛНР. [Электронный ресурс] URL: <https://kazanfirst.ru> > 26.11.2022 (дата обращения: 17.02.2023 г.).

г. Свердловска получил помошь в виде пожарно-технического оборудования от делегации Красноярского края¹⁷. От коллег из Главного управления МЧС РФ по Республике Карелия при поддержке партии «Единая Россия» в январе 2023 г. сотрудники Луганского подразделения МЧС ЛНР получили гуманитарный груз, который включал комплекты боевой одежды пожарного, специализированные пожарные сапоги, термобелье, ручные пожарные стволы¹⁸.

Таким образом, анализ работы пожарно-спасательной службы Луганщины и планового, поэтапного восстановления её материально-технической базы с момента провозглашения Луганской Народной Республики и по настоящий период позволяет сформулировать следующие выводы.

Процесс создания МЧС ЛНР и восстановления её материально-технической базы можно разделить на три этапа: первый (май – август 2014 г.), второй (сентябрь 2014 г. – апрель 2016 г.) и третий (апрель 2016 г. – по настоящее время). В период с мая по август 2014 г. материально-технической базе МЧС ЛНР был нанесён значительный ущерб массированными авиационными и артиллерийскими ударами, а также в результате напряжённой эксплуатации техники, что привело к повышению износа и значительному расходу материальных средств. Из-за невозможности своевременно пополнять запасы в боевых условиях, обеспечение подразделений и частей происходило исключительно за счет накопленных в мирное время запасов.

Вследствие своевременного осуществления эшелонирования, перераспределения и выдачи запасов со складов и АСЧ поселка Лоскутовка, а также напряжённой и самоотверженной работы личного состава территориальных частей и ремонтных бригад АСО СН удалось избежать полного уничтожения запасов материально-технических средств ГУ ГСЧС в Луганской области. Значимую помошь МЧС ЛНР в 2014 г. оказали спасатели Главного управления МЧС Российской Федерации по Ростовской области и Республики Крым, предприниматели города Москвы, предоставив технические средства и пожарно-техническое вооружение.

Восстановление материально-технической базы созданного на базе ГУ ГСЧС в Луганской области Министерства чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий ЛНР началось сразу после прекращения обстрелов и проводилось собственными силами при поддержке Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Российской Федерации. Было осуществлено обеспечение службы не только техникой, но и специальным оборудованием, средствами защиты, пожарно-техническим вооружением, боевой и специальной формой одежды и снаряжением. За-

¹⁷ Красноярский край передал пожарно-техническое оборудование Свердловскому гарнизону МЧС ЛНР. ЛИЦ. [Электронный ресурс] URL: <https://lug.com/news> > 13.01.2023 (дата обращения 13.01.2023 г.).

¹⁸ Луганские спасатели получили гуманитарную помошь от коллег из Карелии. [Электронный ресурс] URL: <https://inr-news.ru> > 30.01.2023 (дата обращения: 12.02.2023 г.).

мена поврежденного оборудования и специальной техники новым, более современным оборудованием позволила вывести пожарно-спасательные части МЧС ЛНР на более высокий уровень обеспеченности и готовности к выполнению задач по предназначению. С началом проведения специальной военной операции и освобождением оккупированных территорий Донбасса обеспечение вновь созданных частей МЧС ЛНР оперативно проводилось силами МЧС России и регионами Российской Федерации, за исключением тех территорий, на которых продолжаются боевые действия.

Список литературы:

1. Азанов С.Н., Дорошенко И.Л., Костров А.В. Развитие спасательных сил // Технологии гражданской безопасности. 2006. № 2. С. 30–35.
2. Владимиров В.А. О стратегии развития системы МЧС России на период до 2020 года (взгляды и предложения) // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. № 2. С. 303–339.
3. Федорук В.С. Развитие поисково-спасательной службы России как одной из основных составляющих сил гражданской обороны // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2016. № 2(29). С. 27–31.

Об авторе:

ДРОБОТ Александр Николаевич – старший преподаватель, кафедра истории и педагогики, ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный аграрный университет», (291011, г. Луганск, улица Оборонная, 2). E-mail: kafukist@yandex.ru

RESTORATION AND TECHNICAL RE-EQUIPMENT OF THE MATERIAL AND TECHNICAL BASE OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF LPR (2014–2022): HISTORICAL ASPECT

A.N. Drobot

Luhansk State Agrarian University,
Lugansk, Lugansk People's Republic

The article analyzes the process of restoring the material and technical base of the Ministry of Emergency Situations of the Lugansk People's Republic and its technical re-equipment at the present stage. The military-political conflict in the Donbas, which led to the proclamation of the Lugansk and Donetsk People's Republics in 2014 and the active phase of hostilities, determined the special significance of the activity of the fire and rescue service in the region. Created on the basis of the State Emergency Service in the Lugansk region, the Ministry of Emergency Situations and Disaster Relief of the LPR went through a number of stages in its development, one of the important characteristics of which was the state of the material and technical base. Based on the analysis of periodi-

cals, narrative sources and personal experience, the author concludes that the Russian Ministry of Emergency Situations plays an important role in the restoration and technical re-equipment of the Ministry of Emergency Situations of the LPR from 2014 to the present.

Keywords: *military-political conflict in the Donbass, Lugansk People's Republic, Ministry of Emergency Situations of the LPR, emergency rescue squad for special purposes, Main Directorate of the State Emergency Service in the Lugansk region, logistics of the Main Directorate of the State Emergency Service.*

About the author:

DROBOT Aleksandr Nikolaevich – Senior Lecturer of the Department of History and Pedagogy of the State Educational Institution of Higher Education of the LPR «LSU» (291011, Lugansk, Oboronnaya Street, 2). E-mail: kafukist@yandex.ru

References

- Azanov S.N., Doroshenko I.L., Kostrov A.V., *Razvitie spasatel'nyh sil, Tekhnologii grazhdanskoy bezopasnosti*, 2006. № 2, S. 30–35.
- Vladimirov V.A., *O strategii razvitiya sistemy MCHS Rossii na period do 2020 goda (vzglyady i predlozheniya)*, Strategiya grazhdanskoy zashchity: problemy i issledovaniya, 2014, № 2, S. 303–339.
- Fedoruk V.S., *Razvitie poiskovo-spasatel'noj sluzhby Rossii kak odnoj iz osnovnyh sostavlyayushchih sil grazhdanskoy oborony*, Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoy zashchity, 2016, № 2(29), S. 27–31.

Статья поступила в редакцию 17.03.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).083+084.3

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.134–140

ГУРНЫЙ М. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ПРОФЕССОРОВ. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 1912–1923. СПБ.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, 2021. – 414 С. (ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ; ВЫП. 15)

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Книга польского профессора Мацея Гурного посвящена практически неизвестной теме: развязанной европейскими профессорами «войне духа», которая предшествовала, а затем сопровождала ход Первой мировой войны. Автор прослеживает её истоки в прошлом европейских народов и показывает, как география выступила проводником политических идей, расовая антропология стала инструментом для характеристики «своих» и «чужих» народов, психология и психиатрия наделили тех и других востребованными военной пропагандой качествами. В результате вольные и невольные попытки ученых воскресить этнофобские предрасудки сыграли поистине провокационную роль. В сущности, не только сценарии Первой мировой войны, но и её последствия мысленно (и даже нравственно) были прописаны «независимыми» европейскими учёными ещё до её начала.

Ключевые слова: Первая мировая война, европейские ученые, «война духа», география, антропология, психология, психиатрия.

Считается, что Первая мировая война возникла как война империй, превратившихся затем в механизированную «войну народов». И мало кто обращал внимание на связь военного ожесточения с «войной духа», затеянной европейскими профессорами задолго до него. Книга Мацея Гурного, профессора Института истории Польской академии наук в Берлине, посвящённая сюжетам, вроде бы отдалённым от военных действий, позволяет глубже

проникнуть в «тайны» истории Европы XX в.

Что заставило автора обратиться к столь необычной теме? Может быть пассаж, появившийся в лондонской Times в 1863 г.? Газета связывала начало антироссийского восстания поляков с некоторыми чертами их характера: «Поляки очень склонные и своеильные люди, для них не существует никакого закона выше их собственных прихотей... Сочетая в себе уважение к

самым благородным проявлениям человеческой натуры и непреодолимую тягу к разнужданному образу жизни и всевозможным дурным привычкам, они являются собой удивительную смесь восточного и западного характеров...» (с. 24). Бесполезно спорить о степени объективности подобных характеристик – люди постоянно становятся жертвой собственного воображения. Последнее уводит вглубь вековых взаимопредставлений народов, связанных с инстинктивным отторжением «чужого».

Само по себе появление «науки с национальным характером» означало, что ментальность европейского Просвещения поражена «неожиданной», но старой как мир фобией. Секуляризация общественных представлений обернулась в начале XX в. потоком всевозможных антропологических исследований. При этом война, считает Гурный, «породила не новые конфликты, а пробудила... старые, дремавшие призраки» (с. 18). Впрочем, он не склонен акцентировать внимание на последнем моменте – речь идёт именно о *науке*, точнее о её характерных девиациях.

Что же предопределило поворот в тогдашнем видении «коллективного» человека? Очевидно, решающую роль сыграло глобальное уплотнение человеческого общежития. Волей неволей европейцы вынуждены были более пристально взглядываться в «других» и самих себя (см.: Булдаков В.П. Первая мировая война: геополитика и массы // Российская история. 2022. № 3. С. 95–108).

И это сблизило научные исследования с общественными настрое-

ниями, хотя тогдашние учёные (географы, антропологи, психиатры и психологи) отнюдь не стремились к этому (с. 21). Европейский мир подошел к «войнам духа» как бы сам собой – в силу естественной траектории своего развития.

В первой главе автор анализирует пути возникновения «науки с национальным характером». Попытки исследовать коллективные черты характера народов предпринимались ещё в античные времена (с. 25). Они развивались в рамках антагонии «цивилизация–варварство» (позднее «Запад–Восток»), однако только в Новое время стали опираться на «позитивистские» основания (с. 27). В основании этого процесса лежали не только идентификационные потребности и рост взаимной подозрительности, но и тревога за судьбы «своего» мира, за его «сытую» стабильность. При всей своей амбивалентности тогдашние характерологические образы определялись дихотомией «мужской–женский», что можно рассматривать как общественную потребность в маскулинном самоутверждении. В общем, этот процесс носил стихийный характер. «Дух народа» выvodился то из языка, то из антропологических данных, то из социальной психологии. Это обернулось возникновением этнических иерархий (Г. Лебон, Ж.А. Гобино и др.), включавших представления о «старых» и «молодых» расах (с. 51). При всей видимой отвлечённости подобных классификаций они соответствовали не только гегемонистским претензиям тогдашних европейцев, но и их страхами перед

перспективой собственного вырождения в результате смешанных браков. Разумеется, дала о себе знать и противоположная тенденция: в 1911 г. в Лондоне состоялась масштабная антирасистская конференция (с. 49). Одновременно в характерологических исследованиях обозначилась антиславянская тема.

Вторая глава посвящена непосредственным проявлениям «войны духа». Автор подчеркивает, что мировая война не стала для европейских интеллектуалов полным сюрпризом: уже 8 августа А. Бергсон произнес первую из своих речей, посвящённых столкновению цивилизации (которую олицетворяли Франция и Англия) с немецким варварством (с. 59). Далее последовали известные манифести учёных воюющих стран с взаимными обвинениями в антикультурной агрессивности. В целом полемика наслаждалась на сложившиеся взаимо представления немцев и французов, затем первые ополчились на англичан (от которых перед войной ожидали нейтралитета). Здесь пальма первенства принадлежала В. Зомбарту, выдвинувшего антитезу «торговцы и герои» (с. 80). Стоило бы добавить, что с не менее решительными заявлениями выступил М. Шелер. Он утверждал, что британскому уму, который «увяз в эмпирических объяснениях и не способен отличать факты от сущностей», недоступна метафизика войны¹. «Лицемерные» англичане смешивают культуру с комфортом, мышление – с вычислением, объяснение

– с классификацией, нравственность – с правом, власть – с пользой и т.п.². Характерно, что примерно такие же черты отыскивали у немцев российские авторы (см.: Булдаков В.П. Долой И. Канта! Первая мировая война и философская германофobia в России // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. № 1. С. 101–123).

Фактически немецкие учёные стремились вырваться из логики эпохи Просвещения, кульминацией которой считался 1789 г. Соответственно осуждались суэтность и легковесность французов, не сумевших изжить в себе «революционную женственность» (с. 82–83). Французы и англичане, со своей стороны, видели олицетворение немецкого духа в бездарном и ненравственном профессоре, состоящем на службе у милитаристского государства (с. 72–73). По мнению Гурного, тогдашние власти «создавали такие условия, в которых смогла бы разыграться европейская “война духа”». Этому способствовали повсеместно созданные (за исключением России) пропагандистские центры (с. 61–62). (Автор не совсем точен: в России с некоторым запозданием был создан так называемый Скобелевский комитет – В.Б.).

И всё же М. Гурный считает, что «было бы ошибкой отождествлять войну духа и военную пропаганду – интеллектуалы сохраняли известную творческую автономию, со временем переросшую в «парал-

¹ Scheler M. Der Genius des Krieges und Deutsche Krieg. Leipzig, 1915. S. 43.

² Шелер М. К психологии английского этоса и лицемерия. М.; СПб., 2022. С. 19–24.

лельную действительность». Так или иначе, повсеместно утверждалось убеждение, что познание истинного духа врага – это ключ к победе, что воюющие страны – это не только государственно-географические понятия, но и «сложившиеся характеры» (с. 71).

К сожалению Гурный не смог уделить достаточного внимания «войне духа», исходящей из России. Между тем, здесь она приобретала причудливые формы. Так, уже в ноябре 1914 г. 33-летний В.Ф. Эрн, считавшийся христианским философом, выстроил единый ряд «врагов России» – от Канта до Круппа. Примечательно, что образ И. Канта эксплуатировался и с противоположной стороны. Так, британский германофил Х. Чемберлен находил родство между его мировоззрением и «живым ядром учения Христа». По его мнению, Кант – «первый совершенный образец свободного германца», «истинный продолжатель Лютера»³. Словно в ответ, российские авторы осуждали «протестантский» милитаризм с православных позиций. «Тевтоны по существу – несваримый для цивилизации элемент; они тысячи лет уже тоскуют о звериных шкурах и томятся под нарядной мантией европейской культуры...»⁴. Это сочеталось с расовыми выпадами: немцы якобы близки тюркским племенам, они относятся к совсем другой психической расе людей, нежели кельто-славянские племена, издавна

населявшие Европу⁵. Аналогичным образом в лагере их союзников утверждали, что немцы со своими союзниками (венграми, болгарами, турками) образуют однородную «тевтонско-монгольскую» ментальность (с. 108). Но в целом расистские характеристики в России не получили распространения (что отмечает и Гурный) – это противоречило мифу о морально-политическом единстве «её» народов. Некоторое исключение представлял киевский психиатр И.А. Сикорский (отец известного авиаконструктора). С одной стороны, он относил немцев «к расам здоровым и одаренным», с другой – указывал, что они «лишены расового инстинкта – заботы о будущем»⁶.

В общем, ситуация в России освещена Гурным не столь основательно. Так, он отмечает, что в 1917 г. из российского кинематографа тема войны исчезла (с. 64). Это не совсем верно: выдающийся кинорежиссер Е. Бауэр создал «военно-патриотический» фильм «Революционер». Более значительное место уделяется польским авторам. При этом отмечается скептическая оценка ими антироссийского потенциала украинцев (с. 138–139).

В последующих главах Гурный показывает, как учёные укреплялись в своих расистских заблуждениях, обращаясь к этническим характеристикам, связанным с географией, антропологией, психиатрией и психиатрией. С помощью «науки» в годы войны появляются

³ Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия. В 2 т. Т. II. СПб., 2012. С. 349, 352.

⁴ Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. 1914. № 9. С. 193.

⁵ Новое время. 1915. 13 июня.

⁶ Сикорский И.А. Современная всесветная война 1914 года. Причины войны и устранение их. Киев, 1914. С. 5.

(особенно в Германии) концепции, откровенно обслуживающие экспансионистские планы. Разумеется, были и возражения. «Естественные границы – это просто эвфемизм для слова “экспансия”», – писал А. Тойнби (с. 160). Непомерные притязания исходили не только от «империалистов». Так, обосновываясь идея украинского государства, территория которого намного превосходила границы современной Украины (с. 168). Идеи антропологов подпитывали геополитическое проเจктерство. В Германии и, особенно, в Австро-Венгрии развернулись обследования военнопленных. Появились представления о «якутизации» русских и «монголоизации» украинцев (с. 212). Это, разумеется, вызывало критику. «С точки зрения расы, – писал в 1916 г. М. Грант, – нынешний европейский конфликт является по своей сути гражданской войной, и практически все офицеры и значительная часть солдат с обеих сторон относятся к одной и той же расе... Это новый виток старого, кровавого безумия и классовое самоубийство в гигантских масштабах» (с. 255).

Дело в том, что ещё до 1914 г. в Европе стали муссироваться старые представления о войне как средстве психического «оздоровления» нации. Особые надежды на это возлагались в Германии, где надеялись избавиться от распространявшегося «женоподобия» (с. 264). Затем заговорили о том, что о психике определенных сообществ можно судить по их признанным лидерам. И здесь особого внимания удостоился Вильгельм II. Ему приписывался комплекс неполноценности, вызвавший

склонность к гипертрофированному тщеславию, паранойе и импульсивным действиям. Это не встретило сопротивления в массах (с. 288). Были, конечно, и возражения: корни зла не в массовом внушении, исходящем от неуравновешенного правителя, а в «немецкой мегаломании». Г. Лебон утверждал, что культ силы был частью немецкой природы, «равно как патриотизм был свойственен французам на генетическом уровне» (с. 273–275). Впрочем, психические расстройства приписывали и французам (с. 287). В 1915 г. на эту тему высказался З. Фрейд. По его мнению, война продемонстрировала жалкое состояние европейской культуры, причем значительная часть ответственности лежит на учёных: «антрополог стремится провозгласить противника низшим и вырождающимся; психиатр диагностирует у него душевную или умственную болезнь» (с. 288–289). М. Гурный заключает, что политическая ангажированность гуманитарных наук не ограничилась периодом Первой мировой войны – «во время последующей войны история повторилась в гораздо большем масштабе» (с. 296).

В заключительной главе Гурный задается вопросом: кто развязал «войну духа»? При этом он обратил внимание на появление в немецкой идеологии «антимодернистского движения, которое усилилось на рубеже веков и позже слилось с антисемитизмом и расизмом». Как результат, в конце франко-прусской войны последовала волна шпиономании и демонизации военных противников (с. 297–298). В общем, состоялась сво-

его рода репетиция «военно-духовных» событий 1914–1918 гг.

Между прочим, параллельно франко-германской «войне духа» разворачивалось и антирусское её ответвление. Польский этнограф-любитель Ф. Духинский (1816–1893) решительно настаивал, что русские («москали») не принадлежат к славянской расе, европеизация России – это «иллюзия», а в целом водораздел между «арийцами» и «туреццами» проходит по линии Днепра (с. 316–317). Представления Духинского о том, что москали «по расе и духу не являются частью европейского сообщества», вызвали довольно широкий резонанс, особенно в немецкоязычных странах, хотя с ними не соглашались даже некоторые польские авторы (с. 322–323).

В связи с этим хочется напомнить, что Духинский был неоригинален. С XIV в. Запад стал воспринимать Восток в качестве врага «христианского мира». Хотя отношение к России было амбивалентным, именно поляки в XVI в. стали усердно распространяли легенды о природной вражде русских к католикам-христианам. Соответственно появились утверждения, что русские – нецивилизованные и агрессивные варвары, опасные для народов. Очевидно, что сказывался

определенный комплекс неполноценности по отношению к «настоящему» Западу. Попытки этнического самоутверждения всегда сопровождаются поисками «дикарей». Так было и на сей раз.

В книге Гурного приводится масса примеров того, как попытки «ученых» воскресить этнофобские предрассудки играют поистине провокационную роль. Действительно всякая война обнажает вековые предрассудки, имплицитно присутствующие в сознании народов. Но почему тогда модернизованный этос Просвещения не упредил и не парализовал возникновение критической ситуации? На это Гурный не дает ответа: события излагаются в научно-исследовательском дискурсе, вроде бы исключающем (как, впрочем, и сто лет назад) переложение «чистых» идей на язык текущей политики.

Получается, что не только сценарии Первой мировой войны, но и ее последствия, мысленно (и даже нравственно) были апробированы европейскими профессорами до ее начала. Хотели они реализации воображаемого или нет, установить невозможно. Но очевидно, что они не сделали ничего для предотвращения войны. На этом фоне «виноваты» политиков, бизнесменов и даже военных («империалистов») кажется не столь значительной.

Список литературы:

1. Шелер М. К психологии английского этоса и лицемерия. М.; СПб., 2022.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

**REVIEW: GURNYJ M. VELIKAYA VOJNA PROFESSOROV.
GUMANITARNYE NAUKI. 1912–1923. SPB.: IZDATEL'STVO
EVROPEJSKOGO UNIVERSITETA V SANKT-PETERBURGE,
2021. – 414 S. (EPOHA VOJN I REVOLYUCIJ; VYP. 15) (GURNY
M. THE GREAT WAR OF PROFESSORS. HUMANITARIAN SCI-
ENCES. 1912–1923 SPB.: PUBLISHING HOUSE OF THE EURO-
PEAN UNIVERSITY IN ST. PETERSBURG, 2021. - 414 S. (AGE OF
WARS AND REVOLUTIONS; ISSUE 15))**

Vladimir P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The study by Polish professor Maciej Górný is devoted to practically unknown topic: «war of spirit» unleashed by European scholars, which preceded and accompanied the course of World War I. The author traces its origins in the past of European peoples and shows how geography acted as a conductor of political ideas, racial anthropology became a tool for characterizing «own» and «strange» peoples, psychology and psychiatry endowed both of them with qualities demanded by military propaganda. As a result, spontaneous attempts by scientists to revive ethnophobic prejudices have played a truly provocative role. In essence, not only the scenarios of the World War I, but also its consequences, were mentally (and even morally) written by “independent” scholars before it began.

Keywords: *World War I, European scientists, «war of spirit», geography, anthropology, psychology, psychiatry.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References

Sheler M., *K psihologii anglijskogo etosa i licemeryiya*, M., SPb., 2022.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023 г.

Подписано в печать 17.08.2023 г.

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47.331)“1940/1950”:27
DOI 10.26456/vthistory/2023.2.141–145

**ЛЕОНТЬЕВА Т.Г., БЕГОВАТОВ Д.А., ДМИТРИЕВ Н.А.,
ЛЕОНТЬЕВА О.Г. «ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В СОВЕТСКОМ
ОБЩЕСТВЕ В 1940–1950 ГГ.: РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ
НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ВОСПОМИ-
НАНИЯМ «ДЕТЕЙ ВОЙНЫ». ТВЕРЬ: СФК-ОФИС, 2022. –
240 С.**

Ю.Н. Зеленская

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»,
г. Петрозаводск, Россия

В статье представлена рецензия на коллективную монографию «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения Калининской области по воспоминаниям “детей войны”». Научное издание является своеобразным отчётом проведённого учёными Тверского государственного университета исследования по однотипному проекту, поддержанному грантом РФФИ. Монография освещает важные страницы церковной повседневности советского общества в региональном аспекте. Показаны специфические черты, которые приобрела религиозная жизнь в Калининской области в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Основой источниковой базы послужили уникальные воспоминания особой категории граждан РФ – детей войны.

Ключевые слова: коллективная монография, история Русской православной церкви, церковная повседневность, СССР, Калининская епархия, общество, религиозная политика, дети войны.

Завершение 2022 г. в научном сообществе ознаменовалось выходом подготовленной коллективом авторов – учёных Тверского государственного университета монографии «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения Калининской области по воспоминаниям “детей войны”» (Тверь: СФК-офис, 2022. 240 с.). Книга подготовлена под руководством доктора исторических

наук, профессора Татьяны Геннадьевны Леонтьевой при грантовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Данная монография – результат плодотворной работы, нацеленной на изучение религиозной повседневности в атеистическом советском государстве в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное пятнадцатилетие. Почему в обществе с материалистической, атеи-

стической парадигмой сохранилась его конфессиональная идентичность? Как выстраивались контакты и диалог власти и церкви в период военных испытаний и послевоенного восстановления? Что представляло собой массовое религиозное сознание? Как под влиянием веяний времени и особых условий трансформировались и модифицировались религиозные практики?

Ответы на эти вопросы читатель найдет в научном издании.

Условно монографию можно разделить на три части.

Первая часть состоит из историографического и источниковедческого обзоров.

В разделе «Историография» (Леонтьева Т.Г., Дмитриев Н.А.) показан вклад отечественных историков в изучение церковной жизни в СССР, определены перспективы исследования темы религиозной повседневности в советский период в региональном аспекте. Авторы отметили, что «церковная повседневность, религиозность населения СССР как самостоятельный предмет исследования ещё не нашли обстоятельного отражения в современной историографии» (с. 19).

Ответственно и скрупулезно подошли учёные к характеристике источниковой базы исследования, выделив ее в специальный раздел «Источники» (Леонтьева Т.Г., Леонтьева О.Г.). Опубликованные источники представлены нормативно-правовыми актами, делопроизводственной документацией, мемуарами.

Авторы исследования ввели в научный оборот документы из фондов Государственного архива Рос-

сийской Федерации, Государственного архива Тверской области, Тверского центра документации новейшей истории, Тверской епархиальной научной библиотеки, Государственного архива Новгородской области. Особую ценность представляет собранная коллекция воспоминаний людей, чьё детство опаленовойной. Данные устные исторические источники составили основу исследования, позволили рассмотреть обозначенную проблематику в дискурсе советского детства. Респондентами стали 400 человек, из которых большинство по объективным причинам составили женщины (86 %), 4 % ответивших на вопросы анкеты – священнослужители и монашествующие (с. 32). Это специфическая малоисследованная уникальная группа исторических источников. Воспоминания записаны по прошествии десятков лет и содержат остаточные моменты памяти. Учитывая эту особенность, авторский коллектив проделал масштабную работу по сопоставлению сведений из опубликованных мемуаров, архивных материалов и источников личного происхождения. Такой подход можно только приветствовать.

Вторая часть монографии выполнена в проблемно-хронологическом ключе, базируется на методологии истории повседневности и состоит из трех глав.

В главе 1 «Калининская епархия в 1930–1950-е гг.» (Леонтьева Т.Г.) рассмотрены отношения государства и церкви на протяжении двух столетий. Изначально может показаться, что в годы Великой Отечественной войны произошло сближение двух социальных институтов, которое

продолжилось в послевоенное время. На смену репрессивной религиозной политики пришло сотрудничество, основанное на общем стремлении консолидировать общество в борьбе за Победу, а затем за оперативное восстановление народного хозяйства. Однако на материалах Калининской области учёным удалось установить, что отношение партийного и советского руководства к православной вере оставалось прежним (с. 71). Антирелигиозная кампания затихала и разгоралась с новой силой в зависимости от приоритетов внутренней и внешней политики.

Главы 2 и 3 (Леонтьева Т.Г.) посвящены обзору антирелигиозной деятельности государственных структур в 1930-е – начале 1940-х гг., которая освещалась и пропагандировалась через средства массовой информации. После подписания сталинского конкордата и вплоть до 1950-х гг. религиозная политика «приобрела более мягкие формы» (с. 81). На рубеже 1940-х – 1950-х гг. вектор государственной политики в отношении церкви сместился в сторону борьбы за безрелигиозный идеал (с. 82).

В течение этих десятилетий под влиянием внешних факторов формировалась и укреплялась «домашняя» вера. Своебразной формой сохранения памяти о вере стали семейные легенды о чудесах и пророчествах, наделение ореолом святости монахинь, приглашение для выполнения церковно-приходских треб «бабушек» (с. 88–89). Хранителями народной веры выступали преимущественно представители старшего поколения (бабушки, дедушки). Вера мужчин и женщин первого послере-

волюционного поколения (матери, отцы) была более сдержанной. На отношении к религии сказывались профессиональная деятельность и партийная принадлежность. Детям приходилось проявлять «гибкость» для сохранения отношений со всеми членами семьи, разнородным в религиозном плане школьным коллективом.

В семейной памяти «детей войны» сохранились воспоминания об обращении к помощи православных святых в годы войны, в том числе на оккупированной территории Калининской области, праздновании в послевоенный период общецерковных торжеств (Рождество, Пасха, Троица), соблюдении постов. Большинство респондентов отметили, что несмотря на влияние государственной идеологии, политической элите Советского Союза не удалось сформировать квазирелигиозный культ В.И. Ленина и И.В. Сталина. Сталина «боились», на него уповали в период войны и благодарили за Победу, но не наделяли божественной силой (с. 93).

Привлечённые авторами монографии источники позволили проследить изменения в ритуально-обрядовой практике. На смену традиционным ритуалам пришли адаптированные обряды, которые порой выполнялись мирянами.

Через «домашнюю» веру, которая представляла собой «слабый аналог организованной церковной жизни» (с. 114), обществу удалось сохранить свою религиозную идентичность, передать её последующим поколениям.

Третья часть монографии, состоящая из трех глав, построена на ос-

нове системного, проблемно-хронологического и нарративного методов.

В главе 4 (Беговатов Д.А., Дмитриев Н.А., Леонтьева Т.Г.) повествуется о статусе духовенства в 1940–1950-е гг. Исследователям удалось сформировать социальный портрет служителей церкви. На состав клира особенно влиял кадровый дефицит, следствием которого стало появление священников «нового призыва», выходцев из других регионов.

Невысокий образовательный и нравственный уровень духовенства вызывал обеспокоенность архиереев. Епископат организовывал курсы повышения квалификации священнослужителей, стремился привлекать на службу выпускников духовных семинарий. Несмотря на сложности, церковь оказывала позитивное влияние на общество. Наставления священников носили духовно-нравственный, патриотический характер. Они агитировали население подписываться на государственные займы для восстановления и развития народного хозяйства (с. 144).

Глава 5 (Дмитриев Н.А.) знакомит читателя с управляющими и уполномоченным Калининской епархии. Через историческую биографию показана роль личности епископов – Фаддей (Успенский), Никифор (Никольский), Палладий (Шерстенников), Василий (Ратмир), Рафаил (Березин), Арсений (Крылов), Алексий (Сергеев), Варсонофий (Гриневич), Феодосий (Погорский) – и уполномоченного В. И. Хевронова в развитии отношений

местной духовной и светской власти в Калининской области.

Заключительная глава 6 «Епархиальная повседневность в 1950-е гг.» (Беговатов Д.А.) содержит сведения о важных событиях достаточно насыщенной церковной жизни, усилиях духовенства по сохранению церковного пения, борьбе церкви с «самочинными требоотправителями», незаконным почитанием вымышленных святых мест и источников, осложнении отношений духовенства и местных гражданских органов власти в конце 1950-х гг., свидетельствующих о начале хрущевских гонений на церковь.

Тематическое распределение разделов между участниками авторского коллектива указывает на наличие персонального научного интереса, погружённость в исследуемую проблематику. Заметна творческая манера каждого автора, особенный стиль и приёмы изложения исторического материала. Монография, несмотря на научный характер, написана понятным, приятным для прочтения языком. Научное издание отличает хорошо продуманная навигация, качественно оформленный справочно-библиографический аппарат, полнота приложений. При наличии промежуточных выводов в основном тексте, в заключении материал глав 4–6 недостаточно обобщен.

Книга станет хорошим дополнением библиотеки профессиональных историков, широкого круга специалистов-гуманитариев, учителей истории, краеведов, студентов.

Об авторе:

ЗЕЛЕНСКАЯ Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Институт истории, политический и социальных наук, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33), e-mail: yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

REVIEW FOR A COLLECTIVE MONOGRAPH LEONTIEVA T.

G., BEGOVATOV D. A., DMITRIEV N. A., LEONTIEVA O. G.

"CHURCH LIFE IN SOVIET SOCIETY IN 1940 – 1950: RELIGIOUS PRACTICES OF THE POPULATION OF THE KALININ REGION ACCORDING TO THE MEMOIRS OF "CHILDREN OF WAR". TVER: SFK-OFFICE, 2022. – 240 P.

Yu. N. Zelenskaya

Petrozavodsk State University, *Petrozavodsk, Russia*

The article presents a review of the collective monograph "Church life in Soviet society in 1940–1950: religious practices of the population of the Kalinin region based on the memoirs of "children of war". The scientific publication is a kind of report of a study conducted by scientists of Tver State University on a project of the same name supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research. The monograph highlights important pages of the church everyday life of Soviet society in the regional aspect. The specific features acquired by religious life in the Kalinin region during the Great Patriotic War and post-war reconstruction are shown. The basis of the source base was the unique memories of a special category of citizens of the Russian Federation – children of war.

Keywords: *collective monograph, history of the Russian Orthodox Church, church everyday life, USSR, Kalinin diocese, society, religious politics, children of war.*

About the author:

ZELENSKAYA Yulia Nikolaevna – the Candidate of History, the Doctor, the Department of National History, the Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (185910, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin Ave., 33), e-mail: yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.01.2023 г.

Подписано в печать 07.04.2023 г.

**Вестник
Тверского государственного
университета
Серия: История**

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются статьи кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), статьи докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; сообщения (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (0,3 п.л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Статьи и сообщения высылаются по почте заказным письмом главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу) по адресу: 170021, Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201, доставляются лично автором по указанному адресу или высылаются по электронной почте.

Вместе с распечатанным вариантом (межстрочный интервал – полуторный, шрифт – Times New Roman Суг, 14 кегль, сноски постраничные, нумерация сносок сквозная) представляется электронная версия на CD дисках. В отдельных файлах должны содержаться: статья, резюме, сведения об авторе (авторах). Сведения об авторах статьи включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, место работы (полное название), почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны, номера контактных телефонов (с кодом города) и адрес электронной почты. Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне чистой белой бумаги формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; аннотация (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи;

ключевые слова (до 10 слов или слово-сочетаний) на русском и английском языках. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком цитированной литературы на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. Фамилии авторов

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. Название организации и ведомства

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организации в статьях необходимо **употреблять официальное (общепринятое) без сокращений названия организации на английском языке**, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потерю статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименования фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

Использование перед основным названием дополнительных данных («Учреждение Российской академии

наук...», «ФГБОУ ВО» и т. п.) является лишним – это только затрудняет идентификацию организации.

3. Заглавие статей на английском языке

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. Авторские резюме (аннотации) на английском языке

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком. Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «for example», «the benefits of this study», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It was tested in

this study» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных статей, подаваемых в журналы издательства Emerald» (Великобритания): (<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

5. Пристатейные списки литературы

Список литературы приводится отдельным блоком («References»), русскоязычные ссылки даются в транслитерированном виде, иностранные источники приводятся без изменений. Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок References может отсутствовать.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности её авторов, а также организации, региона, страны. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (//, – и т. п.).

Наиболее значимыми составляющими в библиографических ссылках являются **фамилии авторов, названия журналов, книг, конференций, выходные данные (включая название издательства для монографий и №№ страниц для статей, опубликованных в журналах или сборниках). В ссылках на сборник статей указывается фамилия составителя или научного редактора.** При транслитерации в описание ссылки необходимо **вносить всех авторов**.

Другие требования к предоставляемым материалам

К предлагаемым для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям прилагается рецензия научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа (подпись заверена, печать) или внешнего оппонента-специалиста. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. В рецензии раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям «Вестника ТвГУ».

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и источниковедческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

Постстраничные сноски должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятymi в журнале «Вестник ТвГУ. Сер.: История»: в сноске указываются выходные данные, достаточные для библиографического поиска, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. ... канд. ист. наук и т. д.), фамилии и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первично оформляется с полным названием архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редактор оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и предоставляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диа-

грамм) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Поступившей в редакцию рукописи присваивается регистрационный номер, о чём редакция информирует авторов по электронной почте. Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам, которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегия принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректура автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Оплата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Научной Электронной Библиотеке ТвГУ (<http://eprints.tversu.ru>) и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссыл-

лок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник ТвГУ»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В. П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

в транслитерации:

Buldakov V. P., *Postrevolyutsionnaya Rossiya: ideologiya i upravlenie*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2015, № 3, S. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.

Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.

Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.

Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов

Bogdanov.SV@tversu.ru)

E-mail: history.decanat@tversu.ru

URL: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: «История». № 3 (63). 2022

**Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог
«Пресса России»)**

Подписано в печать 12.10.2022. Выход в свет 17.10.2022.

Формат 70x108¹/16. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,12.

Тираж 500 экз. Заказ № 214.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.

Цена свободная.